

**БУРЖУАЗНАЯ РЕСПУБЛИКА
1795—1799 ГГ.**

ГЛАВА I

КОНСТИТУЦИЯ III ГОДА

I. Общественное мнение и предварительные прения. — II. Отмена всеобщего избирательного права. — III. Восстановление системы ценза. — IV. Прения по поводу системы ценза. — V. Организация законодательной власти. — VI. Организация исполнительной власти. — VII. Администрация и муниципальная организация. — VIII. Декларация прав. — IX. Общий характер конституции. — X. Главнейшие органические избирательные законы. — XI. Плебисцит. — XII. Введение конституции в действие.

I

Демократическая конституция 1793 г. была не отменена, но лишь отсрочена, так как режим революционного правительства, установленный вместо нее, был сам только временным. Произошел как бы договор с народом, в силу которого эта конституция должна была вступить в силу, раз только Франция была избавлена от серьезной опасности, угрожавшей ее независимости.

Государственный переворот 9 термидора, направленный против Робеспьера, а не против демократии, сначала, повидимому, не нанес никакого ущерба этому договору. Даже когда реакция против отдельных лиц распространилась с робеспьеристов на демократов, даже когда был уничтожен клуб якобинцев, никто еще не осмеливался немедленно же заявить о намерении или о надежде отменить конституцию 1793 г.

Но республиканцы-демократы, которым грозила опасность наравне с террористами, стали требовать тогда вступления в силу этой конституции или, скорее, выработки необходимых для нее органических законов, причем тем самым Конвент

снова и торжественно брал бы на себя обязательство установить именно демократическую республику.

Таким образом борьба между демократическими и буржуазными республиканцами произошла на почве конституции 1793 г., причем первые боролись с открытым забралом, в то время как вторые носили сначала маску, а быть может, даже действовали сначала не вполне сознательно.

Через два дня после закрытия якобинского клуба (24 брюмера III года) Одуен и Барер предложили, от лица демократической партии в Конвенте, назначить комиссию для выработки органических законов «этой республиканской конституции, палладиума наших вольностей и гарантий прав человека». Предложение их было оспариваемо, не как демократическое, а как несвоевременное, Тальеном и Пеле (из деп. Лозеры), которые ссылались на неоконченную еще войну и, поменявшись ролями со своими противниками, выдвигали вперед те самые аргументы, которыми пользовались до 9 термидора монтаньяры, чтобы удержать временный революционный порядок. Прения по вопросу о конституции, говорили они, произвели бы раскол в нашей среде; останемся сплоченными, чтобы заключить мир с теми из наших врагов, которые склонны к миру, затем разрушим «новый Карфаген» (т. е. Англию), и только тогда займемся конституционным устройством. Конвент вотировал переход к очередному порядку.

Тогда еще никто не выступал с критикой конституции 1793 г. Только тремя месяцами позже, когда началось открытое гонение на людей и порядки II года, а в частности на членов бывших правительственных комитетов, термидоровцы правого крыла повели кампанию против демократических принципов этой конституции, но кампанию прикрытую и лицемерную. Они продолжали называть себя демократами, а некоторые из них, быть может, еще и были ими на самом деле. 11 вантоза III года один из вождей этой кампании, Фрерон, ответил с трибуны тем, которые обвиняли его в нападках на демократические идеи: «Я говорю о способе, которым редактированы права человека, а они сейчас же начинают кричать, что я хочу уничтожить эти права. Я говорю, что конституция представляет собою как бы Галатею Пигмалиона, прикрытую пурпуровой завесой, и что к ней надо приближаться с факелом Прометейя, а они кричат, что я нападаю на демократию». Он заявлял о своем преклонении перед «верховой хартией», но желал «выйти из святилища», чтобы сделать его обитаемым, т. е. чтобы подвергнуть его перестройке. Он требовал вместе с монтаньярами избрания комиссии для выработки органических законов; но, предлагая декретировать, чтобы «окончательное правительство» было установлено «на основах кон-

ституции 1793 г.), он обнаруживал стремление сохранить от нее только одни эти основы.

Конвент выслушал его, выразил свое одобрение аплодисментами, но ничего не вотировал. Он не осмеливался тогда и еще не хотел нарушить договор. Когда 18 вантоза работы по ремонту залы заседаний заставили временно вынести стоящую в ней таблицу с текстом конституции, Лежандр и Виллетар потребовали, чтобы она немедленно же была поставлена на прежнее место на виду у всех посреди залы, так как Конвент «должен был всегда иметь перед глазами демократическую конституцию 1793 г.». Это водворение на прежнее месте текста конституции последовало немедленно же, говорит «Moniteur», при многократно повторенных криках: «Да здравствует республика!» «Да здравствует конституция!»

Демократы организовали агитацию в Сент-Антуанском предместье, вызвавшую следующую попытку со стороны двух секций — секции госпиталя «Quinze-Vingts» и Монтрейльской секции: 1 жерминаля они явились к решетке Конвента жаловаться на страдания народа, на дороговизну съестных припасов и на интриги внутренних и внешних врагов. «В ваших руках имеется самое действительное средство прекратить политическую бурю, игрушкой которой мы являемся, к нашему несчастю, — говорили они. — Воспользуйтесь им: организуйте немедленно же народную конституцию 1793 г.; французский народ одобрил ее и поклялся защищать ее; она — его палладиум и гроза для его врагов».

Шаль поддержал эту петицию. Он потребовал кроме того выполнения 124-й и последней статьи конституции, гласившей, что «Декларация прав и конституционный акт должны быть начертаны на таблицах и находиться как в зале заседаний Законодательного корпуса, так и на всех площадях». Тибодо воспротивился этому, так как это значило бы провозгласить конституцию неизменной и неприкосновенной; он первый осмелился напасть с трибуны на «верховную хартию». «Я не знаю, что хотят сказать, твердя всякий день о демократической конституции. Понимаете ли вы под демократической конституцией правительство, в котором народ сам осуществлял бы все свои права? (Все члены: Нет, нет!) Я знаю только одну демократическую конституцию — ту, которая предоставляла бы народу свободу, равенство и мирное пользование своими правами. (Сильные аплодисменты.) В этом смысле существующая конституция не есть демократическая, потому что при ней национальное представительство еще было бы во власти узурпаторской коммуны, много раз пытавшейся уничтожить его и убить свободу!..» Затем он прямо заявил, что имел предложить несколько поправок к конституции.

Конвент вотировал на том же заседании, чтобы «в течение декады была назначена комиссия со специальной миссией заняться выработкой органических законов, необходимых для приведения в действие демократической конституции 1793 г.». Затем, еще далеко не вступая на путь, указанный ему Тибодо, Конвент согласился внести в закон о полицейских мерах, вотированный им в тот же день, поправку Шала, включавшую в число преступлений «мятежные крики, которые кто-либо позволил себе на улицах и в других общественных местах против верховной власти народа, республики, конституции 1793 г., принятой народом, и против национального правительства». 4 жерминаля сам Сиейс счел нужным заявить с трибуны, что конституция «достойна уважения и не может подвергаться нападкам» и что она «для нас высший закон».

Идейное движение в секциях в пользу конституции 1793 г. сделалось настолько сильным, что Мерлен (из Дуэ) предложил 8 жерминаля немедленно же ввести ее в действие и созвать первичные собрания на 1 флореала. 10 жерминаля это предложение было отстранено, и Конвент декретировал, что он назначит на следующий день комиссию для выработки органических законов.

11 жерминаля секция госпиталя «*Quinze-Vingts*» настаивала у решетки на немедленном вступлении в силу конституции.

12 жерминаля в залу Конвента ворвались мятежно настроенные петиционеры с требованием хлеба и конституции 1793 г. Подавив это восстание, Конвент избрал (14 жерминаля) комиссию из следующих семи членов: Сиейса, Мерлена (из Дуэ), Тибодо, Матьё, Лесажа, Крёзе-Латуша и Камбасереса.

Нам ничего не известно о работах внутри этой Комиссии. Ларевельер-Лепо говорит только в своих «Мемуарах», что «Сиейс и Камбасерес не были расположены компрометировать себя в глазах Сент-Антуанского предместья, которое не любило шутить по поводу своего излюбленного кодекса 1793 г.». 19 жерминаля Пеле (из деп. Лозеры) посоветовал с трибуны Комиссии «внести полезные поправки в конституцию», авторы которой, по его словам, не обладали «привилегией непогрешимости», и он наметил некоторые поправки весьма не демократического свойства. Комиссия не обратила внимания на этот совет¹. 29 жерминаля Камбасерес прочел от ее имени доклад,

¹ В печати и памфлетах не решались даже тогда особенно нападать на конституцию. Один из первых писателей, находивших эту конституцию дурной, выражался так: «Так как не позволено говорить о конституции 1793 г. иначе как с похвалой, то я не буду говорить о ней. Но так как нет запрета почитать конституцию Пенсильвании, по образцу которой она грубо выкроена, то к этой последней и будут обращены мои замечания...» *Qu'est-ce que la constitution de 1793?* Нап. библ., Lb. 41/1723, in-8.

в котором вовсе не предлагал изменения конституции, ограничиваясь только изложением плана выработки органических статей. В его лице Комиссия как бы признавала свое бессилие или свою робость и требовала, чтобы возложенная на нее работа была передана в другие руки. Конвент уступил этому желанию и декретировал избрание новой Комиссии из одиннадцати членов, которой поручалась «выработка законов, необходимых для приведения в действие конституции». Комиссия должна была представлять свои работы в следующем порядке: законы о составе территории республики и о ее внутреннем распределении; законы об осуществлении верховной власти народа; законы об Исполнительном совете и его агентах; законы о внешних сношениях; законы о финансах; законы о вооруженной силе; законы о законодательном корпусе. Граждане приглашались представлять свои проекты, которые могли быть напечатаны по распоряжению Комиссии.

В состав этой Комиссии вошли: Камбасерес, Мерлен (из Дуэ), Сиейс, Тибодо, Ларевельер-Лепо, Лесаж (из деп. Эр-и-Луар), Буасси д'Англа, Крезе-Латуш, Лувэ (из деп. Луарэ), Берлье, Дону¹.

Декретом 15 флореаля обязанности членов Комиссии одиннадцати были объявлены несовместимыми с обязанностями членов Комитета общественного спасения и общественной безопасности². Камбасерес, Сиейс и Мерлен (из Дуэ) предпочли остаться в Комитете общественного спасения; Конвент назначил вместо них (17 флореаля) Ланжюинэ, Бодена (из деп. Арденн) и Дюран-Майльяна.

Бумаги Комиссии одиннадцати³ состоят лишь из полученных ею проектов и нескольких черновых набросков ее собственных работ с поправками и заметками, сделанными рукою Дону (игравшего, повидимому, в этих работах внутри Комиссии такую же важную роль, как и позже в публичных прениях). Не сохранилось ни журналов, ни каких-либо следов прений. Но в мемуарах двух из членов Комиссии, Ларевельера-Лепо и Тибодо, встречаются некоторые заметки о ее деятельности⁴.

¹ Результат этих выборов был сообщен на заседании 4 флореаля.

² Ларевельер-Лепо говорит (т. I, стр. 229), что этот декрет был объявлен своим появлением «осторожному Камбасересу», искавшему возможности устраниться, и «благоразумному Сиейсу». Предложил декрет Тибодо на заседании 11 флореаля («Moniteur», переизд., т. XXIV, стр. 354).

³ Arch. nat., С. 227—252.

⁴ Дюран-Майльян мало говорит о Комиссии одиннадцати в своих «Мемуарах», изданных в 1825 г. под заглавием «Histoire de la Convention nationale». Он говорит только, что он именно предложил (ранее Сиейса) проект конституционного жюри. Он говорит также следующее (стр. 275): «Я был мало расположен участвовать в сооружении здания, которое ка-

Комиссия начала свои заседания с 17 флореаля III года. Они открывались в восемь часов утра и длились до пяти часов вечера без перерыва. Наиболее прилежными оказались Боден, Дону, Крёзе-Лагуш, Ларевельер-Лепо, Ланжюинэ и Лесажа. Из публицистов, предложивших свои проекты, особого внимания удостоился Рёдерер, которому позволено было присутствовать на заседаниях. Обратились за советом к Сиейсу, но он ответил: «Вы меня не поняли бы», и отложил свое вмешательство до публичных прений.

Тибодо утверждает (не приводя никакого доказательства), что в Комиссии существовала монархическая партия, состоявшая из Лесажа, Буасси д'Англа и Ланжюинэ. Он прибавляет, что они не были все-таки сторонниками Бурбонов, желая без сомнения сказать этим, что он считал их орлеанистами. Он говорит, что мнения старого Дюран-Майльяна не шли в счет. Ларевельер же прибавляет, что Дюран-Мальян трепетал при одной мысли затронуть конституцию, столь дорогую грозному Сент-Антуанскому предместью, и что после прериальского восстания им овладел такой страх, что он уже не показывался больше в Комиссии. По словам того же очевидца, один Берлье говорил как демократ.

«В первый же день, как мы собрались, — говорит Ларевельер, — мы пришли к почти единодушному соглашению, что у нас должна идти речь не об органических законах и не о конституции 1793 г., а о выработке проекта новой разумной конституции». . . «Комиссия решила единодушно, — говорит Тибодо, — отложить в сторону конституцию 1793 г.»

Но действительно ли Комиссия так поторопилась устранить конституцию 1793 г., как это казалось Ларевельеру по его воспоминаниям (он писал в эпоху Реставрации)? Правда, и тогда уже в некоторых секциях общественное мнение было настроено против демократии. 1 и 25 флореаля секции «Butte-des-Moulins», «Mont-Blanc», «République» подали у решетки Конвента петиции, направленные против «конституции децемвиров»¹. Но, с другой стороны, демократы готовили тогда при деятельном участии предместий восстание посерьезнее жерминальского. Исход приближавшейся борьбы казался еще очень сомнитель-

залось мне строящимся на песке, раз в основе его не лежала религия». Действительно ли у Дюран-Майльяна возникли эти сомнения? Достоверно ли даже, что он высказывал их? Я не знаю, можно ли смотреть на его «Мемуары», изданные после его смерти, как на вполне принадлежавшие ему. Об этом см. в журнале «La Révolution française» (т. XXXIX, стр. 289—333) статью А. Mathiez, озаглавленную: «Quelques lettres de Durand de Maillane».

¹ «Moniteur», перензд., т. XXIV, стр. 268, 269, 462. Секция «Butte-des-Moulins» прямо погребовала (1 флореаля), чтобы Конвент отменил, под условием одобрения со стороны народа, вредные части конституции.

ным; мало вероятно поэтому, чтобы у Комиссии хватило тогда же смелости раздражать демократов прямым устранением конституции 1793 г., на что она даже не имела полномочия¹.

Если бы она приняла столь важное решение, то это сделалось бы тогда же известным, и инсургенты прериала, восставшие не только ради хлеба, но и ради поддержания демократии, символом которой была конституция 1793 г., не преминули бы потребовать принятия мер против Комиссии одиннадцати. Но ничего подобного не было. Когда Конвент 2 прериала был окружен, осажден и вступил в переговоры с инсургентами, то он убедил их разойтись обещанием чего? — Того, что 25 числа Комиссия представит проект «органических законов» конституции 1793 г. Но для того чтобы инсургенты удовлетворились таким обещанием, разве не должно было быть известным, что Комиссия еще не приняла решения устранить конституцию?

Только когда демократическое восстание потерпело решительное поражение, 3 и 4 прериала произошел этот поворот, если не в мнениях, то по крайней мере в намерениях.

Народ предместий попытался устроить новое 31 мая, новое 2 июня, сделаться господином Парижа, Конвента, всей Франции и восстановить диктатуру парижской коммуны. Он пронес на пике голову Феро; целая народная армия окружила 2 прериала депутатов и угрожала им смертью. Демократия снова предстала в грозном облике красного террора. Членами Конвента овладел страх.

С другой стороны, это восстание было побеждено, подавлено. У населения предместий было отнято оружие; можно было больше не бояться этого народа; его вожди сидели в тюрьме.

Тогда-то, чтобы отомстить демократам, Конвент и решился, не признаваясь в этом и, быть может, даже не отдавая себе в первую минуту ясного отчета, отречься от демократии, отречься от конституции, которая ее организовала. Он позволил свободно критиковать эту конституцию с трибуны². Без вся-

¹ Следует, однако, сказать, что поднимался вопрос о предоставлении ей этого полномочия. На заседании 12 флореала III года Ланжюинэ сказал с трибуны: «Будем говорить прямо и открыто о том, о чем говорится по крайней мере шепотом во всей республике: нам гораздо менее нужны органические законы для конституции, чем сама конституция. Да, наш Комитет семи (sic: он хочет сказать Комиссия одиннадцати) должен дать вам новую конституцию...» (*Journal des Débats et des Décrets* № 948, стр. 178, 179). Слова Ланжюинэ произвели сильное впечатление; но он не сформулировал их в какое-либо предложение, и Конвент не постановил никакого решения.

² См. например, «Opinion de Joseph Terral, député de Tarn, sur les défauts de la constitution de 1793. Prairial, an. III. Нац. библ., Le. 38/1453, in-8.

кого особого декрета, в силу самих событий, и полномочия Комиссии одиннадцати оказались измененными, и, единодушная в своем решении устранить конституцию 1793 г.¹, она занялась выработкой не органических законов, а новой конституции, основанной на системе ценза.

Главным редактором этой новой конституции был Дову; но докладчиком был избран Буасси д'Англа, без сомнения, по причине того уважения, которое доставило ему его мужественное поведение во время событий 1 прериала².

Этот доклад был прочитан в Конвенте на заседании 5 мессидора III года. Обсуждение в первом чтении началось 16 мессидора и продолжалось до 25 термидора. Обсуждение во втором чтении происходило с 26 по 30 термидора. В своем целом конституция была вотирована 5 фруктидора, затем утверждена народом, созванным в первичные собрания 20 фруктидора, и провозглашена основным законом республики 1 вандемьера IV года.

II

Основной чертой этой конституции была отмена демократической системы, установленной 10 августа 1792 г. Всеобщее избирательное право было заменено системой избирательного ценза, причем право быть избранным также обставлялось условиями ценза; к республике был применен буржуазный порядок, применявшийся с 1789 г. по 1792 г. к монархии.

Какие же теоретические аргументы были выдвинуты вперед с целью устранить неимущих от политической жизни? Дюпон (из Немура) писал тогда в своих «Заметках» по поводу проекта конституции³: «... Очевидно, что собственники, без согласия которых никто не мог бы иметь ни жилища, ни пищи в стране, суть ее граждане по преимуществу. Они — верховные повелители милостью божией, благодаря самой природе, своему труду и своим затратам, а также труду и затратам своих

¹ Единодушие этого решения было официально засвидетельствовано докладчиком Комиссии, Буасси д'Англа, который выражался в своем докладе от 5 мессидора III года так: «Мы заявляем вам все единодушно, что эта конституция не что иное, как организованная анархия, и мы ждем от вашей мудрости, вашего патриотизма и мужества, что вместо того чтобы позволить обмануть себя пустыми словами, вы сумеете, после того как истребили своих тиранов, зарыть вместе с ними в поглотившую их могилу и их гнусное произведение».

² Ларевельер говорит, что поручая ему эту почетную обязанность, имеди в виду обзоружить или нейтрализовать его враждебные отношения ко всякой республиканской конституции.

³ Нац. библ., Ib. 41/4447. in-8.

предков»...¹ Буасси д'Англà говорил в своем докладе: «Нами должны управлять наилучшие; наилучшие же — это наиболее образованные и наиболее заинтересованные в поддержании законов. Но, за очень немногими исключениями, вы встретите подобных людей лишь среди тех, которые, обладая собственностью, привязаны к стране, где она находится, к законам, защищающим ее, к тишине и спокойствию, охраняющим ее, и которые обязаны этой собственности и доставляемому ею достатку своим образованием, делающим их способными обсуждать с проницательностью и точностью выгоды и невыгоды законов, определяющих судьбы их отечества... Страна, управляемая собственниками, живет в условиях социального строя; страна, где управляют несобственники, живет в первобытных условиях...»

Но чаще приводились исторические аргументы. Демократия плохо управляла Францией; вот главным образом почему хотели лишить бедных избирательного права. Когда Буасси д'Англà говорил, что несобственники «станут вызывать или допускать волнения, не опасаясь их последствий, и станут устанавливать или допустят установление налогов, губельных для торговли и земледелия», он имел в виду санкюлотов и установление максимальных цен на хлеб. Когда Ланжюинэ предлагал (21 мессидора) оградиться путем ценза от «господства людей сорока су», от этих «трутней, потребляющих мед, собранный трудолюбивой пчелой», он имел в виду народные клубы II года, политические меры, принимавшие коммунистическую форму. Ссылались также на пример Америки. В прериале III года Воблан писал в «Размышлениях», представленном им Конвенту через посредство Брессона (из деп. Воге): «... По примеру мудрых американцев, которые первые провозгласили права человека, требуют собственности от одной из двух законодательных палат». Он хотел также, чтобы от членов первичных собраний требовался платеж налога².

¹ В «Gazette française» от 2 вандемьера IV года читаем: «Во всех цивилизованных обществах одни собственники составляют общество. Все остальные — только пролетарии, состоящие в категории сверхштатных граждан и ждущие момента, который позволит бы им приобрести собственность. Эти принципы, составляющие основу всех существующих в настоящее время на земле политических обществ, находились в совершенном забвении у нас в последние пять лет. Во все это время не переставали преследовать собственников, и были употреблены все усилия, чтобы поставить на их место санкюлотов».

² «Réflexions sur les bases de la Constitution, par le citoyen***, présentées à la Convention nationale, par Bresson», прериаль III года, Наг. библ., Le. 35/1455, in-8. Воблан также ссылался на пример Америки, критикуя конституцию 1793 г.: «Посмотрите на мудрых американцев: назвали ли они хоть одну из составных частей Союза «демократической республикой»? — Идея Воблана произвела сенсацию, если верить «Вечернему вест-

Зрелище робеспьеровской, террористической демократии оттолкнуло Конвент от этой правительственной системы. Желание устранить всеобщее избирательное право было почти единодушно. Когда в прериале стало известно, что Комиссия одиннадцати отвергла этот способ выборов, нигде не произошло никакого протестующего движения. Я встретил только одного анонимного автора, который жалуется на это решение в своем «*Observation sur le droit de cité*»¹. Во время прений по поводу проекта Комиссии одиннадцати демократические члены Конвента ограничивались, вообще говоря, лишь требованьем понижения ценза, не оспаривая его в принципе (см., например, речи Дюбуа-Крансе и Грегуара). Я нахожу тогда в Конвенте только трех защитников всеобщего избирательного права: знаменитого Томаса Пэна, известного Лантенаса и мало известного Жюльена Суэ (*Souhait*).

19 мессидора III года Пэн заставил прочесть с трибуны перевод речи, которую он написал по-английски, с целью указать на противоречия между принципами 1789 г. и системой ценза. В Конвенте послышался ропот; никто не стал поддерживать Пэна. Притом же разве пример американских конституций, из которых ни одна не допускала всеобщего избирательного права, не опровергал демократических советов этого американца?

В своем сочинении о праве гражданства, напечатанном в термидоре², Лантена требовал сохранения всеобщей подачи голосов, опираясь на то соображение, что неполитично дробить общество на классы, предполагая их враждебными друг другу.

Было ли в действительности произнесено с трибуны «Мнение» Жюльена Суэ (депутата из деп. Вогеэ) о всеобщем избирательном праве? Газеты не указывают на это; но оно было напечатано по распоряжению Конвента³. Суэ оказался единственным монтаньяром, который энергично противился установлению буржуазной республики. Он требовал именно всеобщего избирательного права, ибо говорил в своем проекте декрета: «Все граждане, без всякого отличия богатого от бедного, допускаются к вотированию в первичных и избирательных собраниях». Сначала он излагал не без напыщенности

нику» от 2 мессидора III года, выражавшемуся так: «Читали ли вы Воблана? Вот вопрос, стоящий на очереди дня. В кофейнях и читальнях, в секциях и театрах, на прогулках и даже в кордегардиях только и слышатся восторженные речи о превосходном проекте конституции, приписываемом этому уважаемому гражданину».

¹ Нац. библ., Lb. 41/1897, in-8.

² Нац. библ., Le. 38/1620, in-8.

³ Без даты, in-8, в 34 стр. Нац. библ., Le. 38/1553.

принципиальные аргументы, но более интересна его историческая аргументация:

«Этот класс людей, называемых пролетариями, с энтузиазмом вооружился на защиту общей свободы. Кто победил внешнего врага? Кто проливал свою кровь на Аргонских высотах, в Жемаше, в Пиренеях, при Флёрюсе, в Альпах, на Рейне? Кто покрыл Францию победными лаврами и начертал ее имя на скрижалях бессмертия? Без сомнения, и другие граждане принимали участие в этом удивительном пожинании славы; но что заставляет презирать смерть, как не несчастье? Что способно вызвать столько чудес, как не презрение к смерти, несчастье, надежда и добродетель?

А во внутренних делах, кто может сомневаться, что революция совершена народом? Без сомнения, инициатива принадлежит в ней советам философии; но без народной силы они создали бы лишь прекрасную иллюзию. Четырнадцатым июля и десятым августа мы обязаны главным образом классу немощных граждан. Презрение, которым они были покрыты при старом порядке; страдания, терзающие людей и заставляющие их непрерывно менять положение; чувствительность к бедствию своих ближних, столь естественная в несчастном; отдавленность от милостей двора и выгод, извлекавшихся из его беспорядочной жизни богатыми и привилегированными; понимание природы, более сильное у класса, наименее удаленного от ее свойств и законов; энтузиазм к свободе и равенству, как самое сладкое утешение в несчастии и самая сильная страсть в человеке, преследуемом оскорблениями и общественным презрением, — все это влекло немощного к низвержению деспотизма, и его усилия были тем страшнее, что так как ему нечего было терять, а надеяться он мог на все, то никакие соображения не задерживали его порыва. Неужели же он пролил столько крови, выдержал столько битв, перенес столько лишений и испытаний лишь для того, чтобы снова впасть в рабство и видеть, как у него отнимаются права теми самыми людьми, могущество и свободу которых он обеспечил?..»

Далее, упоминая об установлении всеобщего избирательного права 10 августа, он говорит: «Какое же злоупотребление было результатом этого возврата к природе и справедливости? Слив все сердца и умы в единое чувство, он ниспроверг трон, изгнал врага из отечества и основал республику. Почти повсюду народные выборы были лучше предшествовавших. Могут ли быть более сильные мотивы для удержания этого спасительного и политического закона?»

Он ссылается на Кондорсе, который «полагал, что сила и прочность правительства пропорциональны массе индивидов, заинтересованных в защите его». Затем он прибавляет, до-

вольно верно оценивая будущее: «Лишение гражданских прав значительного разряда индивидов не только не будет выгодно для свободы других, но, напротив того, подвергнет ее большой опасности, так как предаст этот класс в руки первого честолюбца, который пожелает воспользоваться его недовольством, чтобы утвердить свое господство и подавить общественную свободу анархией». Он протестует также против обвинений демократов в бабулизме: «Неимущий — враг богатого! Значит, он враг самого себя? Принужденный к труду своими потребностями, разве он не знает, что богатство, интересы и наслаждения имущих — его главнейшие ресурсы и что без богатства множество индивидов, ограниченные способности которых делают их негодными для крупных спекуляций, умерли бы от голода?»

Никто не ответил на эту заданную всеобщего избирательного права, оставшуюся (повидимому) незамеченной. Когда был вотирован декрет, исключавший неимущих, ни демократическая пресса, ни рабочий предместьев, ни остатки народных клубов не выразили ни индивидуального, ни коллективного протеста. Полицейские рапорты говорят по этому поводу только о нескольких праздных разговорах в кофейнях. Отмена всеобщего избирательного права была едва замечена современниками. Она была единодушно задумана всем Конвентом, и, можно сказать, что французский народ единодушно согласился на нее или примирился с ней, — так всеобща была непопулярность, постигшая демократов II года, и так полно было поражение демократической партии в прерияле III года.

III

Посмотрим теперь, как было организовано по конституции III года это избирательное право, обусловленное цензом и составлявшее основу нового буржуазного строя.

Заметим прежде всего, что принцип избрания гражданами главнейших должностных лиц был сохранен. Согласно новой конституции, первичные собрания должны были избирать мировых судей и муниципальных чиновников, а избирательные собрания — членов Законодательного корпуса (который в свою очередь должен был избрать Исполнительную директорию), членов кассационного трибунала, верховных присяжных, департаментскую администрацию, президента, прокурора и секретаря уголовного трибунала и судей гражданских трибуналов.

Но какие же французы признавались гражданами?

Согласно проекту Комиссии одиннадцати, чтобы быть французским гражданином, надо было достигнуть двадцатилетнего возраста, быть внесенным в гражданские списки своего

кантона, прожить в течение последнего года на территории республики и уплачивать какую бы то ни было прямую подать, земельную или подушную¹. От последнего требования были изъяты лишь французы, участвовавшие в одной или нескольких кампаниях, способствовавших установлению республики. Что касалось цивических списков, то, чтобы быть внесенными в них, молодые люди начиная с IX года должны были доказать, что они умеют читать и писать и знают какое-нибудь ремесло (к которому причислялось также и земледелие). Одни «французские граждане» могли подавать голос в первичных собраниях. Осуществление этого права приостанавливалось для отданных под опеку, сумасшедших и т. д., для «домашней прислуги, состоящей на жалованье и приставленной к лицу или хозяйству», для лиц, входящих в состав иностранной корпорации, принадлежность к которой предполагала бы отличия по рождению или требовала бы религиозных обетов. Все выборы должны были происходить путем тайной подачи голосов.

Первичные собрания избирали непосредственно депутатов в Законодательный корпус (так же как и других должностных лиц, которых раньше назначали избирательные собрания).

Чтобы иметь право быть избранным в Законодательный корпус, надо было обладать поземельною собственностью.

Кроме этого ценза, которым обуславливалось право быть избранным, Комиссия предложила еще и другие ограничения этого права, относившиеся как к должности депутата, так и почти ко всем избирательным или неизбирательным должностям. Это была так называемая система градации, идея которой была когда-то высказана в Учредительном собрании Мирабо. Вот в каких выражениях Комиссия одиннадцати предложила эту систему (статьи 21—27 титула III ее проекта):

«Общественные должности подразделяются на несколько степеней. К первой из них принадлежат должности муниципальных советников кантона, коммуны или округов, мировых судей, их помощников и членов примирительных камер. Ко второй степени относятся должности членов департаментских административных советов и гражданских трибуналов, президентов, прокуроров и секретарей уголовных трибуналов. Все

¹ По этому поводу и как пример неточности воспоминаний я приведу следующее место из «Мемуаров» Тибодо (т. I, стр. 182), где идет речь о прениях внутри Комиссии одиннадцати по вопросу об осуществлении политических прав: «Один, как Лесаж и Ланжюинн, хотели обусловить его платежом налога; Боден — умением читать и писать; другие же желали предоставить наиболее простора равенству. Последнее мнение взяло верх». Между тем оно не только не взяло верх, но сомнительно даже, чтобы хоть кто-нибудь из членов Комиссии поддерживал всеобщее избирательное право. Тибодо, бывший членом этой Комиссии, писал свои «Мемуары» после 1815 г., а издал их в 1824 г.

эти должности будут платными. Должности второй степени, перечисленные в статье 23, могут быть возлагаемы лишь на граждан, выполнивших в течение двух лет одну из должностей, перечисленных в статье 22.

«Только одни граждане, выполнявшие в течение двух лет одну из общественных должностей второй степени, могут быть избраны в Законодательный корпус, если они удовлетворяют при этом всем остальным условиям, требуемым настоящей конституцией. Члены центральной исполнительной власти, послы, правительственные комиссары при департаментских административных советах и при трибуналах, главные секретари этих административных советов и трибуналов, комиссары национального казначейства, директора и сборщики прямых и косвенных налогов могут быть избраны в Законодательный корпус после шестилетнего выполнения ими их обязанностей. Условия, предписанные тремя предшествующими статьями, вступают в силу только с девятого года существования республики. До истечения же этого срока всякий гражданин, который занимает или будет занимать одну из общественных должностей высших степеней, в силу выбора, состоявшегося в избирательном или первичном собрании, будет иметь право быть выбранным в депутаты, не проходя должностей низших степеней».

Таков был проект Комиссии одиннадцати относительно организации нового избирательного порядка, основанного на цензе.

Конвент подверг этот проект следующим изменениям.

Он отверг систему прямых выборов и восстановил департаментские избирательные собрания, т. е. установил систему двойных выборов.

Он смягчил условия ценза для избирателя первой степени, участвовавшего в первичных собраниях, предоставив новым пассивным гражданам то, чего тщетно добивались бывшие пассивные граждане в эпоху конституционной монархии, а именно возможность сделаться активным гражданином, уплатив добровольно подушную подать. Эта подать равнялась местной стоимости трех рабочих дней земледельческого труда.

Он отменил всякий ценз, обуславливавший право быть избранным в Законодательный корпус, так же как это сделало и Учредительное собрание в том (непрерывном) декрете, который оно издало перед своим роспуском. Но он — опять-таки по примеру Учредительного собрания — придал более резкий ограничительный и буржуазный характер этому новому избирательному порядку, постановив, что никто не мог быть избирателем второй степени, если он не совмещал в себе условия достижения двадцатипятилетнего возраста с условием облада-

ния в коммунах с населением, превышающим 6 000 жителей, имуществом на правах собственности или пользования, приносящим доход, равный по цене двумстам рабочим дням¹, или же с тем условием, чтобы он был наемщиком жилища, приносящего доход, равный цене ста пятидесяти рабочих дней, или арендатором какого-нибудь сельскохозяйственного имущества, оцененного в двести рабочих дней. В коммунах с меньшим населением этот ценз был установлен ниже.

К условиям неимущественного ценза, которыми было обставлено право быть депутатом (между прочим тридцатилетний возраст для Совета пятисот и сорокалетний для Совета старейших), он прибавил требование быть женатым или вдовцом; но при втором чтении это условие было оставлено только для членов Совета старейших.

Он отверг систему градаций.

Он назначил не IX, а XII год сроком, когда вступало в силу требование от граждан уметь читать и писать и знания какого-нибудь ремесла.

Таким образом конституция III года отменяла всеобщее избирательное право, предоставляла в принципе право голоса на первых выборах, в первичных собраниях только гражданам, платившим налог, допускала в избиратели второй степени только имущих граждан, собственников, арендаторов или фермеров, требовала в будущем образовательного ценза, клала в основу нового избирательного права одновременно богатство и профессиональные способности, словом, — создавала нацию из буржуазии, рассматриваемой как политическое тело.

IV

Мы видели, что было предложено Комиссией одиннадцати и что было принято Конвентом по отношению к избирательной системе. Публичные прения, результатом которых был окончательный текст конституции, были отмечены некоторыми штрихами, интересными для истории политических идей.

Так, Конвент почти единогласно исключил из условий ценза обладание земельной собственностью, предложенное Комиссией. Ораторами был высказан тогда следующий общий принцип: необходимо обладать чем-нибудь, иметь известный достаток как гарантию гражданской правоспособности, но нет надобности, чтобы этим имуществом была непременно земля. На заседании 21 мессидора III года Ланжюинэ, Байель и еще другие про-

¹ Когда Комиссия перерабатывала свой проект, имея поручение организовать систему двойных выборов, она предложила доход в четыреста рабочих дней. Конвент, по предложению Женисье, уменьшил эту цифру до двухсот.

тестовали против обвинения их в желании создать аристократию земельных собственников. Тем не менее Делаэ внес предложение (не имевшее успеха), чтобы одна из двух палат состояла «исключительно из собственников, а другая из представителей таланта и добродетелей, без всяких условий ценза и без всяких ограничений»¹.

Одним из вопросов, наиболее горячо обсуждавшихся, был вопрос о прямых или косвенных выборах. Ранее требование прямой подачи голоса было одним из пунктов демократической программы; демократы утверждали, что таким путем народ с большею полнотою осуществлял свою верховную власть. В III году этот вопрос ставился уже иначе. Комиссия и сторонники прямых выборов возражали теперь против системы избирательных собраний, что на эти собрания оказывает слишком большое влияние население того города, в котором каждое из них заседает. Прямые выборы носили бы, по их мнению, более деревенский, умеренный характер. Сторонники системы двойных выборов отвечали на это, что выборы, произведенные избирательными собраниями, всегда будут более обдуманными и удачными, и это соображение взяло верх.

Требование умения читать и писать было поддержано аргументами, основанными на опыте: вспомнили о тирании безграмотных санкюлотов. На эту меру смотрели так же, как на действительное средство ускорить распространение образования в народе. Нашелся, однако, член Конвента Фор (из деп. Нижней Сены), восставший против этого ограничения. Он не хотел, чтобы Конвент занимался народным просвещением; он хотел, чтобы «это было предоставлено департаментам», и не скрывал своей неприязни ко всем проектам, касавшимся просвещения народа. Комиссия требовала, чтобы условие грамотности было отсрочено до IX года. «Я предупреждаю вас, — сказал Фор, — что если вы захотите обратить народ в ученых, то республика не продержится и девяти лет. У вас будет народ философов и барышников, благодаря нашим бредням о народном образовании, но не будет ни одного сельского батрака, ни одного жнеца, ни одного поденщика»². Фор, однако, не встретил сторонников своему презрительному отношению к «бредням о народном образовании».

Мы видели, что только три члена Конвента требовали удержания всеобщего избирательного права. Один из членов выдвинул «феминистский» вопрос; это был Рузэ (из депар-

¹ «Opinion de Delahaye», Н.п. библ., Le. 38/1503, in-8.

² «Touche légère sur la Constitution des Onze», par P.-J.-D.-G. Faure (de la Seine Inférieure). Наг. библ., Le. 38/1504, in-8.

тамента Верхней Гаронны). Не требуя всеобщего избирательного права, он требовал избирательного права для женщин¹. Ланжюинэ на заседании 21 мессидора III года высказался против этого требования. «Мы ответим, — сказал он, — вопросом: какая честная женщина осмелится утверждать, — что нет единства желаний между ее мужем и ею? Защищая свои собственные интересы, муж тем самым защищает вопросы и той, которая составляет с ним нераздельное целое. Притом же женщинам предназначена другого рода слава, быть может, более завидная: они призваны формировать с колыбели характеры, которые будут потом блистать всеми республиканскими добродетелями: их образец — мать Гракхов»².

Прения о градации должностей были одними из тех, в которых всего сильнее обнаружилась реакция против той идеи Робеспьера, что народ от природы добр и разумен. Берлье сказал³: «Разве тот, кто не занимал общественной должности низшей степени, не представляет собою несовершеннолетнего по отношению к высшим должностям? Разве можно знать что-нибудь не учившись? Разве общество не может и даже не обязано требовать, как гарантии для себя, того политического искусства, который внесет, вместе с знанием дела, душу и жизнь во все отрасли политического строя?» «Ланжюинэ, — говорит «Moniteur», — настаивал на опасности допустить к важным обязанностям народного представителя людей, знающих все в своем кабинете и ничего на практике. Он опирался на пример множества малоспособных людей, которые слишком часто со времени революции добиваются всякого рода общественных должностей, не имея никакого права на них кроме значительной дозы шарлатанства при отсутствии истинного таланта». Противники системы постепенного повышения, а именно Тибодо⁴, выставляли на вид ограничение в осуществлении верховной власти по отношению к выборам, которые не подлежали этому ограничению, и опасность создать аристократию чиновничества.

¹ «Vue civique sur la Constitution», par Rouzet, Нац. библ., Le. 38/1506, in-8.

² «Moniteur», переизд., т. XXV, стр. 196.

³ Ibid., стр. 312, 4 термидора 3 года.

⁴ То же заседание, стр. 379 — Впоследствии опыт указал другие аргументы сторонникам системы градации. «Она вызвала бы в то же время, — говорит Ларевельер-Лепо в своих «Мемуарах» (т. I, стр. 231). — то хорошее последствие, что заставила бы военных добиваться гражданских должностей и не считать себя выше тех, которые занимают их. Таким образом чистый военный дух, столь пагубный для общественной морали и свободы, сливался бы с общественным настроением. Армия не была бы нацией в нации и не смотрела бы на себя как на единственно достойную власти, наград и славы и как на имеющую интересы, отдельные от всего остального общества».

Вот все, что было наиболее выдающегося в прениях по поводу избирательного права.

V

Как же была организована та законодательная власть, которая должна была явиться продуктом новой избирательной системы?

Учреждался «Законодательный корпус», состоявший из «Совета старейших» в составе 250 членов и «Совета пятисот». И тот и другой должны были возобновляться ежегодно в составе одной трети своих членов, причем никто из этих членов не мог занимать свою должность более шести лет под ряд. Этот Законодательный корпус должен был изготавлять законы; право предлагать их принадлежало исключительно Совету пятисот. Законопредложение, вотированное этим Советом, называлось «резолюцией». Если Совет старейших одобрял резолюцию, она становилась законом; если он отвергал ее, она могла вновь быть предложена Советом пятисот лишь по истечении года; но этот Совет мог внести во всякое время проект закона, содержащий в себе также и те статьи, которые входили в состав отвергнутого проекта. Таким образом Совет старейших, хотя мог одобрить или отвергнуть данный законопроект только во всем его составе, мог косвенным путем побудить к его поправкам. Никакое законопредложение не могло исходить от Совета старейших, но он имел право, путем декрета, не подлежащего апелляции, перенести в другой город заседания Законодательного корпуса.

Законодательный корпус представлял собою постоянное собрание, но имел право откладывать свои заседания на определенное, им самим назначенное время; но ни один из Советов не мог отложить свои заседания на срок свыше пяти дней без согласия другого Совета. Оба Совета должны были всегда иметь одну и ту же резиденцию, но ни в каком случае не могли собираться в одном и том же зале. Каждому из них принадлежало право иметь собственную полицию в месте своих заседаний и вокруг него на известном, им самим определенном расстоянии. Исполнительная директория не имела права проводить войска или располагать их на расстоянии шести миль (около 56 верст) от той коммуны, где происходили заседания Законодательного корпуса, иначе как по требованию или с разрешения последнего. У Законодательного корпуса была своя стража из 1 500 национальных гвардейцев, взятых из всех департаментов и выбранных их товарищами по оружию. Конституция устанавливала внутренний регламент обоих Советов.

Каждый из их членов получал ежегодное жалованье, равнявшееся стоимости трех тысяч мириаграммов пшеницы (около 1 800 пудов).

Заседания были публичными, но число посторонних лиц, присутствующих на них, не должно было превышать половину членов того или другого Совета; протоколы их заседаний должны были печататься.

По требованию ста своих членов, каждый из Советов мог сделать свои заседания тайными, но лишь для обсуждения, а не для решения.

Президенты и секретари избирались на один месяц.

Каждый из Советов имел дисциплинарную власть над своими членами, мог подвергать их порицанию, аресту на восемь дней и тюремному заключению на три дня.

Он мог избирать из своей среды специальные комиссии, но не мог учреждать никакого постоянного комитета.

Вотирование не могло производиться именными бюллетенями. Всякое решение принималось путем вставания или сидения. В случае сомнения происходило поименное голосование, но тогда вотум был тайный.

В Совете пятисот всякое предложение обсуждалось в трех чтениях, за исключением тех случаев, когда провозглашалась неотложность; промежутки между двумя чтениями не могли быть менее десяти дней.

Подобным же образом и старейшие обсуждали «резюльции» в трех чтениях с промежутками между ними не менее чем в пять дней. Если «резюльция» была вотирована Советом пятисот после провозглашения неотложности, то старейшие одобряли или отвергали эту неотложность и в последнем случае не входили в обсуждение предложения по существу.

Никто из членов Законодательного корпуса не мог подвергнуться обвинению или суду за слова, произнесенные или написанные им при исполнении своих обязанностей. Депутаты могли быть преданы Верховному суду за преступные действия: за измену, за растрату общественных денег, за интриги с целью низвергнуть конституцию и за всякое посягательство против внутренней безопасности республики; но для этого необходимо было, если только виновный не был захвачен на месте преступления, чтобы предание суду было предложено Советом пятисот и декретировано Советом старейших.

Такова была организация законодательной власти по конституции III года.

Характерною особенностью этой организации было учреждение двух палат, принятие «двухпалатной» системы, которую в эпоху Учредительного собрания отстаивала целая партия, а именно партия «монархистов», но которая была отвергнута

тогда из боязни создать Верхнюю палату, где могло бы упрочиться влияние бывшего дворянства. С тех пор система единой законодательной палаты стала одним из общепризнанных принципов демократической программы.

В III году этот принцип был отвергнут как в силу теоретических соображений, так, и даже главным образом, под влиянием недавнего опыта.

Главный теоретический аргумент был высказан в докладе Буасси д'Англá, заявившего, что двухпалатная система обусловливалась необходимостью более тщательной выработки законов. «Совет пятисот, — сказал он, — будет мыслью и как бы воображением республики, Совет старейших будет ее разумом».

Он очень настаивал также на доказательствах, извлеченных из опыта, на исторических аргументах. Он ссылаясь на пример Америки. «Почти во всех конституциях этого народа, ранее нас вступившего на путь свободы, — сказал он, — Законодательный корпус разделен на две палаты, и результатом этого явился общественный мир. Одна Пенсильвания долго держалась за единое законодательное собрание, и вот, несмотря на чистоту нравов ее жителей, на простоту их обычаев и на все добродетели их частной жизни, среди них возникли внутренние раздоры, заставившие их в конце концов последовать примеру других штатов»¹.

Но всего более недавний пример самого Конвента заставил тогда большинство депутатов отказаться от системы единой законодательной палаты. Это большинство забыло о том, что только единство Конвента обеспечивало единство национальной защиты, или лучше сказать теперь, когда для Франции уже наступали более нормальные условия, большинство Конвента стало думать, что самый успех национальной защиты позволял ему отказаться от тех чрезвычайных мер, которые обусловили этот успех. Тогда стали вспоминать о том времени, когда Конвент был поработчен парижской коммуной, поработчен Горой и Робеспьером; стали убеждать себя, что при системе двух палат не могла бы возникнуть никакая личная диктатура, и в конце концов начали видеть в единой законодательной палате главное орудие якобинской, террористической

¹ Не следует думать, чтобы один только Буасси д'Англá ссылаясь тогда на пример Америки. Американская система восхвалялась как в Конвенте, так и вне его, в газетах и брошюрах. См. восторженные отзывы о ней Ламара в его «*Equipondérance*», Нац. библ., Le. 38/1495, in-8.

Тибодо говорит в своих «*Мемуарах*», т. I, стр. 182: «Комиссия не желала быть мудрее основателей американской республики». Воблан также восхвалял в цитированном выше сочинении американскую двухпалатную систему (стр. 664).

тирании. Даже те члены Конвента, которые относились критически к проекту комиссии, как, например, Лаканаль, Бордас и Эшассерио¹, согласились тогда с этим взглядом и признали за доказанное недавним опытом, «что прочной конституции не могло быть там, где существовал Законодательный корпус в форме единой палаты». Если я не ошибаюсь, то никто из монтаньярских ораторов не высказался тогда против двухпалатной системы. Эта задача выпала на долю одного из умеренных, депутата Делейра, который на заседании 30 мессидора III года обвинял проект Комиссии в стремлении к роялизму. «Учреждение двух палат, — сказал он, — остается как и прежде тайным желанием всех наших врагов, желанием королей, дворянства и священников, которые хотели бы снова подчинить себе народы. Две палаты — это рассадник аристократии, худшей из тираний, потому что тирания многих во сто раз тяжелее тирании одного»². Но протест Делейра оказался единичным и не встретил поддержки. Политические деятели того времени почти единодушно примкнули к системе двух палат³.

При организации этой системы были приняты во внимание все возражения, и в особенности то из них, которое указывало на возможность столкновений между двумя палатами. Ввиду этого была отвергнута теория двух взаимно уравновешивающих одна другую сил, как в Англии; по поводу этого Снейс сказал на заседании 2 термидора III года: «Было сделано очень важное сравнение двух законодательных палат с двумя лошадьми, припряженными к одной повозке, которую захотели бы тянуть в разные стороны; повозка не двинулась бы с места, несмотря на все усилия лошадей и на стук их копыт, пока королевский кучер не сел бы на козлы и не направил бы их в одну и ту же сторону; но мы не хотим королевского кучера»⁴. Конвент надеялся избежать этого неудобства, дав обеим палатам одно и то же выборное начало и заставив каждую из них участвовать последовательно в свое определенное время в общей законодательной работе⁵. Но если бы Совет старейших стал упорно отвергать полезную и популярную резолюцию Совета пятисот? Или если бы один из Сове-

¹ Заседание 29 и 30 мессидора III года. «Moniteur», перепзд., т. XXV, стр. 268—272.

² Ibid., стр. 276.

³ Если верить «Мемуарам» Тибодо (т. I, стр. 182), то в Комиссии одиннадцати противником этой системы был только Берлье.

⁴ «Moniteur», перепзд., т. XXV, стр. 293.

⁵ Было высказано одно и другое мнение: Эшассерио требовал, чтобы состав двух ветвей Законодательного корпуса изменялся «каждые три месяца путем жребия» и чтобы они поочередно пользовались правом законодательной инициативы. См. его «Opinion», Нац. библ., Le. 38/1542, in-8.

тов нарушил конституцию? Кто восстановил бы тогда необходимую гармонию? Кто поддержал бы закон? Сиейс предложил во время прений, длившихся с 2 по 13 термидора, учредить особый верховный политический корпус, который он назвал конституционным жюри. Комиссия одиннадцати приняла в принципе это предложение и представила его в исправленном виде Конвенту¹; но Конвент отверг его не столько из теоретических соображений, сколько потому, что ни в редакции Сиейса, ни в редакции Комиссии не было указано, по его мнению, практических средств для выполнения этого проекта. Он отверг также проект Глейзаля, предлагавшего учредить Совет цензоров, который произносил бы свое решение в случае разногласий между двумя палатами². Мы видим таким образом, что в конституции не было указано никакого выхода на случай возможного столкновения между двумя Советами.

Из проектов, касавшихся организации законодательной власти и предложенных во время прений, наиболее обратил на себя внимание проект Сиейса. Он устанавливал четыре отдельных представительных собрания: первое из них, под именем «Трибуната», состояло бы «из представителей, число которых втрое превышало бы число департаментов; оно имело бы специальную миссию наблюдать за нуждами народа и предлагать Законодательному корпусу законы, уставы или другие меры, какие оно сочло бы полезными»; второе, под именем «Правительства», представляло бы собою «коллегию из семи представителей, с такою же специальной миссией наблюдать за народными нуждами, а также заботиться о всем, что необходимо для выполнения законов, и предлагать со своей стороны те законы, регламенты или другие меры, которые оно сочло бы полезными»; третье, под именем «Легислатуры», состояло бы из представителей числом, в девять раз превышавшим число департаментов, с специальной миссией рассматривать предложения «Трибуната» и «Правительства» и произносить по поводу их свои решения; наконец, четвертым собранием народных представителей было бы «Конституционное жюри», о котором мы упоминали выше. По мнению Сиейса, это значило придать всем видам власти представительный характер; но его разъяснения, хотя и очень детальные, показались Конвенту более остроумными, нежели убедительными³. Подвергнув этот проект почтительному обсуждению, Конвент отверг его, думая, что он был бы плохо понят общественным мнением.

Не один только Сиейс предлагал тогда учредить более

¹ Нац. библ., Le. 38/1605, in-8.

² «Observations», par Gleizal, Нац. библ., Le. 38/1501, in-8.

³ «Moniteur», переизд., т. XXV, стр. 297, Нац. библ., Le. 38/1550, in-8.

двух представительных собраний. Член Конвента Рузэ требовал, чтобы их было три, а именно: Эфоры, Законодательный корпус и Ареопаг¹.

В одном специальном пункте рассматриваемые нами прения хорошо указали на господствовавшее тогда желание устранить будущий Законодательный корпус от влияния Парижа. Ни в проекте Комиссии, ни в вотированном тексте не был упомянут тот город, в котором должны были заседать оба Совета. Было только декретировано, что заседания их должны были происходить «в одной и той же коммуне»². Но даже и это было вотировано не без прений. Меньшинство хотело, чтобы каждый из Советов заседал в особой коммуне. Фор (из департамента Верхней Луары) в следующих словах выяснял неудобства пребывания обоих Советов в одной и той же коммуне. «Оба они, — говорил он, — увлекаемые, как бы помимо своей воли, по крутой наклонной плоскости общественного мнения, будут находиться под давлением того или другого настроения, которое будет одинаково чуждо им, настроения, которое всегда возникает в частных собраниях, в клубах, в театрах, на гуляньях, в отдельных группах и т. д. Все двери будут открыты для интриг и честолюбия. Возникнут под другими именами якобинские клубы, фейльянтинские клубы, шартрские клубы и т. д. Вожаки обоих Советов (ибо у нас еще долго будут существовать вожаки) будут ходить в эти клубы, будут главенствовать в них, будут совещаться там и даже выносить решения; между тем как добродетельные и скромные люди, единственным местом встречи которых будет место их заседаний и место их отдыха, сделаются в конце концов жертвами всех этих интриг, к которым они были непричастны. У нас уже был печальный опыт этого. Не будем же помещать оба Совета в одну и ту же орбиту, если мы не хотим, чтобы они были увлечены одним и тем же вихрем. Предположим, что один из Советов устоит; тогда его сопротивление будет названо упорством, а бешенство или наглость будут названы добродетелью. Итак, тот из Советов, на стороне которого будет большинство общественного мнения, неизбежно вызовет гибель другого, или парализуя его или узурпируя его власть»³. Андре Дюмон сказал, что если бы Совет старейших отверг какую-нибудь демагогическую резолюцию, то «его отказ был бы сигналом к но-

¹ «Vues civiques sur la Constitution», Нац. библ., Le. 38/1506, in-8.

² По словам Тибодо («Mémoires», т. I, стр. 184) он сам внес предложение в Комиссию назначить резиденцией Советов Версаль.

³ «Du mot sur l'article 7 du titre IV du projet de Constitution», Нац. библ., Le. 38/1549, in-8. Он хотел даже, чтобы Директория также находилась в особой коммуне.

вому 31 мая, 12 жерминаля или к новым прериальским дням»¹. Но Конвент нашел, что возможность конфликта между двумя Советами только усилилась бы, если бы один из них заседал, например, в Париже, а другой в Версале, и что, находясь в двух различных средах, они стали бы слишком чужды один другому, слишком различны по своему настроению и своим стремлениям.

VI

Исполнительная власть вручалась Директории из пяти членов, возрастом не моложе сорока лет. Члены Директории назначались Законодательным корпусом, который осуществлял в этом случае избирательную функцию от имени нации. Совет пятисот должен был, путем тайной подачи голосов, составить список кандидатов в члены Директории, в десять раз² превышавший число этих членов, а Совет старейших должен был также путем тайного голосования сделать окончательный выбор из этого списка. Один из пяти членов Директории выходил из нее ежегодно по жребию, и замещался новым членом, причем выбывший член мог быть снова избран лишь по истечении пяти лет.

Директория находилась в той же коммуне, как и Законодательный корпус. Ее члены, пользуясь даровой квартирой, предоставляемой им республикой, получали ежегодное жалованье, размер которого определялся стоимостью в 50 000 мириаграммов пшеницы (около 30 500 пуд.).

У Директории была своя стража из 120 пеших и 120 конных гвардейцев.

Членам Директории была присвоена особая одежда, которую они, при выполнении своих обязанностей, никогда не должны были покидать «как вне, так и внутри своего жилища»³.

Каждый из членов Директории исполнял поочередно обязанности ее президента, но только в течение трех месяцев.

Директория руководила администрацией не сама, а через посредство министров, числом не менее шести и не более восьми, которых она сама назначала и отрешала. Эти министры не составляли никакого коллективного совета⁴.

Полномочия Директории заключались в следующем: она

¹ «Moniteur», переизд., т. XXV, стр. 510.

² Комиссия предложила сначала тройной список.

³ Эта мера выставлялась в докладе Буасси д'Англа как протест против санкюлотства.

⁴ Закон 10 вандемьера IV года ограничил число министров шестью и определил права и обязанности каждого из них.

обнародывала законы, распоряжалась военной силой, издавала приказы о вызове к суду или об аресте в случае заговора против безопасности государства; она наблюдала за выполнением законов и обеспечивала его в административных учреждениях и трибуналах через посредство назначаемых ею комиссаров; она назначала кроме министров главнокомандующих армиями, сборщиков прямых налогов в каждом департаменте, главных надзирателей за сбором косвенных налогов и за управлением национальными имуществами, а также пока продолжалась война — и общественных должностных лиц во французских колониях, исключая островов Иль-де-Франс и Соединения. Что касалось внешних сношений, то она одна заведывала дипломатией; она составляла и подписывала все трактаты, которые Законодательный корпус затем рассматривал и утверждал; тайные конвенции, постановляемые одной Директорией, могли временно приводиться ею в исполнение. Наконец, Законодательный корпус мог декретировать войну только по «формальному и необходимому» предложению Директории.

Директория не принимала никакого участия в законодательной власти. Она могла только письменно пригласить Совет пятисот принять в соображение то или другое обстоятельство и предложить ему известную меру, но не редактированную в форме закона.

Всего более ограничены были полномочия Директории в финансовых делах. Законодательный корпус назначал пять комиссаров Национального казначейства, которые должны были вполне независимо от Директории наблюдать за получением государственных доходов, а также распоряжаться всеми передвижениями государственных сумм и уплатой всех общественных издержек.

Члены Директории могли быть предаваемы верховному трибуналу в тех же случаях и с соблюдением тех же формальностей, как и депутаты. Об ответственности членов Директории, так же как и министров, было упомянуто, но она не была определенно установлена.

Учреждение этой исполнительной власти сопровождалось следующими прениями.

Не все депутаты были согласны между собой относительно числа и полномочий членов Директории. Вот что рассказывает Тибодо о прениях, происходивших по этому поводу в Комиссии: «Боден и Дону хотели, чтобы было только два высших должностных лица или консула, избираемых на два года, причем один из них управлял бы в течение первого года, а другой в течение второго. Лесаж, Ланжюинэ и Дюран-Майльян хотели одного президента, который назначался бы только на один год; другие предлагали совет, который

состоял бы по крайней мере из трех членов. В конце концов остановились на пяти членах. Каждый стоял за то или другое число, смотря по тому, в какой степени он страшился всего, что напоминало королевскую власть»¹.

Пример Америки говорил в пользу единого президента. «Я думаю, — говорил Лебретон (из департамента Иль-и-Вилэн), — что можно заменить Исполнительный совет президентом, избранным из среды Совета старейших всем Законодательным корпусом, президентом, который избирался бы на два года и мог бы быть вновь избранным на следующие два года, но затем непременно сменился бы по истечении этих четырех лет и который всегда был бы ответственным. У американцев есть подобное должностное лицо, а американцы свободны»². Путье предложил смешанную систему, которая уже позволяла предвидеть Консулат VIII года. «Верховная директория» должна была состоять из президента и трех советников. «Президент обладал бы двумя голосами, получал бы двойное жалованье и имел бы двойную стражу; он назначал бы послов и принимал бы посланников; он один заведывал бы всеми дипломатическими сношениями и хранил бы государственную печать. Он отправлял бы свои обязанности в течение двух лет, а потом был бы замещаем одним из трех советников, после чего немедленно вступал бы в ряды простых граждан и мог бы быть вновь избранным только через восьмилетний промежуток времени. Верховная директория возобновлялась бы каждые два года в одной четверти своего состава; в ее распоряжении находились бы семь агентов, которые назывались бы секретарями правительства и полномочия которых были бы определены Законодательным корпусом»³.

Последовать всем этим мнениям, а также примеру Америки Конвенту помешала боязнь, чтобы президент Директории не принял вид короля или диктатора, чтобы президентское кресло не напомнило народу королевский трон, или, чтобы президент Французской республики не сделался новым Робеспьером.

На цифре пяти директоров согласились довольно легко, хотя некоторые желали бы низвести эту цифру до трех⁴.

Способ избрания Исполнительной директории вызвал горячие прения. «В сущности мы имели перед собой (читаем мы в «Мемуарах» Тибодо) только два решения: прямой или косвенный выбор самого народа или избрание Законодательным корпусом. Последнее решение взяло верх. Лувэ опасался, чтобы в противном случае первичные собрания или их деле-

¹ «Mémoires de Thibaudeau», т. I, стр. 183.

² «Idées constitutionnelles», Наг. библ., Le. 32/1622, in-8.

³ «Du pouvoir exécutif», par Poulitier, Наг. библ., 38/1565, in-8.

⁴ Например, Delahaye. См. его «Opinion», Наг. библ., Le. 38/1503, in-8.

гаты не избрали бы в один прекрасный день Бурбона. Большинство руководилось опасением, чтобы исполнительная власть не сделалась слишком могущественной, раз она избирается бы народом».

В Конвенте Эшассерио предложил такой способ назначения Директории: избирательное собрание каждого департамента назначало бы одного кандидата, Совет пятисот составлял бы список двадцати пяти человек из числа назначенных таким путем кандидатов, а Совет старейших избирал бы из этого списка самих членов Директории¹. Сен-Мартен (из департамента Ардеша) рекомендовал аналогичный же, но только обратный порядок избрания: избирательные собрания назначали бы членов Директории из списка кандидатов, составленного Законодательным корпусом², Пентьер предложил, чтобы 89 кандидатов, назначенных избирательным собранием, сами избирали бы из своей среды членов Директории³. Виллетар напомнил, что в Риме консулы избирались народом, и заявил, что демократия существует только там, где народ сам избирает своих должностных лиц. Майль (Mailhe) с успехом оспаривал все эти предложения, спрашивая, где же находилось бы тогда народное представительство? «Не выступало ли бы оно в более рельефных и осозательных чертах в Исполнительной директории, чем в Законодательном корпусе? А каким могучим рычагом могла бы служить одна эта идея! Необходимо, без сомнения, чтобы Директория была облечена большою властью, ибо всякое правительство, не обладающее достаточной силой, чтобы обеспечить выполнение законов, перестает быть правительством, — это уже анархия. Но, с другой стороны, во что обратилась бы республика, если бы правительство могло получить в ней преобладание над Законодательным корпусом»⁴.

Что касается полномочий Директории, то некоторые хотели бы еще более расширить их. Было даже предложено предоставить ей право законодательного вето. Таково было мнение Делаэ⁵, а также и Эрманна. Последний предложил, чтобы Директория получила право отсылать обратно закон в Законодательный корпус, после чего для нее было бы обязательно обнародовать этот закон только в том случае, если бы он снова был вотирован каждой из палат большинством двух третей голосов. Ланжюинэ говорил в том же смысле. В Кон-

¹ Нац. библ., Le. 38/1566, in-8.

² Нац. библ., Le. 38/1567, in-8.

³ «Moniteur», переизд., т. XXV, стр. 342.

⁴ Ibid., стр. 336.

⁵ Нац. библ., Le. 38/1503, in-8.

венте послышался ропот; вспомнили о ненавистном королевском вето, и вопрос был снят с очереди¹.

Статьи относительно организации Национального казначейства, независимо от Исполнительной директории, были вотированы без всякой оппозиции, потому что ими только санкционировалось уже существовавшее положение вещей, поддерживавшееся вследствие прежнего недоверия к исполнительной власти. Позднее опыт дал почувствовать неудобства такого порядка. В эпоху реставрации Ларевельер-Лепо писал в своих «Мемуарах»: «У Директории не было никаких принудительных средств заставить казначейство выдать министрам те суммы, которых они требовали законно и с выполнением всех формальностей. Это было причиной неудачи ирландской экспедиции, хотя Эмбер уже высадился на остров и имел поразительные успехи. Казначейство обещало министру финансов доставить в Брест 10 000 франков, которые были нужны для того, чтобы посадить на суда армейский корпус. Требование министра было облечено всеми необходимыми формальностями. Казначейство не обратило на него внимания, и не было власти, которая могла бы принудить его к этому. Англичане, не имевшие сначала ни одного военного корабля в тех водах, по которым должен был плыть французский флот, успели получить уведомление и выставить против нас гораздо значительнейшие морские силы, что и обусловило неудачу экспедиции»².

VII

Организация избирательного права, законодательной власти и исполнительной власти — вот главнейшие составные элементы и наиболее существенные черты конституции III года. Упомянем еще о некоторых из многочисленных статей этой конституции, имеющих значение для политической истории революции.

Административные и муниципальные учреждения хотя и были изменены, но не радикально.

Деление на департаменты было сохранено в прежнем виде; но это было вотировано не без сопротивления. Салангро потребовал, чтобы границы департаментов были изменены с целью более равномерного распределения населения³. Делазэ предложил уменьшить число департаментов до тридцати или сорока⁴.

¹ «Moniteur», переизд., т. XXV, стр. 520.

² «Mémoires de la Revellière», т. I, стр. 238.

³ Нац. библ., Le. 38/1526, in-8.

⁴ Нац. библ., Le. 38/1503, in-8.

В названиях департаментов произошли многозначительные перемены. Учредительное собрание решило не называть департаменты именами городов или провинций. Оно сделало исключение только для Корсики и Парижа; 11 августа 1793 г. Корсика была подразделена на два департамента, названные по имени рек «Голо» и «Лиамон»; это подразделение и эти имена были удержаны в конституции III года¹. Парижский департамент обратился по этой конституции в «Сенский» департамент. «Не следует, — сказал Буасси д'Англа, — чтобы существовали привилегии даже в самых малых вещах»². В действительности, Конвент хотел изгладить самое воспоминание о том преобладании Парижа, которым были вызваны события 31 мая.

Декретом от 28 жерминаля III года департаментские административные учреждения были восстановлены в том самом виде, в каком они существовали до 31 мая, — столь же многочисленные, с теми же самыми правами, с генеральным прокурором-синдиком и без представителя центральной власти, который мог бы приводить в согласие политику департаментов с общей политикой правительства, словом — в тех самых условиях анархической независимости, которые вызвали федерализм и к устранению которых был направлен декрет 14 фримера II года. Это было актом ретроспективной мести монтаньярам. Но когда Конвенту пришлось изготовлять конституцию, он волей-неволей вернулся к централизаторской программе Горы. Он сохранил за департаментскими административными учреждениями те права, которыми они пользовались на основании действовавших законов, но отнял у них их характер одновременно совещательных и исполнительных коллегий. Вместо прежних советов и директорий теперь учреждалась выборная «центральная администрация», состоявшая только из пяти членов и возобновлявшаяся ежегодно в составе одного члена. Исполнительная директория могла отменять все распоряжения этих администраций, отрешать от должности и временно замещать их членов. Она назначала при каждой из них своего комиссара, которого могла увольнять и которому

¹ Комиссия одиннадцати предложила восстановить департамент Роны и Луары, упраздненный декретом от 29 брюмера II года, в силу которого были созданы два отдельных департамента Роны и Луары. Эти два департамента были удержаны в конституции III года. Мы уже говорили выше (стр. 543) о том, какая политическая мысль руководила при этом подразделении департамента.

² В это именно время в Конвенте торжествовало мнение жирондистов Парижу. В докладе от 1 вандемьера IV года Боден (из департамента Ардени) говорит: «Обращение одной коммуны в какой-то телеграф для подачи сигналов всем другим коммуна, которые должны были бы бесспорно повторять их, несовместимо с равенством, составляющим основу нашей республики» («Moniteur», переизд., т. XXVI, стр. 34).

поручалось «наблюдать за выполнением законов и требовать его».

Наиболее важные перемены произошли в подразделении департаментов.

Округа были уничтожены.

Бесполезность этих посредствующих административных инстанций в их первоначальном виде уже давно обнаружилась, и на нее уже давно было указано. Но упразднение их в III году было вызвано не воспоминанием о их первоначальной бесполезной роли. Та деятельная роль, которую играли эти окружные административные советы после их преобразования, когда декрет 14 фримера обратил их в составную часть революционного правительства и передал им некоторые из атрибутов департаментской власти, воспоминание о их роли, как «агентов террора», — вот что выставлялось теперь с особенной силой против них.

Было решено оставить только одно из прежних подразделений департаментской власти, а именно — муниципалитеты.

Но коммун было слишком много. Некоторые из них представлялись слишком мелкими, чтобы образовать собой живую административную единицу, и это дробление мешало серьезной организации муниципальной жизни в деревнях. Одни города носили характер настоящих коммун, обладавших своей индивидуальностью. С другой стороны, городские коммуны, благодаря известным обстоятельствам, приобрели слишком большую силу. Париж управлял всей Францией. Города Лион, Марсель и Бордо обнаружили стремление в 1793 г. образовать каждый государство в государстве. Буржуазные республиканцы III года смотрели на эти города прежде всего как на очаги демократизма, на пристанища «анархии» и «терроризма». Раздробить слишком большие коммуны и соединить вместе слишком мелкие — вот к чему стремились авторы новой конституции.

Согласно этой конституции в коммунах с населением, превышавшим 100 000 жителей, учреждалось несколько выборных муниципалитетов «с таким расчетом, чтобы население каждого округа не превышало пятидесяти тысяч жителей и было не менее тридцати тысяч». В таких коммунах удержалось «Центральное бюро» для тех отраслей управления, которые будут признаны Законодательным корпусом не подлежащими дроблению¹; члены этого Бюро, в числе трех, должны были назначаться департаментской администрацией, а утверждаться

¹ Таковыми закон 19 вандемьера IV года объявил полицию и ордества продовольствия.

исполнительной властью. Такой порядок был введен в Париже, Лионе, Марсели и Бордо¹.

Слово «коммуна» хотя и не было упразднено, но уже не связывалось с представлением о муниципалитетах. Так, центральное бюро Парижской коммуны было названо «Центральным бюро Парижского кантона».

Действительно, кантон именно и лег в основу новой муниципальной организации, имевшей целью, смотря по обстоятельствам, или уменьшить или увеличить размеры каждой муниципальной единицы.

Было решено, что «в каждом кантоне будет по крайней мере одно муниципальное собрание».

Как и в прежнем жирондистском проекте конституции, индивидуальность мелких коммун была отчасти упразднена. Как общее правило, на каждый кантон приходилась только одна муниципальная администрация, с исключением в пользу коммун с населением от 5 000 до 100 000 жителей, каждая из которых имела свою отдельную муниципальную администрацию. В коммунах с населением менее 5 000 жителей назначались только два выборных должностных лица — муниципальный агент и его помощник, которые вели метрические книги. Собрание муниципальных агентов всех коммун данного кантона составляло кантональный муниципалитет, члены которого назначались на два года и возобновлялись ежегодно в половинном составе.

Муниципальные административные учреждения были строго подчинены департаментским советам, которые могли отменять их распоряжения и отрешать их членов; но никакое отрешение и никакая отмена не были окончательными без формального утверждения Исполнительной директории.

При каждом муниципальном учреждении Директория имела своего комиссара, подобного тому, какого она имела при каждом департаментском административном учреждении.

Эта новая административная организация была вотирована не без протеста, особенно в той ее части, которая касалась учреждения комиссаров Исполнительной директории. Их уже заранее называли подначальными тиранами, интендантами, субделегатами. Шарль Делакура требовал, чтобы они по крайней мере выбирались из числа кандидатов, назначенных избирательными собраниями, «если только, — сказал он, — вы хотите избавить простых деревенских жителей от этих коршунов, которые будут от имени исполнительной власти пожирать их средства существования»².

¹ Париж был разделен на двенадцать муниципалитетов, Марсель, Лион и Бордо — на три. (Тот же закон, ст. 3.)

² «Moniteur», переизд., т. XXV, стр. 314.

Пример Америки и остаток прежнего недоверия к центральной власти вызывали у некоторых лиц желание вернуться к децентрализующей системе 1790 г. Эти американские аргументы оспаривал теперь Лувэ, когда-то осужденный в качестве федералиста: «Если бы наша система общественного договора походила на систему Соединенных штатов Америки, если бы, как в этой стране, каждый из наших департаментов представлял собою отдельное государство со своим особым законодательством, со своими финансами, администрацией и особыми налогами, если бы он сам удовлетворял всем своим потребностям и составлял, словом, род независимого государства в государстве», то он, Лувэ, понимал бы возможность обойтись без комиссаров центральной власти. Но дело шло об администрации единой и нераздельной республики, организованной по одному плану и с одними и теми же законами; дело шло о том, чтобы помешать «местным стремлениям» вредить национальному единству. Поэтому правительственные комиссары были необходимы. Старое недоверие к исполнительной власти было оспариваемо Дону, по словам которого дело шло теперь уже не «о дезорганизации королевского правительства», как в 1790 г., а об организации республиканского правительства; а также Тибодо, который восстал против мании видеть всегда в исполнительной власти «чудовище, готовое пожрать свободу», а в административных учреждениях сторожей этого чудовища. «Такое извращение понятий, — сказал он, — было вызвано системой провинциальных административных учреждений, которые действительно были установлены, чтобы служить представителями нужд каждой провинции и ослаблять влияние деспотического правительства»¹.

Так было, с одной стороны, критикуемо, а с другой — защищено учреждение комиссаров Директории. Большинство убедилось, повидимому, в том, что без этих агентов правительство уже не могло более существовать.

Такова была новая организация местной администрации. Она установила более интенсивную коммунальную жизнь в маленьких городках и разрушила единство коммунальной жизни в больших городах. Она положила начало децентрализации².

¹ «Moniteur», переизд., т. XXV, стр. 324, 325.

² Законом 21 фруктидора III года были определены функции административных и муниципальных коллегий и комиссаров Исполнительной директории. Закон 19 вандемьера IV года установил территориальное деление Франции, местопребывание и организацию административных и судебных властей.

VIII

Я не буду перечислять всех вопросов, которых касается конституция III года, очень длинная и подробная, обнимающая в своих 377 статьях почти все отрасли общественной жизни.

Но некоторые и из других отделов этого обширного сборника основных законов также хорошо определяют со своей стороны его общий характер. Но о них достаточно только напомнить, потому что они хорошо известны: мы имеем в виду план общей системы народного просвещения (развитый позднее в законе 3 брюмера IV года), установление свободы совести и отделение церкви от государства.

Декларация прав, помещенная во главе конституции III года и дополненная «общими постановлениями», находящимися в конце ее, сильно напоминает собой Декларацию 1789 г., являясь иногда даже ее буквальным повторением. Но она более либеральна и менее демократична. Более либеральна в том смысле, что веротерпимость заменена в ней свободой совести, а свобода печати точнее определена, так как в этой Декларации формально запрещается всякая предварительная цензура сочинений, всякие ограничительные или запретительные законы в этой области (хотя предусматривается возможность временной приостановки свободы печати). Менее демократична в том смысле, что известная статья Декларации 1789 г., гласившая, что «люди рождаются и остаются свободными и равноправными», была вычеркнута из нее¹. Почему? Потому что эта статья позволяла бы требовать всеобщего избирательного права. «Здравомыслящий человек может требовать только гражданской равноправности», говорил Буасси д'Англа. Правда, в число других прав, которыми должен пользоваться человек, живущий в обществе, было включено также и равенство вместе со свободой, безопасностью и правом собственности; но это равенство было определено так: «Равенство состоит в том, что закон как охраняющий, так и карающий существует один и тот же для всех». Политическое равенство, следовательно, было устранено, а вместе с тем устранено и то противоречие, в которое впадо Учредительное собрание, когда, провозгласив общее равенство, оно затем упразднило его в политической жизни.

Такое определение равенства повело также за собою упразднение социалистических выводов из Декларации 1789 г. Было устранено даже то «общее благосостояние», которое признавалось целью общества в проекте конституционной Комиссии. Общее благосостояние? Разве это не формула Бабёфа? Разве

¹ Комиссия вычеркнула эту статью в своем проекте. Благодаря Деферрону, она была восстановлена в первом чтении; но во втором чтении снова исчезла.

она не содержала в себе в зародыше аграрного закона, дополнительного социального переворота?

Особенно Конвент не хотел больше слышать теперь о праве на восстание, провозглашенном в 1793 г. «Закон, — гласила Декларация 1789 г., — есть выражение общей воли». Но якобинцы также заявляли, что они являются выразителями общей воли; под предлогом выражения общей воли происходили восстания. «Закон, — провозглашалось в III году, — есть общая воля, выраженная большинством граждан или их представителей».

Даже и при таких поправках все еще боялись, чтобы Декларация прав не служила предлогом для восстаний. Поэтому к ней присоединили в виде коррелятива декларацию обязанностей. Она состояла из нравственных предписаний, не отрицавшихся никем из людей 1793 г. «Не делайте другим того, чего вы не желали бы, чтобы другие делали по отношению к вам. Делайте постоянно другим то добро, которое вы хотели бы получать от них». Но самое существование этой Декларации служило как бы протестом против робеспьеровского догмата относительно доброты и непогрешимости народа. Она была также протестом против социализма, так как в ней говорилось, что весь общественный порядок покоится на поддержании собственности.

IX

Если бы мы захотели резюмировать главнейшие отличительные черты конституции III года, то мы должны были бы сказать, что она представляла собою прежде всего продукт опыта. Буасси д'Англа говорил в своем докладе: «В течение шести лет мы прожили шесть столетий. Пусть этот дорого стоивший опыт не будет потерян для вас. Настало время извлечь пользу из преступлений монархии, ошибок Учредительного собрания, колебаний и уклонений Законодательного собрания, преступной тирании деспотов, бедствий анархии, несчастий гражданской войны». Как много статей этой конституции было действительно продиктовано свежими воспоминаниями о совершенных ошибках и испытанных бедствиях! В ней нетрудно найти перечень всех заблуждений, в которых упрекали тогда недавнее прошлое. Особенно сильно отразился на ней самый недавний опыт — крайности демократии. Было забыто о том, что демократическое правительство спасло Францию; теперь в этом правительстве видели только ненавистную фигуру Робеспьера. Пусть никогда не явится другой Робеспьер! Этот крик как бы вырывался из каждой строчки новой конституции.

Тем не менее авторы этой конституции, не признаваясь в том, заимствовали все, что было хорошего в робеспьеров-

ском правительстве, а именно его централизацию. Разве комиссары Директории не то же самое, что национальные агенты эпохи террора?

Из ненависти к демократам был нарушен демократический принцип и установлена система ценза, учреждена буржуазная республика. Не подлежит сомнению, что новая конституция устраняла пролетариев от политической жизни, обеспечивала победу буржуазии и предоставляла ей привилегию. С этой точки зрения не будет неправильным сказать, что конституция III года была продуктом реакции.

Но следует также сказать, что редакторы этой конституции вовсе не думали, что они совершают реакционный акт, и вовсе не хотели этого.

Заметим прежде всего, что они не высказывались прямо против демократии; они хотели только лучше организовать ее, передав правительство в руки настоящего народа, просвещенного и свободного, не пресмыкающегося во тьме невежества и в рабстве нищеты. Притом же они хотели санкционировать эти перемены плебисцитом при всеобщей подаче голосов, так как конституция III года была передана на одобрение прежних первичных собраний¹.

Допустим даже, что, называя себя демократами и в то же время упраздняя всеобщее избирательное право, составители конституции III года были лицемерами; допустим также, что этот плебисцит, заключавшийся лишь в утвердительном или отрицательном ответе, был простой комедией, — но тем не менее не подлежит сомнению, что ими не руководила никакая действительно реакционная идея. Напротив того, они были убеждены, что невежественные и нищие люди были бы врагами просвещения и свободы, так же как они были ими, по их мнению, во времена Робеспьера. Они видели во всеобщем избирательном праве не только орудие аграрной революции, но еще и орудие господства священников, королей и дворянства, всех реакционеров. Они были искренно убеждены, что орудием прогресса могла быть только буржуазия, а под словом «прогресс» они понимали осуществление рациональных идей XVIII века, принципов 1789 г. Они уже приступили к этому осуществлению в той же самой конституции III года путем введения общей системы народного просвещения, которое должно было излечить французов от суеверий и освободить их от ига римской церкви; они придали свободе мысли форму государственного

¹ Закон 5 Фруктидора III года. Согласно этому закону, для первых выборов IV года выборщики второй степени должны были назначаться также прежними первичными собраниями (т. е. всеобщей подачей голосов). Таким образом переход от всеобщего избирательного права к системе ценза был сделан менее резким и менее заметным для народа.

учреждения; они провели принцип светского государства. Нет, они действительно не были реакционерами; они думали, что законодательствуют как истинные преемники философов. Они беспрестанно ссылались во время прений на свободного мыслителя Кондорсе. А кто же заставил этого благородного Кондорсе кончить свою жизнь самоубийством? Чернь, невежественный народ. Так-то вознаградила демократия теоретика всеобщего избирательного права, апостола демократической республики! Демократия во время своего торжества повернулась, следовательно, спиной к свету и стала преследовать тех, кто нес светочи. Упразднить господство черни в интересах самого народа, отменить всеобщее избирательное право, которое снова подвергло бы Францию игу королей и священников или террористов, — вот руководящая мысль этих мнимых реакционеров, которые, допуская к участию в политической жизни только наиболее просвещенных граждан, хотели основать правительство на разуме.

Но к их рассудительности, которую они считали основанной на опыте, примешивались несправедливая месть и химерические страхи. Их ретроспективные выводы были близоруки и ложны. Правда, революционный комитет преследовал Кондорсе; но всеобщее избирательное право, оправдывая слова Монтескье о преимуществах народных выборов, послало в Конвент людей, которые спасли Францию. Это был единственный акт, совершенный всей совокупностью французского народа, и оказалось, что он лучше сумел выбрать способных людей, чем это было сделано ограниченным избирательным правом, которое, быть может, не выбрало бы и самого Кондорсе.

К чему в конце концов пришла эта рассудительная буржуазия со всей своей любовью к идеалу после четырехлетнего господства?

Она передала Францию Бонапарту.

Буржуазная республика, в которой народ путем плебисцита отрекся от своих прав в пользу одного класса, была преддверием к республике плебисцитарной, в которой народ отрекся от своих прав в пользу одного человека.

X

Из органических или дополнительных законов, которые были необходимы для осуществления на практике конституции III года, важное историческое значение имели законы, регламентировавшие плебисцит и первые выборы членов будущего Законодательного корпуса.

Чтобы хорошо понять эти законы, необходимо вспомнить, что, согласно декрету Конвента от 10 октября 1793 г., револю-

ционное правительство должно было существовать только до заключения мира. Но когда конституция III года была вотирована, общего замирения еще не произошло, хотя уже были заключены блестящие мирные договоры с Пруссией и Испанией (если не говорить еще и о мелких государствах). Франция еще вела войну с Англией и Австрией. Следовало ли отложить применение новой конституции до окончания войны? Нет, потому что независимость и даже величие Франции уже были обеспечены; нация уже не боролась больше за свое существование, как это было во II году. Но, с другой стороны, было ли возможно вполне нормальное правительство, пока не был подписан общий мирный трактат? Не следовало ли опасаться, чтобы вполне свободные выборы не разрушили самой республики? И вот было решено применить конституцию, но не во всей ее полноте, или, скорее, сочетать конституционное правительство с революционным. Эта именно комбинация, установленная самой конституцией, и характеризовала собою всю внутреннюю политическую историю Директории и буржуазной республики.

I фруктидора III года Боден (из департамента Арденн) сделал от имени Комиссии одиннадцати доклад о средствах закончить революцию¹. Сколько раз питали иллюзию, что она уже закончена! «Так, одни думали, что все было завершено низвержением Бастилии и господства визирей 14 июля 1789 г.; другие видели завершение всего в событиях 6 октября; третьи льстили себя надеждой, что они достигли желанного конца 4 февраля 1790 г., при произнесении королем своей вероломной клятвы; потом — 14 сентября 1791 г., после столь же искреннего признания конституции; потом — 10 августа 1792 г., когда был низвержен трон; потом — 2 июня 1793 г., когда надеялись, что заставили навсегда смолкнуть добродетель». Конституция 1793 г. была простой комедией. На этот раз надежды были более серьезны, потому что французы имели перед собой конституцию, «одинаково свободную от всякой примеси королевской власти и анархии», а также потому, что Конвент хотел серьезно узнать волю нации.

Надо было организовать это обращение к народу. Нельзя было позволить 6 000 первичных собраний анализировать все статьи конституции: это сделало бы невозможным подведение итога. Дело шло лишь об утвердительном или отрицательном вотуме.

«Но кому будет вручен этот священный залог? Вы построили корабль, но кто спустит его на воду? Кому будет поручено поставить его под паруса, какой кормчий начнет управ-

¹ Наг. библ., I.e. 38/1626, in-8.

дять рулем?» Преждевременный уход членов Учредительного собрания показал, что вновь избранный Законодательный корпус был неспособен привести в действие конституцию. «У вас хватит самоотвержения обречь себя на новые неприятности и на новые опасности, чтобы предохранить Францию от угрожающих ей бедствий... Национальные интересы и конституция ставят нам в обязанность удержать две трети Конвента в составе Законодательного корпуса».

В заключение Боден предложил декрет, который был окончательно вотирован 5 фруктидора и в котором мы читаем следующее: «Все члены Конвента, находящиеся в настоящее время при исполнении своих обязанностей, могут быть вновь избранными. Избирательные собрания должны включить не менее двух третей их в состав нового Законодательного корпуса»¹. «Депутаты, преданные суду или арестованные, не считаются находящимися при исполнении своих обязанностей». Французский народ призывался высказать свое одобрение или неодобрение конституции путем всеобщей, а не ограниченной подачи голосов, потому что «к вотированию допускались все французы, вотировавшие на последних избирательных собраниях». Подобным же образом те выборщики, которые должны были назначить депутатов, на этот первый раз назначались сами всеобщей подачей голосов, так как они назначались теми же самыми первичными собраниями, которые призывались высказаться относительно конституции². Армия также должна была подать о ней свое мнение. Плебисциту подвергалась «конституция во всем ее целом, чтобы быть принятой или отвергнутой». Что касалось способа вотирования, то «каждому предоставлялось подать свой голос в той форме, какая покажется ему удобнее».

Декрет о двух третях бывших членов Конвента вызвал в Париже сильный протест, приведший к восстанию 13 вандемьера IV года. Этот протест заставил с самого же начала

¹ В конституционном проекте предлагалось учредить «доверенных яюри», которые принимали бы прошения об отставке депутатов, пока число членов Конвента не сократилось бы до 500. Если бы число поданных отставок оказалось недостаточным, то дальнейшее сокращение было бы произведено путем жребия. Этот проект долго обсуждался («Moniteur», перензл., т. XXV, стр. 536 и след.). Делаэ требовал, чтобы эти две трети членов были назначены избирательными собраниями; Лува требовал, напротив, того, чтобы их назначил сам Конвент. «Кто будет защищать республиканцев в избирательных собраниях?» — спрашивал он. Лакапаль, поддерживавший проект Комиссии, также высказывал опасения, чтобы в избирательных собраниях не одержали верха роялизм и фанатизм. Тем не менее Конвент предоставил в конце концов именно избирательным собраниям назначение этих двух третей членов.

² Но сами выборщики и на этот раз уже должны были удовлетворять требованиям ценза, установленного конституцией.

опасаться, что избирательные собрания не захотят вновь выбрать две трети старых членов Конвента. Поэтому 13 фруктидора Боден (из департамента Ардени) предложил новые меры в докладе, где говорилось, что «роялизм в первый раз и неожиданно объявил себя горячим защитником верховной власти того народа, которого он жаждет снова обратить в рабство». В том же самом заседании Боден заставил вотировать декрет, согласно которому избирательные собрания имели право назначить одну треть депутатов, предоставленную их свободному выбору, только после избрания остальных двух третей из числа членов Конвента. Но могло случиться, что одни и те же члены Конвента были бы выбраны во многих департаментах. Для устранения этого неудобства был издан новый закон, согласно которому «каждое избирательное собрание, независимо от назначения тех двух третей, которые оно должно было избрать с самого начала, должно было составить дополнительный, вдвое больший список, также состоящий из наличных членов Конвента». Так, например, избирательное собрание департамента Сены, которому предстояло назначить 18 депутатов, должно было избрать свои две трети членов Конвента, т. е. 12 депутатов, затем 36 членов Конвента для дополнительного списка и наконец 6 депутатов в состав новой трети. Если бы, несмотря на все эти предосторожности, комплект пятисот членов Конвента все еще не был бы достигнут, тогда те из членов Конвента, которые уже были бы выбраны, составили бы из себя избирательное собрание и сами пополнили бы недостающее число.

Первичные собрания, созывавшиеся на 20 фруктидора III года, должны были закончить свою деятельность к 10 вандемьера IV года. 1 вандемьера Конвент декретировал, чтобы избирательные собрания были открыты 20 вандемьера и закончили выборы не позже 29-го. В том же декрете говорилось, что состоявшие при выполнении своих обязанностей депутаты Корсики и колоний должны были временно выполнять их в новом Законодательном корпусе. Так как их было числом 17, то избирательным собраниям предстояло в конце концов выбрать вновь только 483 члена Конвента.

XI

Мы видели, что первичным собраниям предстояло одновременно высказаться по поводу конституции и по поводу декрета о двух третях членов Конвента. Так же как и в 1793 г., результаты плебисцита были провозглашены ранее, чем было возможно узнать их вполне. Уже 1 вандемьера IV года Гомэр сообщил Конвенту от имени комитета декретов, что «огромное

большинство» первичных собраний, а именно, 6 337, уже прислало свои протоколы; 269 из этих 6 337 собраний не указывали числа своих вотировавших граждан; число вотировавших граждан, указанное всеми остальными собраниями, равнялось 958 226, включая сюда 18 326 человек, принадлежавших к армии. Из этих 958 226 вотировавших граждан, 941 853 высказались за конституцию, а 14 892 отвергли ее. (Эти цифры показывают, что было по всей вероятности еще 1 481 сомнительных голосов, но докладчик не упоминает о них). Что касается декрета о двух третях членов Конвента, то из 263 131 вотировавших (122 первичных собраний не указали числа их), 167 758 приняли эти декреты, а 95 373 отвергли их. (Остается, следовательно, 2 000 сомнительных голосов, о которых не упоминает докладчик). Выслушав этот доклад, Конвент декретировал, что конституция и декреты были приняты и стали законами республики.

Через несколько дней (6 вандемьера) были напечатаны полные результаты¹. Из 1 107 368 всех вотировавших, конституция была принята 1 057 390 голосами и отвергнута 49 978. Из 314 282 всех вотировавших, декреты были приняты 205 498 голосами и отвергнуты 108 784. Это еще не были окончательные результаты, так как к этому времени еще невозможно было иметь протоколы всех первичных собраний; но это — единственные результаты, которые дошли до нас.

Свобода вотировавших, вообще говоря, не была нарушаема в первичных собраниях, и каждый из них, согласно декрету 5 фруктидора, вотировал в той форме, какую предпочитал, т. е. путем открытой или закрытой подачи голоса. Пример того и другого способа вотирования можно видеть в протоколе парижской секции Друзей отечества². Я не встретил ни одного случая, когда большинство принуждало бы меньшинство к открытой подаче голоса.

В сухопутной армии конституция была принята 69 567 голосами против 1 449; во флоте — 3 846 голосами против 309.

Департаментами, в которых оказалось всего больше голосов, поданных против конституции, были: Арденны (4 813 голосов за и 1 294 против); Об (8 042 против 1 291); Шер (4 198 против 1 073); Ду (14 138 против 1 651); Эр (5 338 против

¹ «Tableau du dépouillement et recensement...» Напечатано по распоряжению Национального конвента. Париж, типография Республики, вандемьер IV года, in-folio, 227 листов. Подлинность удостоверена Корнишом, президентом комитета декретов 6 вандемьера IV года (Arch. nat., V. II, 74).

² Arch. nat., V. II, 61.

1479); Эр-и-Луар (2 706 против 2 400); Эндр (44 684 против 1 045); Луарэ (4 659 против 1 621); Монблан (11 167 против 2 884); Орн (11 245 против 1 363); Сена (68 266 против 1 426); Нижняя Сена (16 115 против 948); Сена-и-Уаза (10 120 против 1 549); Йонна (8 444 против 1 081). Нашелся департамент, но только один, который отверг конституцию (1 936 голосами против 171), а именно Монтеррибль. Но это была антифранцузская манифестация недавно присоединенного населения. Какой же смысл имели отрицательные вотумы в других департаментах? Я не считаю возможным сказать, чтобы хотя одним французом конституция была отвергнута, как недостаточно демократическая. Почти несомненно, что все отрицательные вотумы были контрреволюционными, и таково именно было мнение современников. В действительности плебисцит по вопросу о конституции был плебисцитом по вопросу о республике и даже о самой революции, которая вышла победительницей из этого испытания.

Что касается плебисцита по вопросу о декретах, то в сущности здесь шла речь о доверии к Конвенту, и мы не можем сказать, чтобы последний вышел из этого испытания победителем. Громадное число воздерживавшихся от голосования указывало на общее неодобрение попытки членов Конвента остаться у власти. Хотя в конце концов большинство вотировавших одобрило эти декреты, но не подлежит сомнению, что они были осуждены общественным мнением. В девятнадцати департаментах они были прямо отвергнуты, а именно в следующих: Эн, Алье, Ардеш, Об, Ду, Эр, Эр-и-Луар, Верхняя Луара, Лозер, Марна, Верхняя Марна, Ниевр, Уаза, Сена, Сена-и-Марна, Сена-и-Уаза, Сомма, Воклюз. В последнем департаменте сторонники Конвента не осмелились даже вотировать: там был подан только 1 голос за декреты и 1 474 против. В департаменте Сены декреты после второго официального подсчета голосов были отвергнуты 21 734 голосами против 1 156. Но, с другой стороны, видно, что многие секции не дали точных цифр, а просто написали следующее: «Отвергнуто единогласно». В общем декреты были отвергнуты в департаменте Сены всеми секциями за исключением секции «*Quinze-Vingt*» (Сент-Антуанское предместье) и всеми кантонами за исключением одного Пантеонского.

Итоги этого двойного плебисцита показывают, что юго-восток Франции и в III году продолжал быть очагом республиканского духа, как это читатель увидит из следующей таблицы вотумов, поданных в департаментах Од, Устье Роны, Гар, Эрро (Hérault), Восточных Пиренеев и Вар;

	Конституция:		Декреты:	
	за	против	за	против
Од	5 604	418	134	76
Устья Роны	15 879	8	95	10
Гар	1 195	193	1 752	895
Эро	9 807	10	941	—
Восточные Пиреней	1 089	52	124	49
Вар	8 449	36	2 371	—

В общем можно сказать, что Франция с огорчением примирилась с декретами, удерживавшими две трети членов Конвента, и охотно согласилась на новую конституцию. Тем не менее она, повидимому, с меньшим энтузиазмом одобрила ее, чем конституцию 1793 г., так как за последнюю было подано на 750 000 голосов более, чем за первую. Но следует ли заключить отсюда, чтобы демократическая конституция правилась больше Франции, нежели конституция с цензом? Нет; все дело в том, что, пока отечество было в опасности, большее число граждан подвергало себя беспокойству, чтобы итти санкционировать республику своим вотумом, тогда как в 1795 г., когда опасность уже не угрожала отечеству, меньшее число граждан сочло нужным подать свой голос.

XII

Согласно закону, избирательные собрания заседали с 20 по 29 вандемьера IV года, чтобы назначить депутатов в Законодательный корпус. Если судить по протоколам¹, то выборы происходили мирно и без нарушения установленных правил, за исключением двух департаментов, Ду и Ло, где передовые республиканцы, недовольные первыми результатами выборов, отделились и образовали свое особое собрание, которое избрало другую серию депутатов. Но Законодательный корпус утвердил только депутатов, избранных первоначальными собраниями.

У нас недостает данных, чтобы набросать картину борьбы партий на этих избирательных собраниях. Все попрежнему делали вид, что не принадлежат ни к какой партии и не входят ни в какие соглашения ранее вотума. Эта щепетильность доходила до того, что в собрании департамента Пюи-де-Дом одного избирателя изгнали за то, что он раздавал избирательные бюллетени, а в департаменте Марны на одного изби-

¹ Arch. nat., С. 480-482. Людовик Сну в своей книге «Le Directoire», т. I, стр. 378-402, дал очень подробный анализ этих протоколов.

рателя была подана жалоба в суд за то, что он раздавал печатные списки кандидатов. Прежние собрания не ограничивались тем, что производили выборы: тогда получались и составлялись петиции, произносились речи, принимались решения, окрашенные политическими стремлениями. На этот раз избирательные собрания ограничились одним вотированием, согласно статье 37 конституции, в которой говорилось: «Избирательные собрания не в праве заниматься ничем, не относящимся к выборам, которые на них возложены; они не могут ни посылать, ни принимать никаких адресов, петиций или депутатий». А закон 5 вандемьера IV года угрожал двухлетней каторжной тюрьмой президентам и секретарям как избирательных, так и первичных собраний, в случае если бы они допустили нарушение этих предписаний. Таким образом, мнения избирательных собраний обнаруживались теперь не в протоколах их заседаний, а только в результатах их голосований.

Республиканцы открыто обличали роялистский характер этих выборов. Они не без основания подозревали искренность республиканизма тех из депутатов, выбранных департаментом Сены, например, которые вошли в состав новой трети, а именно Лаффон-Ладеба, Мюрера, Жибер-Демольера, Дамбрэ (будущий хранитель печати при Людовике XVIII), Порталиса и Лекутё-Кантлэ. Ни один из этих депутатов еще не высказывал, однако, тогда своих роялистических взглядов, и все заставляет думать, что избиратели выбрали их, как умеренных и противников Конвента.

Истинный характер этих выборов указывал на всеобщий протест против политики Конвента, упорно желавшего пережить себя, против декрета о двух третях, против влияния, какое монтаньяры снова приобрели с некоторых пор над этим собранием. Выборы IV года были антиякобинскими, антианархическими, антитеррористическими, как говорили тогда.

Читатель помнит, что избирательные собрания вынуждены были законом послать в новый Законодательный корпус не менее 483 прежних членов Конвента и что в силу позднейшего законодательного решения была установлена такая система дополнительных списков, при которой избирателям очень трудно было освободиться от этой обязанности. Тем не менее им удалось это, так что в конце концов только 379 прежних членов Конвента были избраны вновь (из них 124 по дополнительным спискам)¹.

¹ M. Sciout (*Le Directoire*, т. I, стр. 396) основательно замечает, что когда Конвент объявил об этих результатах (4 брюмера), он еще не мог серьезно исследовать протоколы, из которых даже еще не все дошли до него. Это плохое знакомство с окончательными результатами в то время доказывается также тем, что когда выбранные члены Конвента собрались

Среди этих 379 депутатов оказались наиболее умеренные члены Конвента, причем они были выбраны одновременно во многих местах, что указывало скорее на известную тактику, имевшую в виду избежать назначения всего числа членов Конвента, требуемого законом, чем на популярность этих выбранных членов. Такими депутатами, выбранными наибольшее число раз, были Буасси д'Англà, Ланжюинэ и Анри-Ларивьер; затем шли: Дефермон, Лесаж (департамент Эр-и-Луар), Камбасерес, Дюран-Майльян, Пелэ (из департамента Лозер), Дюзю, Саладен.

4 брюмера IV года Национальный конвент закончил свою деятельность. В тот же день (согласно закону 30 вандемьера этого года) вновь избранные члены Конвента составили из себя «избирательное собрание всей Франции» и назначили из среды не избранных вновь членов Конвента «104 депутата, которые вместе с депутатами от колоний должны были составить требуемое число пятисот». Ни один из членов Конвента, пользовавшихся какой-либо известностью, не был исключен из нового состава Законодательного корпуса, кроме Фрерона, Паганеля, Томаса Пэна, Треуара и тех, которые в качестве осужденных не подлежали избранию¹.

На следующий день, 5 брюмера, собрался Законодательный корпус. После поименной переклички были выбраны по жребию из числа женатых или вдовых депутатов, достигших сорокалетнего возраста, 250 человек, которые должны были составить Совет старейших. Наиболее известными из этих 250 депутатов были: Бреар, Кошон, Куртуа, Роже-Дюко, Дюран-Майльян, Гуильо (из Фонтенэ), Гуиль де Префельн, Жоанно, Кервелеган, Лакомб Сен-Мишель, Ланжюинэ, Ларевельер-Лепо, Порталис, Ровэр, Изабо. Затем два Совета разъединились. Старейшие избрали своим президентом Ларевельера-Лепо; Совет пятисот — Дону. 8 и 9 брюмера Совет пятисот составил список 50 кандидатов в члены Исполнительной директории. Чтобы заставить старейших сообразоваться со своим выбором, он внес в этот список только мало известные имена, за исключением пяти: Ларевельера-Лепо, Ребелля, Сиейса, Летурнёра (из Ламанша) и Барраса. Совет старейших немедленно же назначил их членами Директории, причем отказавшийся Сиейс был заменен Карно.

для пополнения своего комплекта, то они назначили Майльяна, Блэда и Деспинасси, не зная, что они уже были выбраны департаментами (Ibid., стр. 417, 418).

¹ См. «Procès-verbal de l'Assemblée nationale de France», находящийся в начале первого тома «Протоколов Совета пятисот» (Нац. библ., Le. 42/1). Список членов Конвента, бывших «избирателями», напечатан отдельно (Нац. библ., Le. 31/1745).

Исполнительная директория вступила в отправление своих обязанностей 12 брюмера и составила такое министерство: министр юстиции — Мерлен (из Дуэ), министр внутренних дел — Бенезек; иностранных дел — Шарль Делакура; морской и колоний — Трюгэ; военный — Обер-Дюбайе; финансов — Фэпуль. Своим секретарем она назначила Лагарда, бывшего секретаря административного собрания Северного департамента, который отправлял свою новую обязанность до самого 18 брюмера¹.

Так была введена в действие конституция III года.

¹ Директория избрала четырьмя государственными послами бывших иудеев Конвента Дюбрака, Шомона, Рубо и Саллангро.

ГЛАВА II

ПРИМЕНЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ III ГОДА

I. Общий характер этого периода. — II. Избирательная система: выбор депутатов. — III. Избирательная система: выбор должностных лиц. — IV. Законодательный корпус: Совет пятисот и Совет старейших. — V. Исполнительная директория и министры. — VI. Комиссары Директории. Административная централизация. — VII. Клубы. — VIII. Отношение к периодической печати.

I

Эпоха, когда действовала конституция III года, т. е. та эпоха, которая часто называется эпохой «Директории», но которую мы будем называть эпохой «буржуазной республики», потому что это было господство политически привилегированного класса, характеризуется попыткой установить нормальное правительство при обстоятельствах, хотя еще и ненормальных, но уже более нормальных, чем они были во II году. В течение этих четырех лет Франция вела войну с Англией, а также, хотя и с перерывом, с Австрией; в самом же конце этого периода против Франции выступила и Россия. С вантоза по термидор VII года Франции, потерпевшей тогда поражение, угрожало новое нашествие неприятеля; внутри ее там и сям еще продолжалась перемежающаяся гражданская война. Республике все еще приходилось защищаться против роялистов и священников, которым удалось поднять восстание в Пуату и в Бретани, а одно время, в VII году, также и в Тулузской области. Во весь этот промежуток времени республика была стесняема в своем естественном развитии финансовыми затруднениями, неизбежно вызываемыми войной, а также интригами замаскированных роялистов, находившихся в союзе с папистским духовенством. Но все эти опасности приняли дей-

ствительно тревожный характер только в VII году, да и то лишь в течение нескольких недель. Тогда произошел как бы самопроизвольный возврат к некоторым формам и законам террористической эпохи; но это был лишь мимолетный возврат, потому что почти немедленно вслед затем победы Брюна и Массенà спасли Францию. В течение всего остального времени террор господствовал как бы лишь наполовину и положение было лишь наполовину революционным. Строго применялась конституция и в то же время издавались законы, временно отменявшие ее некоторые принципы, как, например, временные правила против эмигрантов, священников и журналистов. Тем не менее обнаруживалось общее стремление к более нормальной жизни. Хотя обстоятельства вызвали два или три государственных переворота, дух повиновения закону начинал распространяться повсюду. Притом же эти государственные перевороты были произведены не народом на улицах, а правительством или Законодательным корпусом, путем законодательных мер без кровавых столкновений между гражданами и почти без потрясений. Все революционные меры принимали в эту эпоху форму законов. С формальной стороны замечалось своего рода упорядочение политической и административной жизни, стремление «восстановить общественный порядок на место хаоса, неотделимого от революции»¹. Начиналось господство бюрократии; окончательно устанавливалась административная централизация; заканчивалось моральное и материальное объединение Франции вместе с попыткой (только наполовину удавшейся) присоединить к французской нации народы левого побережья Рейна и Бельгии.

Из всех событий и законодательных актов, содействовавших проведению в жизнь конституции III года, нам необходимо обратить особое внимание на те, которые имели прямое отношение к наиболее основным политическим элементам этой конституции. Мы начнем с выборов.

II

Как же функционировал тогда выборный порядок?

Мы уже видели, что всеобщее избирательное право было заменено избирательным правом, основанным на цензе; вот почему главным образом мы и говорили о совершившемся переходе демократической республики в буржуазную.

¹ Это выражение взято из прокламации Директории к французскому народу, которой она извещала его о своем вступлении во власть 14 брюмера IV года.

Депутаты назначались попрежнему путем двойных выборов. Первые выборы производились первичными собраниями (по одному на каждый кантон или на каждую секцию кантона); вторые — избирательными собраниями (по одному на департамент)¹.

Закон стремился обеспечить свободу голосования главным образом путем запрещения повсюду и во всех случаях открытой подачи голосов. Согласно статье 31 конституции, все выборы должны были происходить при тайном голосовании². Статья 37 предохраняла избирательные собрания от того, что мы назвали бы давлением извне, запрещая им принимать какие бы то ни было адреса, петиции или депутации.

Выборы происходили раз в год. Ежегодно, 1 жерминаля, созывались первичные собрания для назначения членов избирательных собраний ввиду ежегодного возобновления Законодательного корпуса в одной четверти его состава, а также, как мы увидим ниже, для назначения различных должностных лиц, если в этом представлялась надобность. Избирательные собрания³ созывались на 20 жерминаля и должны были закончить все свои дела в течение одной десятидневной сессии без права откладывать свои заседания. После этого избирательные собрания считались распущенными, и их члены могли быть избранными вновь лишь по истечении двух лет⁴.

Закон не предписывал никаких мер против избирателей, не явившихся на призыв, хотя число таковых было очень велико в то время. Даже более того, инструкция от 5 вантоза V года, глава II, § 6, статья 3, гласила, чтобы «никто не подавал своего избирательного бюллетеня, пока до него не доходила очередь и пока его не вызывали по имени. Таким образом, пропустивший свою очередь уже не мог больше вотировать.

Упомянем еще о других правилах, которые закон III года признавал обязательными для всяких выборов.

Вопреки установившемуся ранее обычаю, граждане приглашались сами ставить свою кандидатуру или записывать канди-

¹ В избирательной системе того времени существовали еще «коммунальные собрания», но на них, как мы увидим, происходили лишь муниципальные выборы.

² См. также закон 25 фруктидора III года, титул I, ст. 10: «При всех выборах каждый вотирующий вызывается по имени секретарем или одним из счетчиков и подает закрытый и неподписанный бюллетень».

³ Каждый член избирательного собрания получал вознаграждение в размере 75 сантимов за каждое 1/2 расстояние, отделявшее место заседания от его местожительства, а также в размере 3 франков за каждый потраченный им день (закон 23 вантоза V года).

⁴ Закон 18 вантоза VII года применил это постановление даже к членам расколовшихся избирательных собраний, решения которых были признаны недействительными.

датами других лиц. «Этот откровенный способ обращаться к доверию избирателей, говорилось в инструкции 5 вантоза V года, более соответствует достоинству республиканца и во всех отношениях предпочтительнее тайных домогательств и скрытых маневров интригующего честолюбия». Такого рода списки составлялись в нивозе и обнародывались в плувиозе по распоряжению муниципальных и департаментских администраций. Но эта система не дала тех результатов, на которые надеялись. После опыта на выборах V года списки кандидатов были отменены законом 24 плувиоза VI года. Выставление кандидатур еще шокировало тогда нравы, подобно тому, как граждане еще стыдились тогда признавать себя принадлежащими к какой-нибудь партии. Мы не находим за это время никаких следов избирательных комитетов или предварительных соглашений между избирателями, принадлежащими к одним и тем же взглядам.

Если приходилось избирать нескольких граждан сразу (что имело место при всех законодательных выборах), то происходили «выборы по списку», причем избранным считался получивший «абсолютное большинство» голосов при первом голосовании.

Когда происходила перебаллотировка, то избиратели могли вотировать только за кандидатов, получивших наибольшее число голосов при первом голосовании.

Согласно статье 9, «если достаточное число кандидатов не получило бы абсолютного большинства голосов, то следовало составить список лиц, получивших наиболее сильное относительное большинство. Этот список следовало ограничить числом имен, превышающим в десять раз число должностных лиц¹, подлежащих избранию при данном голосовании (ст. 10), затем следовало приступить ко вторичному голосованию, причем вотировать можно было только за кандидатов, внесенных в список, указанный в предыдущей статье».

Этот окончательный выбор усложнялся «исключающим голосованием», которое устанавливалось в таких выражениях статьями 11, 12 и 13 третьего титула того же закона: «Для окончательного выбора каждый вотирующий кладет одновременно в две различные урны два билетика, один назначающий, а другой исключаящий. На первом он пишет столько имен, сколько надлежит избрать должностных лиц, на втором же он пишет имена граждан, которых желал бы устранить из числа конкурентов. На последнем билетике может не быть ни одного имени или может быть несколько имен, но во всяком случае не

¹ Слово «должностное лицо» применялось на языке того времени одинаково и к депутатам и к членам администрации.

больше половины того числа имен, которое внесено в список, указанный в статье 9 настоящего титула. — Сначала должен быть произведен общий подсчет вотумов на исключаящих билетиках, и те кандидаты, которые внесены в эти билетики абсолютным большинством вотирующих, не могут быть избраны, какое бы число голосов ни было подано за них в избирательной урне. — Затем производится подсчет избирательным бюллетеням, и избранными признаются лица, не подпавшие под случай, предусмотренный в предыдущей статье, и получившие наибольшее число утвердительных вотумов».

Эта система исключаящего вотума, плохо понятая и плохо примененная на выборах V года, была отменена законом 28 пловноза VI года, равно как и система выбора по списку. Выборы VI и VII годов происходили согласно постановлениям закона 22 сентября 1789 г., статья 25 которого гласила следующее: «Депутаты в Национальное собрание должны избираться при одноименной системе голосования и простым большинством голосов. Если первое голосование не даст абсолютного большинства для кого-либо из кандидатов, тогда следует приступить ко второму голосованию. Если и второе голосование не даст абсолютного большинства, то следует приступить к третьему голосованию, но уже только для избрания депутата из двух кандидатов, получивших наибольшее число голосов. Наконец, если голоса разделились бы поровну и при третьем голосовании, то предпочтение должно быть отдано кандидату, старшему по возрасту».

Проверка полномочий избранных депутатов происходила в форме законодательного акта, причем Совет пятисот назначал столько особых комиссий, сколько отдельных действий избирательных собраний подлежало рассмотрению. По докладу этих комиссий он утверждал или объявлял недействительным тот или другой выбор в Законодательный корпус (т. е. как в Совет пятисот, так и в Совет старейших) в форме «резюлюции», которые Совет старейших одобрял или отвергал.

Таковы были правила, согласно которым происходили выборы V года, или выборы VI и VII годов, или же, наконец, как первые, так и вторые и третьи.

Эти законы имели целью обеспечить свободу и искренность выборов. Но созданные для нормальных условий, они на практике видоизменялись другими законами, вызывавшимися ненормальными обстоятельствами гражданской и внешней войны, необходимостью бороться эмпирическим путем с противодействующими силами прошлого, клерикализмом и роялизмом. Эти дополнительные законы именовались теми, кто становился их жертвами, террористическими; они ясно указывали на еще сохранившиеся следы революционного порядка в конститу-

ционном режиме и имели целью помешать оппозиции одержать победу на выборах.

Закон 30 вантоза V года требовал, чтобы ранее чем приступить к выборам члены избирательных собраний произносили следующие слова: «Я обещаю быть верным и преданным республике и конституции III года. Я обязываюсь защищать их всеми моими силами от нападков со стороны королевской власти и анархии». Директория потребовала, чтобы вместо простого обещания избиратели приносили в этом случае, подобно всем должностным лицам, присягу; но Совету пятисот показалось, что для удаления роялистов из избирательных собраний достаточно было простого обещания. В действительности это обещание устраняло из избирательных собраний лишь открытых роялистов, не мешая проникать туда замаскированным роялистам. Вот почему закон 19 фруктидора V года обязал избирателей присягать «в ненависти к королевской власти и к анархии, и в верности и преданности республике и конституции III года». Таким образом, как ранее, так и после 18 фруктидора роялистское общественное мнение не имело своих открытых представителей в избирательных собраниях.

Другой закон еще более стеснял свободу выборов; это был закон 3 брюмера IV года, который создавал категории лиц, лишенных права быть избранными; четыре первых статьи этого закона мы должны привести целиком: «1. Лица, которые предложили бы или подписали на первичных или избирательных собраниях мятежнические и противные законам меры, не будут иметь права до заключения общего мира выполнять какие бы то ни было законодательные, административные, муниципальные или судебные функции, а равно и обязанности присяжных в верховном национальном трибунале и во всех других трибуналах. — 2. Все лица, внесенные в списки эмигрантов и не добившиеся того, чтобы их окончательно вычеркнули из них; отцы, сыновья, внуки, братья, зятья и свойственники той же степени родства, а равно дядья и племянники лиц, включенных в списки эмигрантов и не вычеркнутых из них окончательно, устраняются до заключения общего мира от всех законодательных, административных, муниципальных и судебных функций, так же как и от обязанностей присяжных при верховном и обыкновенных трибуналах. — 3. Всякий из принадлежащих к вышеуказанным категориям, кто принял бы или оказался бы занимающим одну из вышепоименованных должностей и кто не сложил бы ее с себя в течение двадцати четырех часов со времени обнародования этого закона, подлежит изгнанию навсегда из Франции, а все служебные акты, совершенные им после обнародования этого закона, объявляются недействительными и не имеющими силы. —

4. Считаются изъятными от действия статей 2 и 3 граждане, бывшие членами одного из трех Национальных собраний; лица, занимавшие непрерывно, с самого начала революции, общественные должности по народному выбору, и лица, которые добьются того, что они сами или их родственники или свойственники будут окончательно вычеркнуты из списков эмигрантов». Остальные статьи этого закона разрешали «всем тем, которые не пожелали бы жить под законами республики и сообразоваться с ними», покинуть французскую территорию, но под условием не возвращаться на нее под угрозой, что в противном случае с ними будет поступлено как с эмигрантами.

Этот закон был отменен 9 мессидора V года, но снова восстановлен статьями 7—11 закона 19 фруктидора того же года.

Эмигранты были лишены не только права занимать выборные должности; закон 1 фруктидора III года лишил их даже прав гражданина в следующих выражениях: «Никто из внесенных в эмигрантский список своего департамента не может пользоваться правами гражданина до тех пор, пока не будет решено окончательно вычеркнуть его из этого списка». Выше мы видели¹, что во время террора списки эмигрантов составлялись таким образом, что в них попадали многие лица, не выезжавшие на самом деле из Франции. После 9 термидора составление этих списков происходило с той же поспешностью и с теми же шансами на возможную ошибку или умышленную неправду. Законом 25 брюмера III года муниципальным властям поручалось составлять каждые три месяца список всех отсутствующих граждан и пересылать его окружным властям, которые, руководствуясь им, должны были составлять список эмигрантов. В эпоху Директории обязанности окружных властей исполняла в этом случае центральная администрация департамента. На основании департаментских списков ежемесячно составлялся общий список эмигрантов. Раз попав в этот список, было очень трудно добиться выключения из него. Для этого необходимо было доказать свое пребывание во Франции с 9 мая 1792 г.; но даже и в таком случае окончательное выключение (предоставленное законами 28 и 30 пловиоза IV года Директории) задерживалось различными формальностями и административными проволочками.

Когда 5 вантоза V года Совет пятисот потребовал сведений относительно состояния дел, возникших по просьбам разных лиц о выключении их из эмигрантских списков, то Директория ответила на это посланием, в котором говорилось следующее: «Число внесенных в общий список весьма значи-

¹ См. выше, стр. 440—441.

тельно. Беглый итог, подведенный в канцеляриях министра финансов, дает цифру, превышающую 120 000, причем надо заметить, что списки некоторых департаментов еще не получены». Директория признавала, что в этом списке встречались «ошибки и повторения». Во всяком случае были получены требования от 17 000 лиц о выключении их из эмигрантских списков. Из этих 17 000 лиц только 4 500 «ходатайствовали о скорейшем решении». Директория высказалась относительно 1 500 ходатайств, причем отказала только на 170. Оставалось, следовательно, не рассмотренными около 3 000 просьб.

Из всего этого видно, как велико было число неэмигрантов, лишенных избирательных прав благодаря опрометчивости или личной неприязни тех или других доносчиков. Не видно, однако, чтобы при первых шагах Директории доступ в первичные собрания был безразлично запрещаем всем этим гражданам, потому что 7 вантоза V года, по докладу Мерлена (из Дуэ), Директория постановила, чтобы граждане, внесенные в списки эмигрантов, исключались из первичных собраний. Отсюда следует заключить, что до тех пор закон 1 фруктидора III года не применялся, и это хорошо подтверждается тем фактом, что постановление Директории сильно взволновало тогда общественное мнение. Совет пятисот назначил для рассмотрения этого постановления комиссию, которая предложила меры, имевшие целью косвенно устранить его. Это столкновение между правительством и Советом пятисот кончилось компромиссом. 21 вантоза Совет пятисот вотировал резолюцию (одобренную 22 числа Советом старейших), в силу которой право голосования предоставлялось гражданам, которые хотя и были внесены в эмигрантский список, но добились того, что административные власти их департамента «временно» вычеркивали их из него.

Скоро, однако, этот закон 22 вантоза был отменен. Революционный закон 19 фруктидора V года изгонял из Франции под угрозой быть преданными военному суду всех граждан, внесенных в общий эмигрантский список и не добившихся того, чтобы их вычеркнули из него.

Таким образом, наиболее выдающиеся противники революции могли быть до 18 фруктидора исключены из первичных и избирательных собраний, а после 18 фруктидора — изгнаны из Франции.

Другая категория граждан, а именно категория бывших дворян, была после 18 фруктидора временно лишена избирательных прав первой статьей закона 9 фримера VI года, гласившей следующее: «Бывшие дворяне и облагороженные, т. е. все лица, получившие дворянство от своих отцов или приобретшие его с правом наследственной передачи своим детям, бу-

дуг пользоваться правами французского гражданина в первичных, коммунальных и избирательных собраниях, а равно занимать какую бы то ни было общественную должность лишь по выполнении условий и по прошествии сроков, предписанных для иностранцев статьей 10 конституции». Таким образом, бывшие дворяне приравнивались к иностранцам и должны были натурализоваться, т. е., между прочим, удостоверить свое пребывание во Франции в течение семи лет подряд. Из этих постановлений исключались бывшие члены национальных собраний (кроме лиц, протестовавших в Учредительном собрании против отмены дворянства), члены Исполнительной директории (один из них Баррас сам был дворянин), министры республики, военные, состоявшие на действительной службе, «а равно все те лица, которые докажут, что они содействовали завоеванию свободы, учреждению республики и защите ее своим мужеством, что они служили ей, выполняя гражданские или военные функции (причем, однако, служба в национальной гвардии не признавалась военной службой) и что они всегда оставались верными республиканскому делу». Легко заметить, что этот закон не только отстранял от голосования большинство бывших дворян, он косвенно позволял, кроме того, правительству сохранять по своему желанию права граждан за теми из бывших дворян, которые были расположены к нему. Применялся ли этот закон на самом деле? В нем было сказано, что форма, «в которой должно было быть представлено требуемое доказательство», будет определена другим законом, который не был, однако, издан. Весьма вероятно, что правительство произвольно лишало или не лишало бывших дворян права голоса, смотря по обстоятельствам и своей фантазии, а также — что многие из них благоразумно устранились сами.

Таковы были законы, которыми в эпоху Директории ограничивалась избирательная свобода и осуществление верховных прав нации, если только можно было назвать «нацией» привилегированный буржуазный класс. Что касается правительственного давления, как сказали бы мы в настоящее время, то оно не проявлялось в форме официальных кандидатур; даже официозные кандидатуры практиковались тогда разве только в бельгийских департаментах, которые правительство старалось офранцузить всеми способами. Так, при приближении выборов V года министр полиции Кошон писал комиссару, состоявшему при департаменте Диля, что интересно было бы провести на выборах кандидатов из французов, и посылал ему список имен, который должен был оставаться тайным, но который был опубликован газетами и вызвал скандал. Если верить «Мемуарам» Тибодо, то Директория потребовала тогда у казначейства 750 000 франков «для обеспечения порядка во

время выборов»¹. Публично правительство делало вид, что держится совсем в стороне. Оно вмешалось лишь накануне выборов VI года (9 жерминаля), расклеив по всей Франции прокламацию, в которой, обрушиваясь на республиканцев-демократов, заявляло угрожающим тоном, что Законодательный корпус не допустит заседать в своей среде этим «разбойникам», — и мы увидим, что эти угрозы были приведены в исполнение 22 флореаля. На выборах VII года правительство снова заняло нейтральное положение. Тогда было заявлено лишь об одном случае правительственного давления, а именно о циркуляре, с которым комиссар Директории при центральной администрации департамента Сарты обратился 22 вантоза к своим сотоварищам, состоявшим при кантонах; он приглашал их ранее созыва первичных собраний собрать на экстренное заседание муниципальных агентов с их помощниками и «приказать от его имени крупнейшим собственникам и фермерам каждой коммуны сопровождать их на это собрание». Когда же первичное собрание уже назначило бы избирателей, то комиссар, состоящий при данном кантоне, должен был собрать их перед их отъездом в город Ман и дать им «необходимые инструкции для их руководства», объявляя им при этом, что Законодательный корпус и Директория твердо решились устроить новое 18 фруктидора или новое 22 флореаля, если бы выборы приняли тот же самый характер, как в V или VI годах. Совет пятисот потребовал (2 жерминаля) объяснения от Директории, которая ответила (9 жерминаля), что она высказала порицание комиссару за его повелительный тон, но что она не уволила его, так как его циркуляр был в общем лишь комментарием к вступительным частям законов 19 фруктидора V года и 22 флореаля V года².

Избирательный порядок был в действительности извращен не официальными или официозными кандидатурами, не правительственным давлением, а путем двух государственных переворотов, которые фактически уничтожали или изменяли выборы V и VI годов.

Читатель помнит, что оба Совета, возобновлявшиеся по трети, были составлены на две трети из бывших членов Конвента и только на одну треть из новых членов. Одна треть членов Конвента должна была выйти из состава Законодательного корпуса в жерминале V года, а другая треть — в жерминале VI года; полномочия третьей трети (новых членов) кончались в жерминале VII года. В Совете пятисот две трети, состоявшие из бывших членов Конвента, должны были составить в

¹ *Thibaudeau, Mémoires*, т. II, стр. 153.

² «*Moniteur*» от 4, 5 и 8 жерминаля VII года.

общем 333 человека, но смерть и отставки уменьшили это число до 312. Когда из него были исключены по жребию 167 человек, составлявших ту треть, которая подлежала выходу в VI году, то оставалось еще 145 человек, которые должны были выйти из состава собрания в V году. В Совете старейших бывших членов Конвента должно было быть 167 человек; но это число уменьшилось до 154; из него 83 депутата подлежали выходу в VI году, а 71 — в V году.

Выборы для замещения первой выходящей трети, происшедшие в жерминале V года, оказались, или скорее показались, носящими роялистский характер. (Ниже мы еще вернемся к этому.)

Законодательный корпус нашел их, однако, правильными и в промежуток времени от 1 прерияля по 14 мессидора V года утвердил их за исключением избрания бывшего члена Конвента Барера (департамент Верхних Пиренеев), которое было признано недействительным. После этого оставалось еще утвердить выборы департамента Жерс.

Но благодаря государственному перевороту 18 фруктидора, Законодательный корпус под влиянием оказанного на него давления отменил свое прежнее решение и законом 19 фруктидора кассировал выборы в 46 департаментах, а именно в следующих: Эн, Ардеш, Арьеж, Об, Авейрон, Устья Роны, Кальвадос, Шарант, Шер, Кот-д'Ор, Кот-дю-Нор, Дордон, Эр, Эр-и-Луар, Жиронда, Эро, Иль-и-Вилен, Эндри-Луар, Луара, Верхняя Луара, Нижняя Луара, Луарэ, Манш, Мэн, Майени, Монблан, Морбиган, Мозель, обе Нэты, Нор, Уаза, Орн, Па-де-Кала, Пюи-де-Дом, Нижний Рейн, Верхний Рейн, Рона, Саона-и-Луара, Сарта, Верхняя Саона, Сена, Нижняя Сена, Сена-и-Марна, Сена-и-Уаза, Сомма, Тарн, Вар, Воклюз, Иоанна¹. Между тем, согласно закону 27 плювиоза V года, эти департаменты должны были избрать 136 депутатов. Кроме того, среди тех 53 депутатов, которых тот же самый закон 19 фруктидора осудил на ссылку, 41 были избраны не вышеперечисленными департаментами. Следовательно, всего было исключено 177 депутатов, а так как конституция не допускала частичных выборов в промежуток между ежегодными возобновлениями, то в течение почти семи месяцев, т. е. до выборов жерминаля VI года, Законодательный корпус был лишен около четверти своих членов (не говоря уже о тех депутатах, которые умерли или вышли в отставку за это время).

В VI году (закон 17 вантоза) предстояло избрать 420 депутатов.

¹ Кроме того, тем же самым законом были утверждены выборы в департаменте Жерс.

Эти выборы оказались или показались носящими демагогический, анархический, террористический или якобинский характер, как говорили тогда.

Неправильности, которые произошли на них, а именно расколы среди некоторых избирательных собраний, дали возможность кассировать эти выборы или изменить их.

Мы видели, что на выборах IV года было два случая такого раскола¹; на выборах V года их произошло три: в департаментах Ло, Ландов и обеих Нэт². В VI году расколы произошли в 26 департаментах, не говоря уже о предварительных расколах на первичных собраниях.

Чтобы понять, что такое были эти расколы, возьмем для примера раскол в департаменте Сены, как он рисуется по протоколам первоначального и отделившегося собраний³.

Первоначальное собрание собралось в Оратории 20 жерминаля VI года. Немедленно же обнаружилось при выборах в бюро, что это собрание было разделено на две партии. Президент (Женисье) и секретарь (Камбасерес) были избраны только весьма слабым большинством: первый 371 голосом из 606 вотировавших, второй — 325 голосами из 609. Протокол не называет кандидатов меньшинства⁴; но дальнейший ход событий показал, что это меньшинство состояло из умеренных, тогда как большинство носило ярко республиканскую окраску или, как говорили тогда, «якобинскую». Это несходство мнений проявилось в проверке полномочий, долго тянувшейся и особенно осложнившейся вопросом об исключении некоторых избирателей на основании законов 3 брюмера IV года и 19 фруктидора V года. Республиканское большинство устранило тех из избирателей-роялистов, которые уже скомпрометировали себя, как, например, некоего Ламэньера, бывшего председателем секции 13 вандемьера. Расколы происходили и на первичных собраниях, как, например, в собрании № 5, обе фракции которого заседали одновременно в церкви св. Сульпиция, одна — на хорах, а другая — в капелле. Избирательное собрание утвердило выборы второй фракции, потому что первая допустила

¹ См. выше, стр. 696—697.

² Ранее 18 фруктидора Законодательный корпус уже высказался о каждом из этих трех расколов, утвердив один из двух избранных составов депутатов и отвергнув другой. Из этих трех решений закон 19 фруктидора V года удержал только решение, относившееся к Ландам. Выборы обеих Нэт были кассированы; что же касается депутатов департамента Ло, то они сначала были исключены, а потом снова допущены.

³ Arch. nat., AF III, 261.

⁴ Зато из этого протокола мы узнаем об очень любопытном факте. Среди этих выборщиков второй степени (принадлежавших к избранному меньшинству) нашлись лица, которые не умели писать и должны были продиктовать свои бюллетени.

в свою среду граждан, лишенных законом права голосования (т. е. роялистов). Две трети его сессии были посвящены этой проверке.

Тогда (26 жерминаля) умеренное меньшинство, видя, что собрание готовится избрать передовых республиканцев, отделилось и стало заседать в Лувре, в зале Института. Его протокол открывается «актом об отделении». В нем говорится, что в собрании Оратории господствует «дух мятежа», который повел за собой произвольные и тиранические действия при проверке полномочий, что по одним и тем же причинам оно одних исключало, а других допускало к голосованию, что анархизм и роялизм протягивали на нем друг другу руки. Отделившиеся заявляли, что зал, в котором они заседали, был предоставлен им при содействии комиссара Директории, состоявшего при Сенской центральной администрации, откуда видно, что правительство поощряло эти расколы.

Отколовшееся собрание было сначала очень немногочисленно; оно выбрало президентом Гийо-Дезербье 34 голосами из 57 вотировавших, а секретарем — Гюга 45 голосами из 53. Но к нему стали присоединяться новые члены, и мало-помалу число вотирующих достигло в нем 212. Это собрание назначило депутатами (28 и 29 жерминаля) в Совет старейших: Ленуар-Лароша, Руссо, Фарко, Риво, Гюга, Дюсиса и Горно (Фарко и Дюсис отказались и были заменены Альбером и Арну); а в Совет пятисот: Гийо-Дезербьера, Берлье, Кабаниса, Шампань, Портье (из департамента Уазы), Мари-Жозефа Шенье, Андриё, Поллара, Шазали и Обера.

Между тем первоначальное собрание продолжало функционировать; оставив без рассмотрения сообщение отколовшегося собрания, оно назначило своим президентом Камбасереса вместо Женисье и, все еще насчитывая в своей среде более 400 вотирующих, избрало депутатами в Совет старейших: Готье-де-Биоза, Гойе, Леблана, Роже Дюко, Сижака и Дюшюка; и в Совет пятисот: Камбасереса, Робера Лендэ, Удара, генерала Мулена, Тиссо, Кастеля, Берлье и Ламарка (последний отказался и был заменен Гомижоном). Оставалось избрать еще двух депутатов в Совет пятисот, но десятидневный срок, назначенный законом для совершения всех избирательных операций, истек, и собрание Оратории должно было разойтись, не закончив назначения своих депутатов.

Это позволило Совету пятисот признать действительными (17 флореаля VI года) выборы отколовшегося собрания, заседавшего в Институте, а закон 22 флореаля утвердил это решение.

Таким образом расколы совершались в VI году умеренными повсюду, где они видели, что большинство избирателей

назначило бы депутатами передовых республиканцев, а эти расколы дали затем республиканцам — сторонникам Директории в Законодательном корпусе — предлог для совершения государственного переворота, путем которого они исправили избирательные неудачи своих друзей. Этот государственный переворот состоял в вогуме знаменитого закона 22 флореалья VI года, которым разом были проверены полномочия всех вновь избранных депутатов и главнейшие результаты которого заключались в следующем¹.

В 7 департаментах выборы были совершенно уничтожены, а именно: в департаментах Алье, Луары и Ландов, где произошли расколы, и затем в департаментах Луар-и-Шера, Верхней Саоны, Дордоньи и Нижних Пиренеев, в которых не было расколов, но депутаты которых не нравились правительству. Всего было исключено при этом 16 депутатов.

В 23 департаментах был сделан выбор среди депутатов, назначенных расколовшимися собраниями, причем были утверждены депутаты, назначенные лишь частями избирательных собраний; авторы закона руководились при этом исключительно своими симпатиями к мнениям или личности избранных депутатов.

В остальных департаментах устранялись отдельные неправившиеся депутаты; так, например, были устранены оба брата Лендэ в департаменте Эр. Всего было исключено таким путем 16 депутатов².

Таким образом результаты выборов VI года были изменены революционным способом.

В жерминале VII года предстояло избрать 309 депутатов³ (закон 28 вантоза того же года) а именно: в Совет старейших 81 на три года, 13 на два года и 9 на один год; в Совет пятисот — 163 на три года, 26 на два года и 17 на один год. Расколы снова произошли тогда в 26 департаментах; но Законодательный корпус вернулся на этот раз к законному образу действий и утвердил выборы первоначальных, а не отколовшихся собраний⁴.

¹ Этот закон не был напечатан ни в «Moniteur'е», ни в сборнике Дювержье, ни в каком-либо другом сборнике, находящемся под рукой исследователей, без сомнения потому, что текст его слишком длинен. Я перепечатал его, руководствуясь № 200 «Бюллетеня законов», в журнале «La Révolution française», т. XXXVIII, стр. 428-460, с примечаниями, сделанными на основании протоколов избирательных собраний.

² Я еще возвращусь к этому закону 22 флореалья, когда буду говорить о мнениях и партиях.

³ И еще 6 для колоний.

⁴ Лица, не могущие пользоваться рукописными протоколами, хранящимися в Национальном архиве, с пользой прочтут по вопросу о выборе депутатов в эпоху Директории сборник документов, озаглавленный: «As-

К концу эпохи Директории выборы стали производиться, следовательно, снова на законном основании; но тогда уже была приобретена привычка не считаться с волей избирателей, раз только это признавалось полезным. Авторы государственного переворота 18 брюмера и конституции VIII года сумели воспользоваться этой привычкой.

III

Согласно конституции III года, не одни только функции депутатов были выборными; таковыми же были должности судей, а также департаментских и муниципальных административных властей. Эти выборы происходили на основании тех же законов, как и депутатские, и подчинялись тем же самым правилам, как нормальным и конституционным, так и исключительным — революционным.

Должностные лица избирались тройкого рода собраниями: 1) в коммунах с населением менее чем в 5 000 человек существовали «коммунальные собрания», назначавшие для каждой коммуны агента и его помощника; 2) в кантонах — те самые первичные собрания, которые назначали членов избирательных собраний, назначали также мирового судью с его ассессорами и президента муниципальной администрации кантона или же муниципальных должностных лиц для коммун с населением, превышавшим 5 000 человек; 3) в каждом департаменте — избирательное собрание, назначавшее депутатов, назначало также членов кассационного суда, верховных присяжных членов департаментской администрации, президентов, прокурора и секретаря уголовного трибунала, а также судей гражданских трибуналов (четверо судей уголовного трибунала брались из состава гражданского суда).

Но можно поставить вопрос: была ли эта либеральная децентрализация, при которой так много должностей оказывались выборными, совместима с положением, созданным тогда внешней войной, которую Франция вела в течение всего периода буржуазной республики, а также с положением, созданным гражданской войной, все еще вспыхивавшей время от времени? Люди, руководившие тогда политикой, не думали этого, а потому, провозгласив избирательный принцип, уже провозглашенный предшествовавшими конституциями, они ограни-

semblées électorales de la Charente-Inférieure» (1790-1799), par M. Eschassériaux, député, Niort, Clouzot, 1868, in-8.

Это — буквальное воспроизведение всех протоколов, правда, одного департамента, но департамента, в котором все происходило нормально, без расколов и смут.

чили его применение множеством дополнительных законов и исключительных мер.

Сама конституция (в своей 196 статье) давала Директории право в тех случаях, когда последняя считала это необходимым, временно или окончательно отрешать административных должностных лиц, как департаментских, так и кантональных. Если число уволенных таким путем членов департаментской администрации доходило до пяти, то Директория (статья 198) должна была назначить на их место других лиц до следующих выборов, но под условием, чтобы эти лица были избраны из среды «бывших администраторов того же департамента». С другой стороны закон 3 брюмера, устранявший от общественных должностей эмигрантов или лиц, считавшихся эмигрантами, а также их родственников¹, возлагал на Директорию обязанность замещать устраненных таким путем чиновников.

В самом начале нового порядка один непредвиденный случай подал повод к другим ограничениям избирательного принципа. 29 вандемьера IV года избирательное собрание Сены должно было разойтись, согласно закону, не успев приступить к судебным и административным выборам. Директория двумя посланиями (13 и 21 брюмера IV года) просила Законодательный корпус принять меры для прекращения такого ненормального положения. 22 брюмера в Совете пятисот начались прения по этому поводу. Жибер-Демольер, Виллерс и Пасторэ требовали нового созыва избирательных собраний, не успевших закончить свои операции. Дюмоляр и Виллетар хотели, чтобы до новых выборов, имевших быть в жерминале V года, Директория сама назначила должностных лиц на незанятые места. Последнее мнение взяло верх, и была вотирована следующая резолюция: «Исполнительной директории поручается назначить временно до ближайших выборов администраторов и судей в тех департаментах, где избирательные собрания не приступили к избранию этих должностных лиц в срок, установленный статьей 36 конституции». Совет старейших обсуждал эту резолюцию в течение восьми дней. Прения были очень оживленные. Дюпон (из Немура) энергично протестовал, упрекая, с одной стороны, своих противников в желании вернуться «к робеспьеровской манере», а с другой — заявляя, что позволить, «чтобы одна и та же власть назначала генералов и

¹ См. также закон 5-го дополнительного дня III года, ст. 1-я: «Отцы, сыновья, дяди, племянники и супруги эмигрантов, свойственников той же степени родства, неприсягнувшие священники, а также лица, которые дали установленную законом присягу но потом отказались от нее, должны по обнародованию настоящего декрета прекратить отправление всяких административных, муниципальных или судебных обязанностей под страхом обвинения в преступлении по должности и подлоге...».

судей», значило бы «вернуться к монархии». Из сторонников резолюции, Вернье одобрял ее, «потому что спасение народа — высший закон»; Порше — потому что «сентябрьские убийцы» оказывали «пагубное влияние на собрания избирателей». 25 брюмера, несмотря на оппозицию Порталиса, Ланжюинэ и Тронше, старейшие утвердили резолюцию.

Вскоре новые законы еще более ограничили права избирателей. 22, 24 и 25 фримера IV года Директория была уполномочена замещать: 1) все вакантные места в гражданских трибуналах, освобождавшиеся благодаря отставкам или по другим причинам; 2) вакантные места мировых судей повсюду, где они открывались; 3) места муниципальных администраторов повсюду, где последние не были назначены первичными собраниями.

Города с населением выше 100 тысяч жителей, а именно: Париж, Лион, Марсель и Бордо, были подразделены на несколько муниципалитетов. Законом 19 вандемьера IV года было предписано созвать в трехмесячный срок первичные собрания для избрания должностных лиц в эти муниципалитеты. Директория с беспокойством смотрела на приближение этих выборов; в послании к Законодательному корпусу она заявила, что опасается, чтобы ими не был нарушен общественный порядок, и вот 3 пловиоза, по докладу Мари-Жозефа Шенье, Совет пятисот, «принимая во внимание, что роялисты, побежденные 13 вандемьера, все еще питают преступную надежду на подавление свободы, что мятежные партии, низвергнутые мужественным Национальным конвентом, стараются оправиться от своего падения и увековечить гибельную систему анархии и преступлений во всех частях республики, что в настоящую минуту созыв первичных собраний в Бордо, Лионе, Марсели и Париже доставил бы новую пищу внутренним раздорам», принял следующую резолюцию, утвержденную на другой день Советом старейших: «Срок, назначенный статьей 38 закона 19 вандемьера этого года для созыва кантональных первичных собраний и для выбора муниципальных властей в коммунах Бордо, Лиона, Марсели и Парижа, удлиняется до 1 термидора текущего года. Исполнительная директория назначит временно тех лиц, из которых должны будут состоять до указанного времени муниципальные советы этих четырех городов».

1 термидора IV года произошли наконец эти муниципальные выборы, и новые муниципальные власти вступили в исполнение своих обязанностей во всех вышеуказанных городах, за исключением Марсели. Там, если верить докладу Тибодо, прочитанному им 16 термидора, произошли беспорядки, были раз-

биты избирательные урны, убит один гражданин и устранены от голосования 2 500 граждан как роялисты¹.

Закон 21 термидора кассировал эти выборы и поручил Директории позаботиться о замещении до выборов V года должностных муниципальных лиц, мирового судьи и его ассессоров в марсельской коммуне.

Мы видели, что конституция уполномочивала Директорию назначать своей властью членов департаментской администрации в том случае, если бы они все были отстранены ею от должности. Закон 22 вантоза V года предоставил Директории то же самое право и в том случае, если бы все члены департаментской администрации сами вышли в отставку. Закон того же числа возлагал на Директорию обязанность «назначать временно, а именно до выборов V года, членов муниципальных администраций в коммунах с населением выше 5 000 душ, в случае, если бы все члены этих администраций были уволены или подали сами в отставку». Когда только часть должностей оказывалась вакантной в одной и той же департаментской или муниципальной администрации, то право замещать эти вакантные места до следующих выборов предоставлялось также по конституции (ст. 188) оставшимся членам этой администрации (а не Директории).

Директории очень хотелось получить право устранять от должности в административных советах отдельных должностных лиц и производить самой отдельные назначения. Таков был предмет ее послания от 3 прериала IV года. Законодательный корпус не торопился со своим ответом, и этот ответ оказался отрицательным: это был закон 30 мессидора V года, который, подтверждая прежние законы, гласил, что Директория имела право назначать временных членов администраций как в департаментах, так и в кантонах «только в тех случаях, когда какая-либо администрация лишалась всех составляющих ее членов».

Таким образом правительство, чтобы избавиться от оппозиции некоторых членов данной администрации, должно было устранять и возобновлять ее в полном составе. Оно поступало так главным образом накануне государственного переворота 18 фруктидора. С 3 по 17 фруктидора V года оно оставило административные советы департаментов Ниевры, Эндр-и-Луары, Гарна, Аллье, Ионны, Сенны-и-Уазы и муниципальные советы городов Тура и Версаля; 18 фруктидора оно обновило административный совет департамента Сены и все муниципалитеты Парижа.

¹ См. также в Нац. архиве, АФ, т. III, 98, досье под № 435, где указан личный состав различных администраций в департаменте Устьев Роны в эпоху Директории.

Революционный закон 19 фруктидора V года кассировал не только выборы депутатов в 49 департаментах, он уничтожил также все другие акты первичных избирательных собраний, все назначения на административные и судебные должности в этих департаментах. Предшествовавшие законы заранее уполномочивали Директорию замещать самой освобождавшиеся таким путем административные должности. Законами 19 фруктидора V года и 12 прериала VI года Директории поручалось также назначать временно как членов гражданских и уголовных трибуналов, так и мировых судей. Закон 13 вандемьера VI года отменил закон 30 мессидора и дал право Директории¹ отрешать от должности и назначать отдельных членов административных учреждений. Наконец (ст. 27 и 28 закона 19 фруктидора V года), когда члены кассационного суда, избранные в 1791 г., должны были прекратить отправление своих обязанностей, то Директории было поручено заместить их².

С самого государственного переворота 18 фруктидора V года и до начала фримера VI года протоколы заседаний Директории наполнены как отдельными, так и коллективными отстранениями от должностей членов департаментских и муниципальных администраций³.

Выборы VI и VII годов только временно прекратили эту систему назначения должностных лиц Директорией. К результатам этих выборов относились почти с таким же невниманием, как и к результатам выборов V года. Чтобы убедиться в этом, достаточно пробежать в Национальном архиве сборники постановлений Директории.

Как было велико в тот или другой момент существования буржуазной республики относительное число выбранных и невыбранных должностных лиц на тех местах, которые согласно конституции были избирательными? Труд по разрешению этой задачи еще не выполнен; мы сами не имели времени предпринять его, но он мог бы быть выполнен в Национальном архиве при помощи бумаг Директории. Было бы очень интересно иметь эту статистику; но из сказанного нами уже достаточно видно, что во многих случаях применение избирательного принципа было откладываемо или извращаемо в таких размерах,

¹ Директория не ждала этого закона, чтобы приступить к отдельным назначениям. Так, 28 фруктидора V года она назначила двух членов Сенской центральной администрации, граждан Фурнье и Лефевра (см. ее журнал Arch. nat., AF III*, 8).

² В жерминале I года произошло довольно важное столкновение между Директорией и кассационным трибуналом по поводу кассационной жалобы, которую хотели подать royalistes, преданные военному суду. Относительно этого дела см. «Moniteur» от 11, 15 и 16 жермина ля V года.

³ Г-н Ссизу (Sciout, Le Directoire, т. III, стр. 23, прим. 1) дал список этих постановлений Директории.

что право, предоставленное гражданам назначать самим должностных лиц, становилось призрачным. Теоретическая децентрализация, установленная конституцией, была на практике заменена централизацией, которая позже доставила Бонапарту вполне готовые административные кадры и уже достаточно усвоенную привычку к административному произволу. Когда конституция VIII года уничтожила совершенно избрание должностных лиц, то никто не был ни удивлен, ни огорчен потерей права, которым почти не пользовался, и никто не заметил, чтобы произошла на практике какая-нибудь заметная перемена.

IV

Мы видели, что Законодательный корпус был разделен на два совета: Совет пятисот, заседавший в Тюильери, в бывшем зале Конвента, и Совет старейших, заседавший сначала в Манеже, а потом (с 2 плювиоза VII года) в Бурбонском дворце.

Внутренний регламент этих советов был установлен статьями 44—109 конституции, рассмотренными нами выше¹. Конвент дополнил этот регламент законом 28 фруктидора III года, предписывавшим мельчайшие предосторожности, направленные против возможных заговоров и образования мятежных фракций. Во избежание того, чтобы депутаты сговаривались между собой, составляли группы и партии, этот закон предписывал, чтобы в каждом из двух зал места депутатов были «отделены одно от другого». А чтобы, несмотря на все это, депутаты не имели около себя постоянных соседей, им было запрещено более месяца сидеть на одних и тех же местах. Места были перенумерованы и назначались депутатам по жребию каждый месяц. Никто из депутатов не мог «ни в каком случае и ни под каким предлогом занимать в течение месяца другое место, нежели то, которое досталось ему по жребию». Этим хотели избежать, чтобы в палатах существовала своя Гора, Жиронда, правая или левая сторона. Отчасти этого достигли. Читая до конца прения обоих Советов, выносясь впечатление, что при разных непредвиденных инцидентах разбросанные по разным концам залы партии не могли быстро сговариваться между собой и что отдельные члены их вотировали как кому вздумается, если только общий интерес данной партии не казался очевидным.

Тот же закон, с целью гарантировать Законодательный корпус от давления извне, предписывал, «чтобы никакая частная группа вооруженных или невооруженных граждан не могла проходить по зале заседаний того или другого Совета».

¹ См. выше, стр. 673—674.

Закон регламентировал индивидуальную законодательную инициативу депутатов постановлениями о «предложениях», представлявшими собою почти буквальное повторение соответствующих параграфов регламента Национального конвента¹.

Я не думаю, чтобы Совет старейших в чем-либо изменил или дополнил этот регламент. Совет пятисот, насколько мне известно, сделал к нему одно добавление. Конституция запрещала Советам назначать постоянные комитеты; Советам могли избирать только специальные комиссии, каждая из которых должна была распускаться немедленно же по рассмотрении порученного ей вопроса. 27 термидора IV года Совет пятисот регламентировал способ назначения своих специальных комиссий. Каждый два месяца всякий член Совета записывался в особую книгу, разделенную на отделы, соответствовавшие различным областям законодательства. «В случае, если бы зашла речь об образовании комиссий, состав которых не должен был определяться путем голосования, то бюро должно было, сообразуясь с этой книгой, предложить Совету кандидатов, вписанных в тот отдел законодательства, к которому будет относиться предмет данной комиссии».

За все время существования этого Законодательного корпуса, с 5 брюмера IV года (27 октября 1795 г.) по 19 брюмера VIII года (10 ноября 1799 г.), его деятельность не отклонялась от форм, предписанных для нее заранее Национальным конвентом. Это точное соблюдение обоими Советами установленного не ими самими регламента, в то время как Конвент так часто нарушал предписанный им же самим себе регламент, служит одним из доказательств того, что при действии конституции III года, при обстоятельствах более нормальных чем прежде, все стремилось к известному упорядочению.

Личный состав обоих Советов заключал в себе 500 членов Конвента и 250 новых людей. Сколько же лиц этого состава Конвента выбыло потом из Законодательного корпуса и сколько новых лиц вступило в него? Это исследование еще не было сделано до сих пор, потому что изгнания депутатов, декретированные в V и VI годах, и предшествовавшие этим изгнаниям допущения очень усложняют этот вопрос. В числе депутатов, не бывших ранее членами Конвента и избранных в IV году или на следующих выборах, находилось довольно много бывших членов Учредительного и Законодательного собраний. Те же из этих новых депутатов, которые не принадлежали ранее ни к одному из предшествовавших законодательных собраний, выбиравались главным образом среди администраторов или бывших администраторов, преимущественно департаментских. Избира-

¹ См. выше, стр. 392—393.

тели довольно часто руководились в своем выборе той самой «градацией должностей», которая была отвергнута авторами конституции III года.

Что касается тех насильственных изменений, которые Законодательный корпус испытывал благодаря революционным законам 19 фруктидора V года и 22 флореаля VI года, то я уже говорил о них по поводу применения избирательного порядка и опять вернусь к этому, когда буду говорить о мнениях и партиях.

Полномочия всех депутатов как в том, так и в другом Совете проверялись самим Законодательным корпусом тем же самым порядком, каким изготовлялись законы, причем Совет пятисот утверждал или не утверждал выборы как своих членов, так и членов Совета старейших в форме резолюций, которые утверждались или отвергались затем последним. Правила, регламентировавшие утверждение выборов, менялись в своих деталях, и эти перемены указаны в относящихся сюда законах 30 флореаля V и 12 плювиоза VI года.

Применение различных законов, лишавших известные категории лиц права быть избираемыми, путем ли устранения эмигрантов и их родственников от пользования политическими правами или же изъятиями из закона об амнистии членов Конвента, осужденных в качестве террористов, изменяло личный состав Законодательного корпуса. Так, закон 18 плювиоза IV года исключил Ж.-Ж. Эйме, а закон I прериала V года — Барера. Это — два наиболее известных примера, но было много других случаев. Чтобы дать полный список исключенных депутатов, так же как и полный список депутатов, которые, будучи выбранными, вычеркивались из списка эмигрантов, пришлось бы пересмотреть с этой точки зрения все протоколы заседаний обоих Советов, так как в оглавлении этих протоколов нет достаточных данных по отношению к проверке полномочий.

Мы видели, что бюро каждой из двух палат состояло из президента и четырех секретарей, избравшихся на месяц. Вот список президентов обоих Советов с указанием того месяца и года, когда каждый из них отправлял свою обязанность¹ (см. ниже).

Чтобы дополнить организацию секретариата, оба Совета должны были еще назначить четырех государственных курьеров, через посредство которых Советы сносились между собою и с Директорией. Этими курьерами были выбраны для Совета старейших: Купар, Жоффруа-младший, Фремаиже и Вардон;

¹ Было бы слишком долго приводить список секретарей. Его можно найти в введенных к различным сборникам протоколов Законодательного корпуса. Нац. библ., Le. 42/6, 9 томов, in-8.

ПРЕЗИДЕНТЫ ОБОИХ СОВЕТОВ

Название месяцев	Совет пятисот	Совет старейших
Брюмер IV года . . .	Дону, затем времен- но замещавший его М.-Ж. Шенье	Ларевельер-Лепо, а затем Болен (из Ар- дени)
Фример	М.-Ж. Шенье	Троинше
Нивоз	Трейлар	Вернье
Плювиоз	Камюс	Гуниль де Пресельи
Вантоз	Тибодо	Ринье
Жерминаль	Дульсэ де Понтекулан	Крезе-Латуш
Флореал	Крассу	Лекутё-Кантлё
Прериналь	Дефермон	Лебрён
Мессидор	Пеле (из Лозеры)	Порталис
Термидор	Буассо д'Англя	Дюзо
Фруктидор	Пасторэ	Мюрэр
Вандемьер V года . .	Шассэ	Роже Дюко
Брюмер	Камбасерес	Лакюе
Фример	Кинетт	Бреар
Нивоз	Жан де Бри	Паради
Плювиоз	Рну	Лижере
Вантоз	Ладуа	Пулен-Гранпре
Жерминаль	Лакуэнт-Пюираво	Дельмас
Флореаль	Ламарк	Куртуа
Прериналь	Пишегрю	Барбе-Марбуа
Мессидор	Апри Ларивьер	Бернар Сент-Африк
Термидор	Дюмолар	Дюпон (из Немура)
Фруктидор	Симеон до 18 числа, а затем Ламарк	Лаффон-Ладеба до 18 числа, а затем Марбо
Вандемьер VI года . .	Журдан (из Верхней Вьенны)	Кретэ
Брюмер	Виллерс	Лакомб Сен-Мишель
Фример	Снейс	Россе
Нивоз	Булэ (из Мёрты)	Маррагон
Плювиоз	Гарди	Бордас
Вантоз	Байёль	Руссо
Жерминаль	Пизон дю Галан	Моллево
Флореал	Пулен-Гранпре	Пуассон
Прериналь	Крезе-Латуш	Ренье
Мессидор	М.-Ж. Шенье	Марбо
Термидор	Лекуэнт-Пюираво	Лаво
Фруктидор	Дону	Ладуа
Вандемьер VII года . .	Журдан (из Верхней Вьенны)	Декомберусс

Брюмер	Дюбуа (из Вогеэ)	Перес (из Верхней Гароны)
Фример	Савари	Моро (из Ионны)
Мивоз	Берлье	Перрен (из Вогеэ)
Плювиоз	Леклерк (из Мэн-и-Луары)	Гара
Вантоз	Малес	Делакост
Жерминаль	Понс (из Вердена)	Депэр
Флореаль	Эрто-Ламервилль	Ледла-Дажье
Прериналь	Жан де Бри	Гурдан
Мессидор	Женисьё	Боден (из Арденн)
Термидор	Киро	Дюбуа-дю Бе
Фруктидор	Булэ (из Мерты)	Корпе
Вандемьер VIII года .	Шазаль	Корноде
Брюмер	Люсьен Бонапарт	Лемерсье

а для Совета пятисот: Фурнье, Севестр, Таво и Прожан¹. Мы видим, что бывшие члены Конвента не считали унижением для себя принимать эти должности, которые тогда, быть может, не казались слишком зависимыми.

Протоколы заседаний Конвента составлялись выборными секретарями. Были жалобы на то, что редакция этих протоколов часто носила на себе отпечаток политических мнений их авторов, а иногда страдала недостатком ясности и точности. Законом 28 фруктидора III года было предписано, чтобы Советы выбрали «каждый вне своей среды двух редакторов из людей наиболее изощренных в словесности и в знании законов; на них будет возложено редактирование протоколов заседаний». Этими редакторами были в Совете старейших Дюкруази и Локре, а в Совете пятисот — Глейзаль и Левассёр (из департамента Мёрты).

Протоколы заседаний обоих Советов редактировались с точностью, но сухо. В них гораздо меньше подробностей, чем в протоколах Законодательного собрания или Конвента; они напоминают скорее безличным характером своей редакции протоколы Учредительного собрания, хотя они все-таки полнее. Это — драгоценный источник для всего, что касается последовательности и результатов законодательных прений, но в них нет почти ничего относительно речей ораторов и общей кар-

¹ Эти назначения состоялись одновременно 7 брюмера IV года в обоих Советах. Случилось так, что из числа четырех своих курьеров Совет пятисот назначил двух таких, которые были выбраны также и старейшими, а именно — Жофруа и Купара. Эти последние приняли выбор старейших. Тогда Совет пятисот заменил их Мирандом и Таво; 15 фримера того же года Миранд был заменен Прожаном. Затем эти государственные курьеры оставались на своих местах до конца.

тины заседаний. Эти протоколы были напечатаны и составили 50 томов для Совета пятисот¹ и 49 томов для Совета старейших². Этот сборник разделен на отдельные «законодательные собрания», смена которых определялась ежегодным возобновлением одной трети членов Законодательного корпуса. Так как одно «законодательное собрание» уже было ранее, а именно Законодательное собрание 1791 г., то первая сессия Законодательного корпуса, с брюмера IV года по флореаль V года, названа «вторым Законодательным собранием», затем идет третье Законодательное собрание и так далее, вплоть до пятого Законодательного собрания, которое просуществовало с прерия VII года по 19 брюмера VIII года и было прервано государственным переворотом³.

Совет пятисот печатал кроме того «Сборник резолюций и проектов резолюций»⁴.

Этот Совет решил также издавать «Газету заседаний», где прения должны были бы воспроизводиться тахиграфическим способом; но Совет старейших не одобрил этого решения. С другой стороны, еще ни одна газета не пользовалась тогда с постоянством и успехом стенографией. Таким образом, условия воспроизведения прений и речей были теми же самыми, как и при Директории или Конвенте⁵, и те же самые газеты давали наиболее пространные отчеты, а именно: «Moniteur», «Journal des Débats et des Décrets», «Républicain français»; последняя газета, впрочем, перестала выходить с 15 плювиоза VI года.

Законы изготовлялись без малейшего отступления от постановлений конституции: Совет старейших никогда не заявлял притязаний на законодательную инициативу, в которой ему отказывала конституция; Совет пятисот не протестовал по поводу неудач, которые испытывали многие из его резолюций в Совете старейших; наконец, ни разу не возникло настоящего конфликта между двумя Собраниями.

Для того чтобы знать, как происходила на самом деле тогда законодательная работа, достаточно просто вспомнить, как она должна была происходить, согласно постановлениям конституции. Из чтения протоколов мы узнаем, что большая часть резолюций Совета пятисот, относившихся к общей поли-

¹ Нац. библ., Le. 42/1, т. 8.

² Нац. библ., Le. 42/3, т. 8.

³ Это не было последнее «Законодательное собрание». Сессии Законодательного корпуса и трибунала носили то же название, так что серия была продолжена с VIII года по 1806 г. Таким образом было «шестое Законодательное собрание», с нивоза по жерминаль VIII года, и «двенадцатое Законодательное собрание», с марта по май 1806 г.

⁴ Нац. библ., Le. 42/8, 9, 10, т. 8.

⁵ См. выше, стр. 398—399.

тике, а также к борьбе с демократами или роялистами, была принята по поводу какого-нибудь послания Директории, ук-азывавшего на опасность положения и на пробел в законах. Совет пятисот назначал тогда особую комиссию, которая рассмат-ривала послание Директории и предлагала или не предла-гала проект резолюции. Каждой резолюции предшествовало вступление, в котором, как этого требовала конституция, было указано время, когда происходили последовательные чтения, и т. д. и в котором чаще всего Совет пятисот высказывал мо-тивы своих решений. Таким образом мы имеем здесь мотиви-рованные законы, предшествуемые вызвавшими их соображе-ниями, что не лишено интереса для истории и что напоминает иногда, по своей полноте и объему, вступления к ординасам, как, например, вступительная часть к закону 22 флореала VI года.

По получении какой-нибудь резолюции Совета пятисот Со-вет старейших немедленно же назначал особую комиссию. Так, например, 3 мессидора IV года он получил резолюцию, поме-ченную 1 мессидором и касающуюся почтовой службы. «По прочтении вступительной части президентом (говорится в про-токоле) и резолюции секретарем, Совет, по предложению бюро, назначил для представления ему доклада граждан Дель-маса, Лебретона и Пужар-Дюлембера». Иногда такая комиссия состояла из пяти членов. Во всех дальнейших действиях Со-вета старейших, независимо от того, сопровождалась или не сопровождалась резолюция требованием неотложности, все происходило в строгом соответствии с постановлениями кон-ституции¹.

V

Читатель помнит, что при возникновении Исполнительной директории, в брюмере IV года, в состав ее вошли: Ларевельер-Лепо, Ребелль, Летурнёр (из Ламанша), Баррас и Карно, все бывшие члены Конвента. Конституция предписы-вала, чтобы Директория возобновлялась ежегодно в одной пя-той своего состава и чтобы в течение первых четырех лет по-рядок выходящих членов определялся жребием. Законом 25 ван-тоза V года было предписано, чтобы жребий вынимался самой Директорией, на публичном заседании 30 флореала каждого года, а законом 30 вантоза — чтобы никто из выходящих чле-нов не мог оставаться при исполнении своих обязанностей дольше 10 прериала.

Для каждого вакантного места Совет пятисот составлял список десяти кандидатов, из которого Совет старейших выби-

¹ См. выше, стр. 673—674.

рал нового члена Директории. Ниже мы приводим список всех выходявших и вновь избравшихся членов Директории, вместе с именами всех тех кандидатов, которые назначались Советом пятисот.

В V году выбыл Летуриёр. Список кандидатов (5 прериаля): Бартелеми, полномочный посол, 309 голосов; Бугенвилль, командир эскадры, 264 голоса; Вьеллар, прокурор верховного трибунала, 263 голоса; Редон-Бопрео, бывший министр, 249 голосов; Тарбе, бывший министр, 245 голосов; Жермен Гарнье, бывший член Сенской департаментской администрации, 238 голосов; Борда, командир эскадры, 233 голоса; Демёнье, бывший член Учредительного собрания, 233; Кошон, министр, 230; Берновилль, генерал, 193 голоса. Старейшие избрали (7 прериаля) Бартелеми 138 голосами против 75 голосов, поданных за Кошона. — В фруктидоре, двое из директоров, Бартелеми и Карно, подверглись проскрипции. Список кандидатов для замещения Бартелеми (21 фруктидора): Франсуа (из Нёшато), министр, — 224; Мерлен (из Дуэ), министр, — 214; Массена, генерал, — 210; Гара, бывший министр, — 208; Гойе, тоже, — 201; Эрнуф, генерал, — 201; Лекарлье, бывший член Учредительного собрания, — 200; Ожеро, генерал, — 195; Шарль Делакруа, бывший министр, — 195; Монж, бывший министр, — 167. Старейшие избрали (22 фруктидора) Мерлена (из Дуэ) 74 голосами. Список кандидатов для замещения Карно (22 фруктидора): Франсуа (из Нёшато) — 205; Массена — 194; Ожеро — 192; Гара — 190; Гойе — 189; Шарль Делакруа — 183; Монж — 179; Лекарлье — 178; Эрнуф — 175; Женгене — 155. Старейшие выбрали (в тот же день) Франсуа (из Нёшато) 111 голосами.

В VI году закон 15 вантоза передвинул срок вынуждения жребия на 20 флореаля каждого года, и жребий пал на Франсуа (из Нёшато). Список кандидатов (22, 23 и 24 флореаля): Трейлар — 234 голоса; Монж — 201; Гара — 191; Брюн, генерал, — 176; Гойе — 164; Мулен, генерал, — 159; Колломбель (из департамента Мёрты), бывший член Конвента, — 166; Эрнуф — 165; Дюваль (из Нижней Сены) — 165; Женисье — 161. Старейшие назначили (26 флореаля) Трейлара, 166 голосами.

В VII году вышел Ребель. Список кандидатов: генерал Лефевр — 338 голосов; Сиейс — 236; Дюваль (из Нижней Сены) — 216; Гойе — 232; Шарль Делакруа — 203; Лакросс, контр-адмирал, — 189; генерал Мулен — 163; Ламбрехтс — 162; Мартен, контр-адмирал, — 161; Дюшюа, академик, — 155. Старейшие назначили (27 флореаля) Сиейса 118 голосами против 74, поданных за Дюваля (из Нижней Сены). Затем происходит так называемый государственный переворот 30 прериаля

VII года. Законом 29 прериаля назначение Трейлара членом Директории объявляется несогласным с конституцией и недействительным, как противоречащее статье 136 конституции, гласившей, что с первого дня V года члены Законодательного корпуса уже не могли больше быть ни членами Директории, ни министрами, как в период исполнения ими законодательных функций, так и в течение года после того. Список десяти кандидатов для замещения Трейлара (составленный в тот же день): генерал Лефевр — 345 голосов; Дюшои — 330; Гойе — 329; генерал Массена — 321; Роже Дюко — 309; контр-адмирал Мартен — 308; Шарль Делакура — 307; генерал Мулен — 304; генерал Дюфур — 256; Шарль Потье, бывший член Конвента, — 245. В тот же самый день Советом старейших был избран Гойе, 164 голосами против 16, поданных за Делакура. На следующий день, 30 прериаля, Мерлен (из Дуэ) и Ларевельер-Лепё подали в отставку. Список десяти кандидатов для замещения Мерлена (составленный в тот же день): генерал Лефевр — 324 голоса; генерал Массена — 316; Дюшои — 311; Роже Дюко — 309; контр-адмирал Мартен — 301; контр-адмирал Лакросс — 299, генерал Мулен — 267; генерал Мареско — 254; Шарль Делакура — 244; Флоран Гио, бывший член Конвента, — 236 голосов. Совет старейших избирает в тот же самый день Роже Дюко 153 голосами против 43, поданных за Мареско. На следующий день, 2 мессидора VII года, вотируется список кандидатов для замещения Ларевельера-Лепё: генерал Массена — 304 голоса; Дюшои — 302; контр-адмирал Мартен — 300; генерал Лефевр — 300; контр-адмирал Лакросс — 295; генерал Мулен — 260; Шарль Потье — 223; Флоран Гио — 263; генерал Пилль — 259; генерал Дюфур — 256. Совет старейших избирает в тот же день генерала Мулена 105 голосами против 68, поданных за генерала Лефевра.

Таким образом, со 2 мессидора VII года и по 19 брюмера VIII года, т. е. до самого своего роспуска, Директория состояла из Барраса, Сиейса, Гойе, Роже Дюко и Мулена¹.

Мы уже знаем, кто были избраны первоначально Директорией на должности шести министров. Законом 12 нивоза IV года было учреждено седьмое министерство, названное «Ми-

¹ Законом 27 жерминаля V года расходы Исполнительной директории, включавшие жалованье ее членам, ее главному секретарю, государственным курьерам и приставам, а также издержки на экипажи, костюмы и содержание занимаемого ею дворца, были определены на этот год в 1 500 000 франков. Ежегодное жалованье каждого члена Директории, которое, согласно конституции, должно было равняться стоимости 50 000 мириаграммов пшепиды, в действительности равнялось от 120 000 до 625 000 франков, смотря по году, жалованье главного секретаря равнялось 60 000 франков (Над. арх., AF III, 98).

нистерством общей полиции республики¹. Вот список лиц, занимавших в течение всего существования Директории должности этих семи министров:

«Министерство юстиции»: 12 брюмера IV года — Мерлен (из Дуэ); 15 нивоза IV года — Женисье; 14 жерминаля IV года — Мерлен (из Дуэ); 3 вандемьера VI года — Ламбрехтс; 2 термидора VII года — Камбасерес.

«Министерство внутренних дел»²: 12 брюмера IV года — Бенезек; 28 мессидора V года — Франсуа (из Нёшато); 28 фруктидора V года — Летуриёр; 29 прериала VI года — Франсуа (из Нёшато); 4 мессидора VII года — Кинетт.

«Министерство иностранных дел»: 12 брюмера IV года — Шарль Делакура; 28 мессидора V года — Талейран; 2 термидора VII года — Рейнар (Reinhard).

«Министерство морское и колониальное»: 12 брюмера IV года — Триюэ; 28 мессидора V года — Плевиль-Лепелле; 8 флореала V года — Брюн; 11 мессидора VII года — Бурдон де Ватри.

«Военное министерство»: 12 брюмера IV года — Обер-Дюбайе, 19 плювиоза IV года — Петииé; 5 термидора V года — Шерер (Директория назначила сначала Гоша, но должна была отменить это назначение, так как Гош еще не достиг тогда возраста, требуемого конституцией, для того чтобы быть министром); 3 вантоза VII года — Миле де Мюро; 14 мессидора VII года — Бернадотт, 28 фруктидора VII года Дюбуа-Крансе.

«Министерство финансов»: 17 брюмера IV года — Фэпуль; 25 плювиоза IV года — Рамель-Ногаре (Директория назначила сначала Камюса, но он отказался); 2 термидора VII года — Робер Лендэ.

«Министерство общей полиции»: 12 нивоза IV года — Камюс (он отказался); 14 нивоза IV года — Мерлен (из Дуэ); 14 жерминаля IV года — Шарль Кошон; 28 мессидора V года — Ленуар-Ларош, 8 термидора V года — Сотен; 25 плювиоза VI го-

¹ В своем послании от 19 вандемьера VI года Директория требовала учреждения восьмого министерства, которое должно было «заведывать частью национальных имуществ и носить соответствующее название». Совет пятисот выслушал по этому поводу 14 фримера доклад Дюпора (из департамента Мон-Блан), предлагавшего расширить ведомство проектированного министерства и назвать его министерством общественных работ и национальных имуществ. Это предложение обсуждалось 28 нивоза того же года Советом пятисот и было отвергнуто после прений, во время которых Рено (из департамента Ори) и Портье (из департамента Уазы) заявили, что предпочли бы учреждение «министерства народного просвещения».

² Министр внутренних дел был в то же время и министром земледелия, общественных работ и народного просвещения. Во главе последнего ведомства стоял главный директор, которым был до IV года гражданин Женгезе, а потом гражданин Жакмон.

да — Дондо; 27 флореаля VI года — Лекарлье; 8 брюмера VII года — Дюваль; 5 мессидора VII года — Бургиньон; 2 термидора VII года — Фуше.

Отношения этих министров к Директории характеризовались самой строгой подчиненностью. Вся правительственная инициатива исходила от Директории. Управляла Директория¹, а министры были ее исполнительными орудиями. Лучше сказать, Директория была истинным министерством, а те, кого она назначала министрами, были не более как директорами департаментов², причем подчиненность их сделалась еще более строгой после государственного переворота 18 фруктидора. Одинадцатого вандембера VI года Директория, «принимая во внимание, что она обязана обеспечить быстрое выполнение тех мер, которые ей приходится принимать относительно различных отраслей управления», постановила: «1) Постановления Исполнительной директории, сообщаемые министрам, должны быть передаваемы ими в свою очередь властям, которые обя-

¹ В Национальном архиве, AF III*, 1—17, имеется реестр протоколов заседания Исполнительной директории. Этот реестр велся в большом порядке, с обозначением на полях предмета обсуждения; он дает в большинстве случаев только резюме постановлений и очень часто слишком недостаточное. Но эти постановления хранятся в подлинниках в том же самом архиве, AF III, 317—367. К каждому постановлению приложен соответствующий досье. В этих 320 папках расположены в хронологическом порядке все существенные данные для истории Директории. Сравнивая эту методическую классификацию бумаг Директории с беспорядочным состоянием бумаг Комитета общественного спасения, можно видеть, какого успеха достигла бюрократическая методичность за период буржуазной республики. Министр народного просвещения поручил г. Дебидуру опубликовать постановление Директории, но это предприятие находится пока в состоянии проекта. Существует печатный сборник, озаглавленный: *Messages, arrêtés et proclamations du Directoire exécutif, Paris, Baudouin, ans IV—VIII, 7 томов, in-8 (Нац. библ., Lb. 42/4)*. Несмотря на противоположное утверждение каталога, этот сборник обнимает собой всю эпоху Директории, но он не полон, особенно по отношению к постановлениям, которых там немного. Существует также алфавитный указатель этого сборника (Нац. библ., Lb. 42/5, 2 тома, in-8).

² Директория не допускала, чтобы Законодательный корпус оказывал какое-нибудь, хотя бы косвенное, влияние на назначение и отрешение министров. Когда в заседании Директории 28 мессидора V года (Нац. архив, AF III*, in-8) Карно предложил отставку четырех министров, основываясь на том, что таково, по его мнению, желание большинства «Законодательного корпуса», Ребель воскликнул: «что если бы могло существовать, на наше несчастье, большинство Законодательного корпуса, которое пожелало бы вмешиваться в назначение и отставку министров, то республика в силу одного этого впала бы в истинную анархию». Ларевельер-Лепо и Баррас говорили в том же смысле, и только один Бартеlemi поддержал предложение Карно, как средство «восстановить доверие между Законодательным корпусом и Директорией». Не отрицая того, что это доверие должно существовать, члены Директории отрицали, чтобы оно действительно было поколеблено тогда.

заны приводить их в исполнение под наблюдением министров не позже как через двадцать четыре часа после передачи.

2) В первые дни каждой декады министр должен представлять Директории таблицу постановлений, которые были сообщены ему в течение предшествовавшей декады. Эта таблица должна быть разделена на четыре столбца, в первом из которых должны обозначаться дата и предмет каждого постановления; во втором — дата расписки в получении, которую будет давать министр или его секретарь; в третьем — год и число, когда данное постановление переслано министром подлежащим властям; в четвертом — те замечания, которые могут быть сделаны относительно всего этого.

3) Министры должны следить, чтобы власти, которым они будут передавать постановления Директории, приводили их в исполнение без малейшего промедления. Если со стороны какой-нибудь из них будет обнаружена небрежность или промедление, министры должны доложить об этом Директории для принятия последней надлежащих мер.

4) Настоящее постановление должно быть напечатано в «Бюлетене законов».

Если в деле применения конституции III года Исполнительная директория играла роль скорее нынешнего совета министров, чем президента республики, то можно также сказать, что до известной степени она смотрела на себя и другие смотрели на нее как на министерство, ответственное перед палатами, если говорить языком нашего времени. Как ею, так и общественным мнением признавалось, что она могла управлять, только имея на своей стороне большинство Законодательного корпуса. С целью добиться этого большинства или удержать его за собой она совершила государственный переворот 18 фруктидора V года и была вдохновительницей переворота 22 флореаля VI года. Когда 30 прериаля VII года она оказалась в меньшинстве, двое из ее членов подали в отставку.

Упомянув о тех законах, которые мало-помалу почти совершенно лишили французских граждан их права избирать должностных лиц, мы уже говорили о том, каких широких размеров достигла при этом власть Директории. После 18 фруктидора эта власть приняла в некоторых отношениях диктаторский характер. Таким образом, в течение всего существования буржуазной республики законы не переставали усиливать исполнительную власть.

VI

Правительство руководило администрацией всей Франции через посредство своих местных агентов, которых оно назна-

чало и отрешало от должности. Это были так называемые «комиссары Директории». Один из них находился почти при каждом из административных учреждений как департаментских, так и муниципальных.

Комиссаром Директории должен был быть кто-нибудь из местных жителей. Конституция требовала (ст. 192), чтобы он избирался «из среды граждан, водворившихся на местожительство в данном департаменте не менее как за год до того».

Директория назначала комиссарами при муниципалитетах преимущественно бывших окружных прокуроров-синдиков, бывших коммунальных прокуроров или бывших мэров. Из документов, хранящихся в национальном архиве, мы узнаем, что эти комиссары часто назначались по рекомендации депутатов данного департамента¹.

Обязанности комиссаров при департаментских административных учреждениях поручались бывшим генеральным прокурорам-синдикам, бывшим членам департаментских администраций или бывшим депутатам. Как пример назначений первого рода, я встречаю в VI году следующие имена бывших членов Конвента: Дормэ (Эн), Дербез-Латур (Нижние Альпы), Пеллиссе (Устья Роны), Ру-Фазильяк (Дордонь), Робер Лендэ (Эр), Марас (Эр-и-Луар), Божар (Иль-и-Вилэн), Дизез (Ланды), Венайль (Луар-и-Шер), Рейно (Верхняя Луара), Сервиер (Лозер), Лалуа (Верхняя Марна), Гарнье (Маас), Карелли (Мон-Блан), Тирион (Мозель), Лемальо (Морбиган), Данжу (Уаза), Терраль (Тарн). Были также и бывшие члены Законодательного собрания, как Гюго (Об), Вейрьё (Верхняя Гаронна), Прессак-Депланш (Вьенн) и Франсуа из Нёшато (Вогезы), а также бывшие члены Учредительного собрания: Гёрто-Ламервилль (Шер) и Готьё де Биоза (Пюи-де-Дом). Бывший министр внутренних дел Паре был сначала комиссаром при Сенском департаменте.

В личном составе комиссаров происходили перемены. Так, Ру-Фазильяк занимал свою должность лишь очень короткое время, Робер Лендэ отказался занять должность комиссара. Накануне и на другой день после 18 фруктидора некоторые комиссары были уволены. Но вообще говоря, комиссары долго сохраняли свои места; многие из них оставались на них по крайней мере по два года. При сравнении списка департаментских комиссаров в Национальном альманахе IV года со списком, помещенным в том же Альманахе за VIII год, видно, что 12 комиссаров

¹ Arch. nat., AF III, 96, 97, 98. Рекомендации такого рода сделались особенно частыми и настойчивыми в VI году, когда дело шло о замещении многих комиссаров, избранных депутатами в Законодательный корпус.

занимали свои должности в течение всего существования Директории, а именно: Бонту (Верхние Альпы), Беллугэ (Аржез), Левек (Кальвадос), Мишле (Крёз), Киро (Ду), Фри-Давид (Жерс), Дизез (Ланды) (он был уволен 25 плювиоза, но снова назначен 11 термидора того же года), Венайл Луар-и-Шер), Лалуа (Верхняя Марна), Руссель (Мон-Террибль), Тирион (Мозель), Жуенно (Сарт). Эта сравнительная устойчивость достойна внимания, если принять в соображение тревожные обстоятельства, которые переживала Директория.

Жалованье комиссаров при департаментских учреждениях на одну треть превышало жалованье самих членов администраций, а это жалованье равнялось стоимости 1500 мираграммов пшеницы в коммунах с населением более 50 000 жителей и стоимости 1000 мираграммов пшеницы во всех остальных. Жалованье комиссара при муниципалитетах равнялось, смотря по населению коммуны, 400, 500, 750 или 1000 мираграммов пшеницы (закон 21 фруктидора III года).

Обязанные «наблюдать за выполнением законов и требовать этого выполнения» комиссары должны были, кроме того, вести судебные процессы, начатые от имени республики (закон 19 нивоза IV года), наблюдать за новобранцами и дезертирами (закон 3 фруктидора VI года), ускорять отправку новобранцев (закон 19 фруктидора VI года). Закон 22 брюмера VI года, учредивший «должность по сбору прямых налогов», поручал комиссарам при муниципальных учреждениях «помогать коммунаам в составлении податных списков и во всех подготовительных и исполнительных работах, относящихся к раскладке и сбору прямых податей, а также к спорным делам о них». Что касается комиссаров при департаментских учреждениях, то им поручалось «составлять росписи на основании списков, изготовляемых раскладчиками, добиваться одобрения их и утверждения департаментскими административными властями, а равно доставлять им все сведения, которые могут им помочь в постановлении решений о принудительных мерах и требованиях». Никакие решения не могли быть приняты муниципальными и департаментскими собраниями иначе как в присутствии комиссара Директории и «после того как он будет выслушан» (закон 21 фруктидора III года).

Фактически, в каждом кантоне и департаменте, комиссар Директории являлся главною административною властью; отрешения, чистка и обновление различных административных учреждений происходили по докладу этих комиссаров. В случаях столкновения между выборными властями и агентом центральной власти последнее слово всегда оставалось за этим агентом (за очень редкими исключениями). Департаментские комиссары сносились непосредственно с министром внутренних

дел¹, и их переписка была более деятельной, быстрой и правильной, чем переписка национальных агентов или даже эmissаров Конвента. То, что уделело от нее, разбросано, к сожалению, смотря по содержанию, по различным отделам Национального архива. Но я думаю, что достаточно познакомился с нею, чтобы уловить ее общий характер. Из нее также можно видеть, как с каждым днем (несмотря на то, что департаментские административные учреждения оставались в сущности теми же, как и в 1791 г.) все более и более устанавливалась и укреплялась привычка ждать от центрального правительства и получать из Парижа решения большинства вопросов. Благодаря учреждению комиссаров, а также общему направлению администрации и общему тяготению умов и нравов к единству, тогда не только остановилось движение в сторону административной децентрализации, начавшее было возникать в течение термидорианского периода, но стала обнаруживаться еще более резкая централизация, чем в террористический период революционного правительства, и эта централизация усиливалась с каждым днем².

Вместе с тем усиливалось тогда моральное и материальное единство Франции, обеспеченное еще в 1793 и 1794 годах поражением федерализма и торжеством Горы. Федералистических попыток уже не происходило более. Отделившаяся было от Франции Корсика снова присоединилась к ней. Территориальные приобретения также не вредили этому единству: департаменты, образованные Бельгией и левым берегом Рейна, оставались подчиненными особому управлению, в ожидании их полного офранцужения.

Мы думаем также, что эта связь, объединявшая французов, стала еще более тесной в эпоху Директории, благодаря начавшемуся пользованию воздушным телеграфом³. Правда, телеграф еще не сделался тогда орудием административной централизации, так как Директория еще не пользовалась им для передачи распоряжений своим агентам, но все-таки можно сказать, что телеграф содействовал с своей стороны нравствен-

¹ В министерстве внутренних дел обязанности директора департамента, заведывавшего перепиской с комиссарами Директории, выполняли последовательно: Шампаньё (годы IV и V), Шассэй (год IV), Девез (год VIII) и Ру-Фазильяк (год VIII).

² Кто хочет дать себе ясный отчет в этом, пусть прочтет прения и решения какой-нибудь центральной департаментской администрации, например Лозерской, акты которой напечатаны. См. сборник, озаглавленный: «*Délibérations de l'administration départementale de la Lozère et de son directoire de 1790 à 1800*», изданный лозерским обществом земледельцев, промышленности, наук и искусств, при содействии генерального совета и под руководством г. Фердинанда Андре, заведующего департаментским архивом. Mende 1882—1884, 4 vol., in-8.

³ См. в Нац. арх., АЕ III, 22 и 23, телеграфные бюллетени с IV по VIII год.

ному объединению французов, хотя он употреблялся главным образом для передачи одних военных и дипломатических известий. До изобретения телеграфа самые важные события никогда не становились известными одновременно всей Франции; теперь же о них узнавали почти повсюду в одно и то же время. Впечатления и эмоции французов становились одновременными в таких случаях, например, когда телеграф передавал известия о состоянии здоровья Жана де Бри, одного из французских уполномоченных, убитых в Германии, или о высадке Бонапарта во Фрежюсе, или же о результатах событий 18 брюмера VIII года.

Таков был в главнейших чертах характер административной централизации в эпоху Директории.

VII

Со времени закрытия парижского якобинского клуба (21 брюмера III года) почти уже не поднималось более вопроса о народных обществах; период их огромного влияния, казалось, закончился. Шестого фруктидора III года, на основании доклада Комитетов общественного спасения, общественной безопасности и законодательного, Конвент издал следующий декрет: «Все собрания, известные под именем «клубов» или «народных обществ», объявляются распущенными; вследствие этого залы, в которых происходили заседания этих собраний, должны быть немедленно же заперты, а ключи от них, вместе с протоколами и бумагами, переданы на хранение в канцелярии мэрий»¹. С другой стороны, в конституции говорилось (ст. 361), что «никакое собрание граждан не могло присваивать себе названия народного общества». Косвенным путем конституция разрешала (ст. 362) «частные общества, занимающиеся политическими вопросами», но ни одно из этих обществ не имело права «сноситься с другими, присоединяться к ним или устраивать публичные заседания, состоящие из членов общества и посторонних присутствующих; оно не могло также устанавливать те или другие условия для допущения или избрания в свою среду; не могло облекать себя правом исключать своих членов или предоставлять им носить какие-либо внешние знаки их принадлежности к обществу».

В первые времена Директории еще существовали клубы. Так, якобинцы сделали попытку вновь основаться в здании бывшего монастыря каноников св. Женевьевы возле Пантеона под именем Общества Пантеона. Некоторые парижские кофейни

¹ Согласно этому закону, протоколы народных клубов должны были находиться в различных муниципальных архивах. Однако в последующих имеется лишь очень небольшое количество их. Многие из этих протоколов были, вероятно, уничтожены. Некоторые из них хранятся в частных коллекциях. Кое-что было напечатано.

в течение всего существования Директории играли также роль клубов. Так, демократы собирались и сговаривались между собою в Христианском кафе и в кафе Китайских бань. В V году ранее 18 фруктидора тайные роялисты собирались в одном доме на улице Клиши, вследствие чего их называли «клишицами». У республиканцев — приверженцев Директории — был также свой Сальмский или Конституционный клуб.

8 вантоза IV года Директория издала распоряжение о закрытии Общества Пантеона и некоторых других клубов, «незаконных и вредных для общественного спокойствия»; а на следующий день она обратилась с посланием к Совету пятисот, требуя принятия мер с целью помешать возрождению клубов. 8 жерминаля того же года Майль сделал доклад по этому поводу и предложил в числе других ограничительных мер закрывать всякое политическое общество, число наличных членов которого превысило бы 60 в коммунах с населением более 100 тысяч жителей, или превысило бы 20, 30 и 40 в коммунах с населением менее 5 000, менее 20 000 и менее 100 000 жителей. Обсуждение этого предложения откладывалось несколько раз и в конце концов не состоялось.

После жерминальских выборов V года новое большинство Совета пятисот снова поставило этот вопрос на очередь. 24 мессидора оно выслушало доклад Дюплантье, который возобновил предложение Майля, присоединив к нему следующую статью: «Общества не будут иметь права собираться более двух раз в месяц, и их заседания должны оканчиваться до захода солнца». Это показалось смешным. 3 термидора того же года Воблан предложил более откровенную меру общего закрытия клубов, что и было санкционировано законом 7 термидора V года в следующих выражениях: «Всякое частное общество, занимающееся политическими вопросами, временно закрывается. Лица, которые попытались бы соединиться в подобные общества, будут предаваться исправительному полицейскому суду и наказываться, как виновные в составлении скопищ. Собственники или главные квартираниматели помещений, где стали бы собираться вышеозначенные общества, будут присуждаться теми же судами к штрафу в 100 франков и к трехмесячному тюремному заключению».

Этот закон был отменен революционным законом 19 фруктидора того же года, статьи 37 и 38 которого гласили: «Закон 7 термидора текущего года, касающийся частных обществ, занимающихся политическими вопросами, отменяется. Всякое частное общество, занимающееся политическими вопросами, если в нем будут провозглашаться принципы, противные конституции III года, утвержденной народом, будет закрыто; те из

его членов, которые пытались бы провозгласить эти принципы, будут преследуемы судом и наказываемы согласно закону 27 жерминаля IV года».

Таким образом, члены всякого оппозиционного клуба подвергались опасности быть гильотинированными или отправленными в ссылку. Вследствие этого после 18 фруктидора существовали сначала только клубы правительственного оттенка. Конституционный клуб снова возник; но роялистских клубов уже не появлялось более. В VII году, когда военные неудачи и опасность, грозившая отечеству, снова вызвали до известной степени на сцену прежний «красный террор» и установили временный союз между правительственными и демократическими республиканцами, старый якобинский клуб снова возродился 18 мессидора VII года под именем «Союза друзей свободы и равенства», заседающих в Манеже. Совет старейших отнял у них это помещение 9 термидора; тогда они перешли в один из домов на улице Дюбак, но 26 термидора Директория выгнала их и оттуда; тогда они исчезли. Но под их покровительством и в ту же самую эпоху были основаны якобинские клубы в Бордо, Лилле, Лорьяне, Руане и Амьене¹.

Совет пятисот назначил 1 термидора VII года особую комиссию для выработки законопроекта относительно клубов. Ее проект вместе с другими, внесенными позднее, еще не был подвергнут обсуждению, когда произошел государственный переворот 18 брюмера.

VIII

До 18 фруктидора V года еще существовала частичная свобода периодической печати; после 18 фруктидора всякая свобода периодической прессы исчезла.

В первые дни Директории газеты и журналисты были подчинены тому же режиму, как и в термидорианский период, т. е. свободная по закону печать фактически была стеснена всеми уцелевшими террористическими законами, а также статьей 145 конституции, уполномочивавшей Директорию вызывать к допросу и арестовывать лиц, подозревавшихся в участии в заговорах против безопасности государства. В силу именно этой статьи были, например, арестованы 19 плювиоза IV года редактор и типографщик листка, носившего заглавие «Le Censeur des Jouhaux», по обвинению в роялистских тенденциях, причем бумаги их были опечатаны².

Скрытые роялисты и их союзники, а также всякого рода умеренные, т. е. вся оппозиция правой стороны, потребовали

¹ См. «Moniteur» от 26 термидора VII года.

² «Paris pendant la réaction» и т. д., т. II, стр. 783.

закона, который санкционировал бы и регламентировал свободу печати. Таково было предложение Буасси д'Англа, внесенное в Совет пятисот 19 фримера IV года. Совет назначил для изучения этого вопроса комиссию из пяти членов, докладчик которой Лувэ заявил 16 вантоза, что, прийдя к соглашению относительно опасности, которой подвергала республику роялистская пресса, комиссия не могла притти к соглашению по вопросу о репрессивных мерах и требовала, чтобы к ней присоединили еще десять членов для образования в ней большинства. Тогда Буасси д'Англа стал протестовать, говоря, что он хотел своим предложением вызвать не новые запретительные законы, а, напротив того, добиться гарантий для писателей. Талльен говорил в том же смысле. Совет перешел к очередному порядку дня.

23 вантоза, несмотря на протесты правой, возобновились прения по тому же вопросу: следовало ли издать новые запретительные законы? Пасторэ требовал безусловной свободы и ссылаясь на пример американцев. Лувэ говорил против безусловной свободы. На то возражение, «что ради огромных услуг, оказываемых свободою прессы, надо мириться с ее неудобствами», он возражал: «Но ведь пушка, ружье и штык также оказывают, вот уже в течение трех лет, громадные услуги свободе; тем не менее, что сделали бы вы с солдатом, который, проникнувшись доктриной сторонников «неограниченных свобод», стал бы провозглашать на улицах полную свободу и безусловную безнаказанность штыка и, опираясь на услуги, оказанные или не оказанные его собственным штыком, поразил бы им первого встретившегося ему журналиста?» Он обличал вновь народившуюся аристократию: «Журналисты сделались одновременно нашими священниками и дворянами. В качестве первых они руководят полновластно общественным мнением, которое развращают; в качестве вторых они угрожают низвергнуть всякое правительство, которое не захочет терпеть их узурпации». Кончилась ли революция? — спрашивал Лувэ. — «Приняли ли вы ряд тех решительных мер, которыми, так сказать, прекращается революция? Изгнали ли вы, подобно американцам, всех роялистов? Нет...». В таком случае, пока революция еще не закончена, свобода печати, по мнению Лувэ, была недопустима. Он доходил даже до того, что требовал применения статьи 355 конституции, разрешавшей приостанавливать на год свободу прессы.

Эти прения затянулись до 29 вантоза. Левая все время высказывалась против свободы прессы, устами Жана де Бри, Делонэ, М.-Ж. Шенье и Лантенэ. Ораторы правой Кадруа и Лемрер требовали неограниченной свободы печати. Речь последнего обратила на себя внимание. «Основатели республи-

ки, — говорил он (24 вантоза IV года), — не старайтесь соединить вещи, несогласимые между собой по своей природе. Вы хотели республики. Вы не можете желать, чтобы существовала без страстей и смут такая форма правительства, которая возбуждает все страсти, при которой проявляются все характеры и разворачиваются все таланты, при которой, наконец, люди являются такими, какими они не могут не быть. При народном режиме эти элементы являются принципами жизни и движения, и без них государство обратилось бы в труп, который скоро рассыпался бы в прах. При свободе печати мятежные фракции представляют мало опасности, так как они взаимно уравновешивают и умеряют друг друга; но уничтожьте свободу писать, и немедленно же поднимет голову какая-нибудь мятежная фракция. Все голоса подавлены, и никто не обвиняет ее. Она господствует и одна руководит прессой, которая служит оружием, чтобы увековечить ее тиранию».

В конце концов Дульсэ де Понтекулау убедил Совет перейти к очередному порядку по вопросу о всех запретительных мерах против свободы печати (29 вантоза). Если верить «*Moniteur*», то «только пять или шесть членов оказались тогда в числе несогласных».

Но «запретительные меры» против печати уже существовали: ими были еще не отмененные террористические законы, потерявшие, впрочем, свою силу, так как присяжные не применяли их благодаря именно их суровости. Почти все они требовали смертной казни. Закон 27 жерминаля IV года подтвердил их, но разрешил при этом присяжным заменять смертную казнь ссылкой, в нижеследующих выражениях:

«Признаются виновными в преступлениях против внутренней безопасности республики и против личной безопасности граждан и подлежат смертной казни, согласно статье 612 уголовного кодекса, все те, которые своими речами или печатными сочинениями, рассылаемыми или расклеиваемыми, будут призывать к роспуску национального представительства или Исполнительной директории, или к убийству составляющих их членов, или к восстановлению королевской власти или конституции 1793 г., или конституции 1791 г., или всякого другого правительства, кроме установленного конституцией III года, утвержденной народом, или к захвату государственных имуществ, или к грабежу и разделу частных имуществ, под видом аграрного закона или каким-либо другим способом. — Смертная казнь, указанная в этой статье, может быть заменена ссылкой, если присяжные признают наличие смягчающих обстоятельств».

Другой закон, изданный на следующий день, 28 жерминаля, обывал газеты обозначать имена своих авторов и типограф-

щиков; вместе с тем он объявлял закон 27 жерминаля относящимся не только к журналистам, но также и к типографщикам, продавцам и разносчикам газет и расклеивателям афиш.

Наказание ссылкой за проступки печати все еще казалось присяжным слишком суровым, и они одинаково оправдывали журналистов правого и левого лагеря, как роялиста Рише-Серизи, так и демократа Лебуа. Таким образом, несмотря на страшные угрозы закона, оппозиционная печать могла критиковать правительство, благодаря снисходительности присяжных.

Директория не переставала жаловаться на такое положение вещей. Когда Совет пятисот указал ей (14 вандемьера V года) на антиреволюционную газету «Le Courier des armées et du Corps législatif», она ответила 9 брюмера того же года посланием, в котором говорила следующее: «Мы тиетно подвергаем преследованию журналистов всех партий; судьи и присяжные не решаются произносить приговоры; все виновные смеются над законом. Преследование против «Курьера армий» послужило бы только поводом к новому скандалу вследствие оправдания, которого он добился бы в свою очередь. Это судорожное положение вещей прекратится только тогда, когда какой-нибудь новой мерой будет наложена узда на своеволие журналистов, которые, организуясь в корпорацию и желая сделать из нее какую-то новую магистратуру, высшую магистратуру в республике, магистратуру неприкосновенную, претендуют в качестве каких-то диктаторов на чудовищную привилегию безнаказанно совершать все преступления так, чтобы нельзя было даже жаловаться на это». Директория требовала запретительного закона, согласно статье 355 конституции.

Несмотря на протесты Пасторэ¹, была назначена специальная комиссия, от имени которой Донү внес (5 фримера V года) проект резолюции, имевшей целью: 1) запретить разносчикам газет выкрикивать их содержание; 2) уничтожить отдельные трибуны журналистов в палате и создать под заглавием «Заседания Законодательного корпуса» «специальную газету, в которой воспроизводилось бы буквально все то, что говорится на публичных заседаниях обоих Советов»; 3) преследовать за клевету (исправительным полицейским судом). Донү сильно настаивал в своем докладе на вредных последствиях клеветы, с помощью которой печать могла сделаться тиранической. «...Граждане, говорил он, не думайте, чтобы тюрьмы и эшафот были единственными орудиями террора. Республиканскому сердцу гораздо легче предпочесть смерть измене, чем не поколебаться в выборе между голосом совести и уверенностью в

¹ Накануне 8 брюмера V года Пасторэ внес проект закона против клеветы, согласно которому обвиненные в клевете предавались бы исправительному суду полиции (Нац. библ., Le. 43/545, in-8).

грозящем бесчестии. Многим ли людям дана готовность жертвовать отечеству своей до тех пор незапятнанной репутацией и не колебаться перед долгом, который может быть выполнен только ценою бесчестия? Сколько раз в столь трудном положении люди откладывали акт мужества до того времени, когда более справедливые законы хотя сколько-нибудь ослабят власть клеветы и начнут лучше охранять свободу мнения законодателей! Вы скажете, что это — слабость и малодушие; допустим, но почему вы предполагаете, что люди, которых вы предадите беззащитными во власть необузданных врагов, всегда будут находить в силе своего характера достаточно средств сопротивления, в которых отказывают им ваши учреждения? Почему необходимо, чтобы спасение конституции зависело от строгого исполнения самого тяжелого долга и чтобы не было никаких других шансов на поддержание правительства, кроме связанных с проявлением высшей степени героизма со стороны должностных лиц? Я знаю, что добродетель является спасительным принципом республиканских государств; но это, конечно, не значит, чтобы надо было поддерживать в наиболее деятельном состоянии всякую разнузданность и всякие преступления с целью доставить добродетели более практики¹.

Во время прений, вызванных этим проектом (с 13 по 29 фримера V года), республиканцы указывали на опасность, грозившую со стороны роялизма, а тайные роялисты отрицали ее. Тогда-то именно (18 фримера) один из последних, Делаэ, вызвал скандал следующими словами, произнесенными с трибуны: «Я обвожу взглядом французскую республику и спрашиваю себя, где же наконец тот роялизм, о котором так много говорят?» В конце концов от проекта Дону была отделена статья, в которой запрещалось разносчикам газет выкрикивать их содержание, и эта статья, принятая обоими Советами, обратилась в закон 5 нивоза V года.

18 плювиоза Тало выступил с обличением роялистской печати и предложил приступить к обсуждению остальной части проекта. Даррак воспротивился этому. Он потребовал, чтобы Директория, не дожидаясь новых законов, принимала меры против журналистов, так же как она принимала их против проституток. «Ибо, — сказал он, — журналисты — это настоящие проститутки. В самом деле, разве среди них нет, как и среди публичных женщин, таких, которые выступают с важностью, и таких, которые бегают рысью? И разве они не изливают из себя яда?» Послышался ропот, и Даррак был призван к порядку. Но когда Лекуант-Пюираво прочел газетную статью Баррюель-Бовера, в которой к Боначарту были применены

¹ Нац. библ., Le. 43/599, in-8.

слова: «veni, vidi, fugi»¹, Совет решил поставить на очередной порядок вопрос о проступках в печати.

19 пловизоа Дюбуа-Крансе, пользуясь документами заговора Бротье, изобличал с трибуны журналистов, как соучастников этого заговора. «Среди мрака, которым окружают себя заговорщики, — говорил он, — вы встречаете, однако, освещенные полосы: вот «Le Précurseur», самая бесчестная из газет, опережающая все другие на сорок восемь часов, благодаря громадным денежным затратам, чтобы отравлять своим ядом весь юг; вот «L'Eclair», опережающая подобным же образом все газеты на севере... В Париже раздается даром отвратительная газета Барриель-Бовера. В наших деревнях распространены повсюду «Le Gardien de la Constitution», «Le Messager du Soir» и множество других пасквилей, хотя никто не подписывается на них. Наконец, у вас есть доказательство, что газета «выборов», влияние которой столь одобряется Людовиком XVIII и его агентами, также распространяется в изобилии. Вот, следовательно, хорошо известные трубачи контрреволюции; вот эти заправилы общественного мнения, примыкающие к деятельности агентов Людовика XVIII». В заключение оратор потребовал: 1) отправить послание к Директории, в котором пригласить ее применять существующие законы, и 2) уничтожить в зале Совета трибуны, предназначенные для журналистов.

Совет принял первое предложение и отверг второе; затем он занялся обсуждением проекта о клевете (20 и 21 пловизоа), передал его в комиссию (22 пловизоа) и наконец вотировал его с поправками (26 пловизоа). Он решил также основать тахиграфическую газету с отчетами о своих заседаниях. Совет старейших отверг резолюцию относительно газеты; затем, 26 жерминаля, он выслушал доклад Порталиса против резолюции, касавшейся клеветы в печати. «Уложение против свободы печати, — говорил Порталис, — было бы настоящим приговором, лишаящим прав человеческий разум...», «Свобода должна регулироваться самою же свободою», «Свобода печати должна быть неприкосновенна; но злоупотребления этой свободой не должны оставаться безнаказанными. Нам нужен не особый закон о проступках печати, а общий закон относительно словесных, гравированных, писанных или печатных оскорблений, а также пасквилей, противных законам и добрым нравам». Резолюция была отвергнута единодушно (9 флореала V года).

Совет пятисот еще раз вернулся к этому вопросу. 30 термидора V года, по предложению Симеона, он организовал комиссию для выработки проекта репрессивных мер против проступков печати. Но прежде чем эта комиссия успела предста-

¹ Пришел, увидел, убежал. — Гед.

вить свой доклад, произошел государственный переворот 18 фруктидора.

Тревоги, обнаруженные с трибуны по поводу опасности, которой подвергала республику роялистская печать, не были лишены основания. Эта печать тщетно уверяла, что она не роялистская: чему другому, если не роялизму, могли быть полезны ее не прекращавшиеся нападки, искренние или лицемерные, на основные принципы и главнейшие акты революции? С особенно ядовитою клеветою нападала она на деятелей революции не только прошлого периода, не только на бывших террористов, но также и на деятелей того времени, на вождей правительства, министров, членов Директории, причем нападала как на их личную жизнь, так и на их общественную деятельность.

Люди еще не привыкли тогда ко всем этим неудобствам свободы печати, и члены правительства наивно приходили в негодование от подобных личных нападков, от этой систематической диффамации. Некоторые из них даже стремились отомстить за себя. Так, 10 плювиоза V года бывший аббат Понселен, редактор «Республиканского курьера», нападавшего на Барраса, был завлечен под каким-то предлогом в ту часть Люксембургского дворца, которую занимал Баррас, заперт в комнате и избит палками.

Оппозиция левого лагеря до 18 фруктидора менее тревожила правительство. Демократические газеты, главнейшей из которых был «Le Journal des Hommes libres» (редактировавшийся бывшим членом Конвента Шарлем Дювалем), вовсе не думали о низвержении Директории и хотели только предостеречь ее от роялистов. Чаще всего все республиканские газеты вступали в соглашение между собой, чтобы защищать принципы революции.

Они были, впрочем, слишком малочисленны, чтобы делиться на фракции в виду общего врага. Так, в мессидоре IV года было только четыре искренне республиканских газеты (противники называли их «якобинскими»): «La Sentinelle» Лува, «L'Ami des Lois» Пультье, «Le Journal des Hommes libres» Шарля Дювала и «Le Journal des Patriotes de 89» Меэ и Реаля (этот последний листок исчез 30 термидора того же года). Директория издавала, впрочем, еще две официальные газеты, «Le Rédacteur» и «Le Journal des Défenseurs de la patrie», из которых первая занималась внутренними делами, а вторая — военными¹.

¹ «Le Rédacteur», представляющий собою очень важный сборник по политической истории Директории, состоял из официальной части (законы, постановления, прокламации, правительственные акты) и неофициальной (руководящие статьи, различные известия). Заметка, напечатанная в нем в начале номера от 11 термидора V года, извещала публику, что газета переставала носить какой бы то ни было официальный

Что касается газет правого лагеря, то ниже, из декрета от 22 фруктидора V года (подвергавшего их преследованию), читатель увидит, сколько их было числом и какие они носили названия.

Относительно числа подписчиков и состава сторонников обеих партий у нас нет данных даже для приблизительных статистических указаний. Следует, впрочем, упомянуть о том, что говорилось по этому поводу в газете «L'Eclair» (органе умеренных или замаскированных роялистов) в номере от 2 мессидора IV года, причем надо заметить, что ее утверждения не оспаривались республиканскими листками. По словам «L'Eclair», четыре «якобинских» газеты имели в сложности только 4 000 подписчиков, тогда как у умеренных газет их насчитывалось до 150 000¹.

Если признать эти цифры верными, то из них мы узнаем не только о том, что газеты правого лагеря значительно превосходили республиканские числом своих читателей; если принять во внимание, что за исключением немногих больших городов провинциальная печать отсутствовала, то из этих цифр видно также, как мало вообще читались газеты в IV и V годах.

Это незначительное число подписчиков объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, крестьяне, т. е. три четверти французов, еще не приобрели тогда привычки читать газеты, а парижские рабочие отстали от нее, с тех пор как перестали пользоваться политическими правами или добиваться их; притом же газеты были тогда слишком дорогими. Во-вторых, эта цифра 150 000 или 154 000 подписчиков была совершенно достаточна для всей буржуазии, так как газета читалась тогда преимущественно в кабинетах для чтения, причем на одного подписчика приходилось по несколько читателей.

Как бы то ни было и каково бы ни было действительное число читавших газеты, влияние печати было несомненно осязательно, и этому именно влиянию Директория приписывала успех оппозиции правой стороны на выборах V года. Вследствие этого инициаторы государственного переворота 18 фруктидора поспешили прежде всего принять меры против печати вообще и журналистов в частности.

18 фруктидора Директория приказала арестовать сотрудников и типографчиков тридцати одной газеты по обвинению

характер. Но эта заметка несколько не изменила дела: Директория продолжала печатать в «Редакторе» свои распоряжения, а газета продолжала тем же тоном и теми же приемами защищать правительственную политику.

¹ Эта цифра не должна быть очень далека от действительности. В начале VII года, когда стал применяться закон о штемпельном сборе, в Париже подлежало этому сбору около 150 000 газетных листов в день.

«в заговоре против внутренней и внешней безопасности республики, а в частности — в стремлении восстановить королевскую власть и распустить республиканское правительство». Их не судили. Закон 19 фруктидора декретировал ссылку одного из них, Сюара; затем, 22 фруктидора, «принимая во внимание, что среди врагов республики и соучастников роялистского заговора самыми деятельными и опасными были журналисты, состоявшие на жалованье у королевских агентов и руководимые ими; принимая во внимание, что для того чтобы подавить существующий заговор и предупредить гражданскую войну со всеобщим кровопролитием, как ее неизбежным последствием, ничто так настоятельно не необходимо, как очистить французскую почву от открытых врагов свободы и конституции», был издан закон о ссылке не только всех журналистов, указанных в постановлении Директории от 18 числа, но также еще и других. Статью 1-ю этого закона стоит привести целиком, так как в ней находится список антиреволюционных газет той эпохи: «Собственники, издатели, редакторы и сотрудники нижеследующих газет: 1) «Le Mémorial», 2) «Le Messenger du Soir», 3) «Le Miroir», 4) «Nouvelles politiques, nationales et étrangères», 5) «L'Observateur de l'Europe» 6) «Perlet», 7) «Le Petit Gauthier ou la Petite Poste», 8) «Le Postillon des armées ou Bulletin général de France», 9) «Le Précurseur», 10) «La Quotidienne», 11) «Rhapsodies du jour», 12) «Le Spectateur du Nord», 13) «Le Tableau de Paris», 14) «Le Thé», 15) «La Tribune publique», 16) «Le Véridique», 17) «L'Argus», 18) «Annales catholiques», 19) «Les Actes des Apôtres», 20) «L'Accusateur public», 21) «L'Anti-Terroriste», 22) «L'Aurore», 23) «Le Censeur des Journaux», 24) «Le Courrier de Lyon», 25) «Courrier extraordinaire», 26) «Courrier républicain», 27) «Le Cri public ou Frères et Amis», 28) «Le Défenseur des vieilles institutions», 29) «Le Déjeuner», 30) «L'Echo», 31) «L'Eclair», 32) «L'Europe littéraire», 33) «Gazette française», 34) «Gazette universelle», 35) «Le Grondeur», 36) «L'Impartial bruxellois», 37) «L'Impartial européen», 38) «L'invariable», 39) «Journal des journaux», 40) «Le Journal des colonies», 41) «Journal général de France ou le Gardien de la Constitution», 42) «L'Abréviateur universel», — должны быть немедленно же посланы в место, которое будет указано Исполнительной директорией». Их имущество было временно конфисковано. Директория получила полномочие производить домашние обыски, для того чтобы привести в исполнение этот закон.

Против печати вообще Директория добилась наконец тех запретительных мер, которых она уже требовала и которые были разрешены временно на один год статьей 355-й конституции. Это было предметом статьи 35-й закона 19 фруктидора V года, гласившей следующее: «Газеты, все другие пе-

риодические листки, а также станки, на которых они печатаются, отдаются на год под надзор полиции, которая будет иметь право запрещать их согласно смыслу статьи 355-й конституции». Постановлением Директории от 23 брюмера VI года было решено, что эти запрещения могли налагаться министром полиции и центральными административными или муниципальными учреждениями не иначе как с одобрения Директории. Статья 35-я закона 19 фруктидора V года продолжена на год законом 9 фруктидора VI года. Затем она была отменена законом 14 термидора VII года.

Таким образом, с 22 фруктидора V года и по 14 термидора VII года правительство имело право запрещать не правившиеся ему газеты; но оно не получило права предварительной цензуры.

Вследствие этого, запрещенные роялистские газеты могли вновь появляться под другими названиями. Директория снова запрещала их. Были газеты, по несколько раз воскресавшие таким путем¹ под другими названиями; но очень немногие журналисты отличались такою смелостью, чтобы вести открытую оппозицию против правительства, которая подвергала их опасности быть отправленными в ссылку.

Тем не менее, накануне и на другой день государственного переворота 22 флореала VI года оппозиция левой стороны была довольно решительна, причем «Газета свободных людей», подвергавшаяся несколько раз запрещению, принимала одно за другим названия: «*Persévérant*», «*Républicain*», «*Journal des Francs*», «*Correspondance des Représentants*», «*Tribune nationale*», «*Lumière*», не переставая провозглашать революционные принципы. Но эта оппозиция не носила характера чего-нибудь предвзятого: она прекратилась, как только Директория прекратила борьбу с передовыми республиканцами.

Директории казались опасными после 18 фруктидора главным образом газеты правого лагеря. Читая их теперь, находишь их бесцветными, малодушными, бессодержательными. Почти постоянное отсутствие руководящей статьи по внутренней политике, отчет о заседаниях Советов, обыкновенно краткий и незначительный, несколько городских происшествий, известия из-за границы и из армии — вот содержание этих листов. Многие из них кажутся скопированными одни с других, причем даже роялистские газеты в большинстве случаев представляют собой почти простую перепечатку республиканских².

¹ См., между прочим, постановление Директории от 17 мессидора VI года, прекратившее сразу несколько газет, переименованных своим названиями («*Paris pendant la réaction*», etc., т. IV, стр. 763—764).

² Так, 23 термидора IV года, «Друг Законов», республиканская газета, поддерживавшая Директорию, жаловалась на то, что ее перепечатывали.

Надо читать полицейские доклады или мотивы постановлений о запрещениях, чтобы уловить, в чем заключалась оппозиция газет и в чем их обвиняло правительство.

Оно обвиняло их в том, что они делают намеки, которые оно называло вероломными, а особенно в том, что они критиковали, например, Голландскую и Цизальпинскую республики, не будучи в состоянии критиковать французскую, и что они говорили о директориях этих республик то, чего не осмеливались сказать о французской Директории. Оно упрекало их в том, что они извлекают из иностранных газет известия, неблагоприятные для французской армии, даже когда они приводили эти известия со всевозможными оговорками и называли их нелепыми. Подозрительное око агентов центрального бюро Парижского кантона обнаруживало большую изобретательность, когда рылось в совести журналиста. Если, например, «Вестник внешних сношений» решался печатать, в вантазе VII года, слово «Франция» вместо «Французская республика», то это — потому, что он роялист. Без сомнения эти листки старались досаждать правительству своими намеками (столь осторожными, что они почти неуловимы для нас), или подбором и распределением известий, или же воздержанием от похвал; но постоянная опасность, которой они подвергались, заставляла их быть в такой же мере осмотрительными, как и изобретательными, причем эта осмотрительность возрастала с каждым днем, так что во время жерминальских выборов VII года они уже совершенно не вмешивались в избирательную борьбу, и полиция могла обвинять роялистскую прессу только в том, что она применяла к некоторым из вновь избранных депутатов эпитеты «анархист» или «якобинец». Во всяком случае, при подобном режиме, периодическая печать становится бессильной вследствие своей крайней незначительности, а это подавление печати всегда содействует подавлению общественного настроения.

Можно сказать, что уже с 18 фруктидора V года сколько-нибудь серьезная политическая оппозиция путем печатного слова стала невозможной. Все независимые газеты были запрещены; все независимые журналисты находились под угрозой ссылки. Иногда газеты получали предостережение, прежде чем подвергнуться запрещению; но чаще всего их закрывали без предварительного предостережения.

вают ее собратья всех оттенков: «Так как «L'Ami des Lois» выходит накануне вечером, тогда как «Le Publiciste», «Le Journal des Campagnes et des Armées», «Le Bien Informé», «Le Propagateur», «L'Observateur», «La Clef du Cabinet», «La Chronique Universelle», «Le Surveillant» и т. д. печатаются только ночью и выходят на другой день утром, то они ждут нашего листка, чтобы бесовесно воспользоваться тем, что найдется в нем интересного» («Paris pendant la réaction», etc., т. V, стр. 38).

Идеалом Директории было добиться того, чтобы самой руководить главнейшими газетами. В нивозе VI года она посылала подробные политические инструкции следующим газетам: «Ami des Lois», «Journal des hommes libres», «Patriote français», «Journal des Campagnes et des Armées», «Messager des Lois», «Moniteur», «Journal de Paris», «Amis de la patrie», «Rédacteur». Затем она стала заказывать для этих газет статьи, подлинники которых сохранились¹.

Меры совсем иного характера были направлены к тому, чтобы затруднить условия существования периодической прессы. Я имею в виду законы, касавшиеся стоимости пересылки газет и штемпельного сбора.

При старом порядке пересылка газет стоила 4 денье². Закон 17 августа 1791 г. изменил это условие. Он установил цену почтовой пересылки для ежедневных газет в 8 денье с каждого печатного листа. Только очень немногие газеты большого формата, вроде «Moniteur», должны были платить 8 денье за пересылку своего номера, другие же, формата in-8 или in-4, платили только по 4 денье. Закон 6 мессидора IV года поднял эту плату до 5 денье с каждого печатного листа или части его для рассылки в том городе (или его предместьях), где выходила газета, и до одной децимы при отправке в другие места. Таким образом парижским газетам, за исключением «Moniteur», приходилось платить вместо 4 денье по 24 денье с каждого номера. Это значило подорвать влияние парижской прессы на департаменты. Тогда поднялись такие жалобы³, что этот закон был отменен законом 4 термидора IV года, установившим стоимость пересылки в 4 сантима с листа и 2 сантима с полулиста. Это было несколько дороже, чем при действии закона 17 августа 1791 г. Тем не менее газеты могли существовать, несмотря на таких конкурентов, как «Le Rédacteur» и «Le Journal des Défenseurs de la patrie», которые Директория пересылала бесплатно.

Правительственные республиканцы до такой степени боялись роялистских газет, что с целью помешать их распространению они охотно сделали бы невозможным распространение всех газет. Они дважды вынуждали Совет пятисот принимать резолюции, стремившиеся повысить цену почтовой пересылки газет. Резолюция 13 брюмера V года подняла эту цену до 10 сантимов с листа и 5 сантимов с полулиста; эта резолюция была отвергнута Советом старейших после прений, во время

¹ Arch. nat., AF III, 45. — Ср. «Paris pendant la réaction», etc., т. IV, стр. 534.

² См. речь Руза, произнесенную 13 брюмера V года в «Moniteur» от 19 числа.

³ См. «Paris», etc., т. III, стр. 302.

которых роялист Барбе-Марбуа ссылался на пример американцев. «У этого счастливого и свободного народа, — говорил он, — из всех вещей, необходимых для жизни, самой дешевою является газета». Он показал на фактах и цифрах, что сделалось бы с прессой, если бы резолюция была принята. «Я полагаю, — сказал он, — что пересылка листа могла бы производиться за 3 денье; ее цену определили в 4 денье, и я не думаю, чтобы следовало еще более повышать ее. Вообще, подписная цена газет равняется 30 ливрам; если вычесть отсюда 6 франков за пересылку, то останется 24 франка на покрытие типографских расходов, стоимости бумаги, платы сотрудникам и прибыли издателей; но если вы поднимете цену пересылки до 18 франков, то остается только 12 франков на покрытие всех этих издержек и доставление прибыли. Этого слишком недостаточно. Это было бы настоящей отменой свободы печати. Вы скажете: повысьте подписную плату; но тогда одни богатые люди будут в состоянии получать газеты...»

24 фримера того же года Совет пятисот вотировал без прений новую резолюцию, которая устанавливала цену пересылки в 15 денье с листа, причем за полулист и четверть листа плата пропорционально уменьшалась. Периодические издания в форме брошюр должны были бы платить по 30 денье. Докладчик в Совете старейших Лебретон указал, что, по свидетельству почтового управления, плата по 8 денье с листа была бы достаточной и что если назначить плату в 30 денье с брошюр, то этим были бы сразу убиты такие полезные периодические издания, как «Le Magasin encyclopédique», «Le Mercure français», «La Décade», «Le Journal du lycée des Arts», «Le Journal des Mines». Резолюция была отвергнута, и плата за пересылку газет осталась прежняя, т. е. по 4 сантима с 1 листа и по 2 сантима с полулиста.

Хотя эти факты и законы предшествовали 18 фруктидора, но нам необходимо было напомнить о них, чтобы дать понять читателю важность закона 26 вантоза VII года, запретившего частным лицам заниматься доставкой писем, газет и периодических изданий. Дело в том, что, обращаясь к частным транспортным конторам, некоторые газеты, слывшие за роялистские, добились более выгодных условий пересылки, чем какими были условия почтового управления, отчего число их подписчиков и их влияние пропорционально возросло.

Установление штемпельного сбора имело еще более важные последствия. Финансовый закон 9 вандемьера VI года постановил, чтобы за исключением периодических изданий, касающихся наук и искусств, выходящих лишь раз в месяц и содержащих не менее двух печатных листов, все газеты и афиши были «подчинены штемпельному сбору определенного размера

или менявшемуся смотря по величине листа». Закон 13 числа того же месяца окончательно установил этот штемпельный сбор в следующих выражениях: «Штемпельный сбор с газет и афиш, постоянный или соответствующий величине листа, определяется в 5 сантимов (или одно су) с каждого листа размером в 25 квадратных дециметров (или 341 квадратный дюйм) и в 3 сантима ($7\frac{1}{5}$ денье) с каждого полулиста того же размера». Постановление Директории от 3 брюмера VI года гласило, что газеты могли печататься только на бумаге, на которую будет наложен штемпель ранее печатания. Закон 6 прернала VII года подчинил тому же штемпельному сбору прибавочные листки.

Лишь только стал применяться этот закон, т. е. с 15 вандемьера VI года, всем газетам пришлось повысить подписную плату в следующей пропорции: «Le Moniteur», объем которого равнялся печатному листу, поднял годовую подписную плату с 80 ливров на 100; «Le Journal de Paris», величиною в поллиста, повысил плату с 25 ливров до 42. Я не знаю, была ли пропорционально повышена плата в кабинетах для чтения; но читатель видит, что для отдельных лиц чтение газет сделалось тогда роскошью.

Мы сказали, что запретительный закон против свободы печати был окончательно отменен 14 термидора VII года. Эта отмена не доставила, однако, свободы печати. Военные обстоятельства сделались тогда очень критическими, и, с момента выступления на сцену России, независимости Франции снова, казалось, грозила опасность, как в 1792 и 1793 гг. И вот Директория сочла долгом помешать другими путями возрождению оппозиционной роялистской прессы.

Статья 145-я конституции уполномочивала Директорию, в случае заговора против внутренней или внешней безопасности государства, издавать приказы о вызове к допросу и об аресте подозреваемых лиц. С другой стороны, закон 22 фруктидора V года приговорил к ссылке всех «роялистских журналистов». Директория сделала вид, что признает в «роялистских журналистах» VII года преемников таковых же V года, и распорядилась (16 фруктидора VII года) отправить в ссылку значительное число их. В то же самое время (см. ее послание от 17 числа) она велела арестовать сотрудников двух демократических газет: «Le Journal des hommes libres» и «Le Défenseur de la patrie», сменившего «Друга народа». Министр полиции Фуше так оправдывал эти меры в докладе от того же числа: «Свобода мыслить и писать вовсе не дает права открыто возбуждать страсти и злобу против правительства и учреждений; не может существовать безнаказанности для тех, которые диктуют преступления и вызывают мятеж, когда закон поражает лиц,

которыми они руководят и которых соблазняют; правительство невозможно там, где писатели, составляющие заговоры, недосыгаемы для закона именно потому, что они открыто пренебрегают им»¹.

Таким образом ошибочно было бы думать, что с 14 термидора VII года по 18 брюмера VIII года периодическая пресса пользовалась свободой. Диктаторский режим, установленный 18 фруктидора, хотя и отмененный юридически через два года после того, фактически продолжал существовать, благодаря исключительной серьезности положения до самого падения Директории.

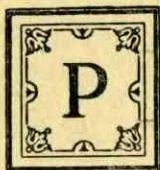
¹ Нац. арх., АФ III, 625, досье 4291.

ГЛАВА III

МНЕНИЯ, ПАРТИИ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ДО 18 ФРУКТИДОРА

I. Различные формулы присяги и политические партии. — II. Буржуазные или правительственные республиканцы. — III. Демократы. Баббиф и бабубизм. — IV. Роялисты. — V. Религиозная политика; народные празднества; теофилянтропия. — VI. Религиозная политика: католицизм. — VII. Государственный переворот 18 фруктидора.

I

азличные гражданские присяги, следовавшие одна за другою и устанавливавшиеся законом в эпоху Директории, хорошо характеризуют собою перемены и колебания как в самих обстоятельствах, так и в общественном настроении.

23 нивоза IV года закон, повелевавший праздновать «годовщину справедливого наказания последнего короля французов», декретировал также, чтобы в этот день члены обоих Советов, «каждый в отдельности, с трибуны приносили присягу в своей ненависти к королевской власти». 19 вантоза того же года все лица, принадлежавшие к составу установленных властей, должны были принести ту же самую присягу под угрозой подвергнуться в противном случае ссылке. 19 нивоза V года с целью придать присяге, которую предтояло принести 21 января, «такой характер, чтобы она одновременно санкционировала ненависть французов к королевскому режиму и анархии и их привязанность к республике и конституции», формула этой присяги была изменена следующим образом: «Клянусь в ненависти к королевской власти и к анархии; клянусь в привязанности и верности к республике и конституции III года». 30 вантоза V года каждый член избирательного соб-

рания обязан был сделать следующее заявление: «Обещаюсь быть привязанным и верным республике и конституции III года. Обязуюсь защищать их всеми моими силами от нападков со стороны королевской власти и анархии». Революционный закон 19 фруктидора V года (ст. 32) заменил это обещание клятвой, установленной законом 24 нивоза V года. 12 термидора VII года была установлена следующая новая формула присяги: «Клянусь в верности республике и конституции III года. Клянусь противиться всеми моими силами восстановлению королевской власти во Франции и какой бы то ни было тирании».

Таким образом, в IV году присяга выражала только ненависть к королевской власти; в V году она выражала также ненависть и к анархии (т. е. к демократической республике); в VII году она уже не выражала более ненависти к анархии. Таковы именно и были колебания общей политики и общественного мнения. В начале Директории еще продолжалась антироялистская реакция, начавшаяся после событий 13 вандемьера. Затем возникает дело Бабёфа и дело Гренельского лагеря; они вызывают антидемократическое движение. Наконец, в момент военных поражений VII года происходит возврат к формам террора.

Большинству французов, способных иметь какое-нибудь политическое мнение, приходилось под тем или другим предлогом приносить эти присяги, чередование и разнообразие которых знакомят нас с общим ходом политической эволюции той эпохи. Этого именно и хотел Законодательный корпус: он надеялся таким путем установить своего рода единство общественного мнения во Франции или по крайней мере принудить своих противников правого и левого лагеря устраниваться от политики, чтобы не кривить перед своею совестью. Эта надежда не оправдалась: противники мирились с необходимостью давать эти различные присяги; в конце концов на них стали смотреть как на простую формальность, ни к чему не обязывающую; в результате получилось немного более лицемерия в общественных нравах и немного более скептицизма; политические партии должны были прикрываться так или иначе, но не перестали существовать и действовать.

Как ни было прозрачно это маскирование для современников, оно все-таки еще более увеличивает неясность и запутанность политических мнений и партий того времени, при их ретроспективном обзоре. Даже для того чтобы отличать тогдашних роялистов от республиканцев, надо всматриваться очень пристально. В период времени с 1795 по 1799 г. все французы, за редкими исключениями, называли себя республиканцами. Одни делали это по убеждению, потому что были на самом деле республиканцами; другие — из страха, благодаря

закону 27 жерминаля IV года¹; третьи, наконец, по рассудочным соображениям и из патриотизма, так как республика была тогда единственно возможной формой правительства, единственной, которая могла обеспечить независимость Франции и помешать возврату к старому порядку. Между тем все французы были почти единодушны в желании военных побед мира, а также и в желании сохранить революцию.

Пока роялисты не сбрасывали с себя маски и не брались за оружие, как в Пуату, в Бретани или Нормандии, или не были уличаемы в заговорах, их было довольно трудно отличить. Тем не менее мы можем смело признать за роялистов тех лиц, слова и поступки которых стремились подорвать все основные принципы революции и дискредитировать всех революционных деятелей.

Еще труднее распознать, в чем различались между собой республиканцы. Легко видеть, конечно, что одни из них защищали Директорию, а другие нападали на нее; но это не были всегда одни и те же лица. Какой-нибудь член оппозиции на другой же день становился сторонником Директории или был им вчера. У тех и других из них была одна общая почва, на которую они постоянно возвращались после распрей, возникших на какой-нибудь иной почве, чтобы снова итти рука об руку. Я хочу сказать, что все они, как сторонники, так и противники Директории, были, говоря языком нашего времени, антиклерикалами. Действительно, они обнаружили полное единодушие в стремлении учредить светское государство с целью помешать католической церкви сделаться господствующей, с целью способствовать развитию рационализма путем распространения просвещения и организации нерелигиозных республиканских празднеств.

Тогда не существовало республиканца, который бы был «клерикалом». Даже люди, называя себя республиканцами, требовали для католической церкви лучшего положения, вовсе не требовали, чтобы она вновь заняла свое привилегированное положение дореволюционной эпохи. Этого требовали только одни роялисты (вандейцы, шуаны или эмигранты), да и то не все.

Вот этот именно религиозный вопрос и отделял все более и более роялистов от республиканцев; но он не вызывал раскола в среде самих республиканцев.

Республиканцев разделял вопрос о политическом и социальном равенстве. Были республиканцы-буржуа и республиканцы-демократы. Но разграничительная черта между этими двумя партиями, этими двумя лагерями, не всегда отчетливо видна.

¹ См. выше, стр. 39.

Между ними происходил постоянный обмен лиц и идей. Программы были неопределенны, речи не искренни. Буржуазные, правительственные республиканцы никогда не признавали себя антидемократами, и среди них были люди, искренно не считавшие себя таковыми. Верные идеям философов XVIII века, они признавали народом только ту часть населения, которую просвещение и имущественное положение делали независимой. Эта часть населения и составляла в их глазах истинный народ, а если этот народ держал в своих руках власть, то это и была демократия¹. Республиканцы-демократы не требовали формально восстановления всеобщего избирательного права. Они требовали иногда, когда были настолько смелы, чтобы пренебрегать законом 27 жерминаля IV года, или настолько искусны, чтобы обходить его, восстановления конституции 1793 г., но не настаивали при этом на всеобщем избирательном праве. Повидимому, отрицая попрежнему террор, они все еще мечтали о возврате к правительственным формам II года, к восстановлению того положения вещей, при котором выдающиеся люди Парижа управляли бы Францией через посредство санкюлотов. Если они не требовали с большой определенностью всеобщего избирательного права, то потому, что не видели, чтобы народ особенно стоял за осуществление своих избирательных прав: он, казалось, даже не заметил, что у него их отняли. Чего же он всего более добивался тогда? Материального благосостояния. Видя, что он чувствителен только к одному этому, демократы дважды присоединялись к социалистам (бабувистам, союзу равных, коммунистам) в IV и в VII годах.

В общем, в период времени с 1795 по 1799 г. вырисовываются три политические партии, если только можно назвать так группы, ни личный состав, ни границы, ни программы которых не отличались постоянством: буржуазные или правительственные республиканцы, республиканцы-демократы и роялисты.

II

Буржуазными или правительственными республиканцами были, собственно говоря, сторонники конституции III года. Правда, и другие политические группы, когда они только не находились в открытом восстании, опирались на ту же конституцию, но это делалось из тактических соображений: роялисты указывали на нее демократам, демократы — роялистам. Но правительственные республиканцы поддерживали и любили ее,

¹ В честь одного «истинного народа» и был учрежден в VI году «праздник народного суверенитета». См. ниже.

так оказать, ради нее самой, потому что они стояли за систему ценза, в которой видели основу, средство и форму своей либерально-консервативной политики.

Эта политика была либеральна в том смысле, что она стремилась к восстановлению свободы, подавленной революционной диктатурой. Об этом Директория заявляла в первых словах своей первой прокламации: «Решившись поддержать свободу или погибнуть...»

Эта политика была консервативна в том смысле, что она стремилась защитить собственность, которой угрожал Бабёф. Но так как собственность была основой общества в той форме, в какой оно было организовано тогда, то защищать собственность значило защищать, охранять общество.

Эпитеты, характеризовавшие эту политику, уже начинали входить тогда в употребление.

Слово «консервативный» появилось раньше, в ту самую эпоху, когда изготавлялась конституция III года. В одном докладе от 5 мессидора III года относительно общественного настроения в Париже читаем следующее: «Все вздыхают о сильном правительстве, дорогом для тех, которым есть что охранять (qui ont à conserver), и страшном для заблуждающейся толпы, для которой порядком является беспорядок». В другом докладе от 18 термидора того же года говорится, что общественное мнение в Париже требует «правительства опекающего и консервативного, под охраной которого каждый мог бы жить спокойно»¹. С того времени это слово вошло в ходячий политический язык. Так, 18 флореаля VI года Жан де-Бри выражал сожаление с трибуны Совета пятисот, что последние выборы не были «республиканскими и консервативными»². Бонапарт в своей прокламации от 19 брюмера VII года говорит: «Консервативные, охранительные, либеральные идеи вступили в свои права».

Что касается слова «либеральный», то я встречаю его в первый раз именно в этой прокламации Бонапарта в смысле всего того, что благоприятно для гражданской и политической свободы. Но так как Бонапарт не употребил бы, конечно, нового термина в прокламации, то слово либеральный должно было быть уже известно и употребляться в этом значении несколько раньше.

Эта консервативно-либеральная партия отличалась от консервативной партии времен Людовика-Филиппа тем, что она клала в основу общества собственность, но не клала в основу его религии. Она была антиклерикальной, горячо антиклери-

¹ «Paris pendant la réaction», etc., т. II, стр. 31 и 124.

² «Moniteur» от 21 флореаля VI года, стр. 928, столбец 2.

кальной, и стремилась, как мы уже говорили это и будем еще раз повторять, организовать светское государство, управлять путем разума. Она была искренне республиканской. Не желая всеобщего избирательного права, она хотела сохранить кое-что из форм и нравов демократии II года. Так, она строго поддерживает и делает обязательным для всех французов употребление республиканского календаря. Она преследует слово «monsieur» и приказывает употреблять слово «citoyen». Она делает обязательным ношение кокарды даже для женщин. Она придает республиканский характер названиям улиц¹. Она принуждает директоров театров заставлять актеров петь республиканские песни. Она организует с величайшей заботливостью празднества в честь годовщины казни Людовика XVI. Она окружает Францию союзными республиками: голландской, швейцарской, цизальпинской, римской, неаполитанской. Но главное — она устраивает 18 фруктидора. Одного из ее членов, Барраса, считали за обратившегося в тайного роялиста, но лишь в конце его пребывания членом Директории, и притом так, что его сношения с претендентом, если они действительно были, не оставили никакого следа ни в речах, ни в действиях Директории, ибо как те, так и другие во весь период времени с IV по VIII год отличались таким же республиканским духом, как речи и деятельность Комитета общественного спасения.

У этой буржуазной республиканской партии был свой клуб, называвшийся Конституционным. После реакционных выборов V года Риуфф выразил от имени этого клуба антитеррористические, антироялистские и антиклерикальные мнения своей партии: «О, террор! (говорил Риуфф 9 мессидора V года), ты, возмывший так глубоко кинжал в сердце нарождавшейся республики; ты, гибельные последствия которого так жестоко пережили самого тебя и каждую минуту ставят все новые и новые препятствия на пути республиканцев; ты, яд которого можно найти во всех ранах республики; чудовище, состоящее из анархии, разбоя, тирании и роялизма, мы предаем тебя проклятию веков. Тщетно стараются набросить на республиканцев твой кровавый плащ, чтобы задушить их: они сбрасывают его с себя». Но роялистская опасность была еще сильнее и ближе, чем опасность террора, и принимала в этот момент, по словам Риуффа, форму лиги, заговора писателей-нефилосов. Они хотят «снова погрузить народ в бездну суеверий, чтобы вернуть его к рабству», восстановить для крестьян де-

¹ «Париж во время реакции», т. III, стр. 60; т. IV, стр. 67, 512; т. V, стр. 42, 55, 61, 228. В флореале VI года центральное бюро Парижского кантона, не боясь казаться смешным, наблюдает за тем, чтобы в кабаках пиво называли не «мартовским», а «жерминальским» (ibid., т. IV, стр. 664).

сятину, феодализм, закрепощение при помощи мессы и колокольного звона. Вследствие этого конституционный клуб намеревался вести пропаганду против клерикальной реакции¹.

Эта партия держала в своих руках власть; но она не могла управлять лишь своими собственными силами. Ей приходилось опираться поочередно, смотря по обстоятельствам, то на республиканцев-демократов, то на замаскированных роялистов; это именно и называлось балансирующей политикой Директории. Однако она чаще опиралась на людей левой, чем правой, стороны: 1) потому что первые были для нее естественными союзниками в ее антиклерикальной политике; 2) потому что, в случае военных неудач, одни республиканцы-демократы были способны вызвать народное патриотическое движение против чужеземца, находившегося в союзе с роялистами.

III

Те, которых мы называем республиканцами-демократами и которых клеймили тогда именами якобинцев, анархистов и террористов, до такой степени не были уверены в том, чего они хотели, и находили так мало поддержки для себя в общественном мнении, что они не решались называть себя демократами и демократической партией. В IV году они называли себя «исключительно патриотами 89 года» или «патриотами по преимуществу», а вскоре затем «патриотами 92 года». Тогда противники стали называть их «исключительными». В полицейском докладе от 1 термидора V года указывалось в числе появившихся политических карикатур на следующую: «Исключительный изображен в виде зловещей фигуры в позе гладиатора, позади себя он держит кинжал, на котором написано: «Братство», а в протянутой вперед руке наведенный пистолет; на шапке у него надпись: «Свобода», из кармана торчат приказы об аресте, подпись внизу: 2 сентября»². Даже еще при Консулате часто случалось, что полиция называла «исключительными» членов левой оппозиции, тех, которых мы называем республиканцами-демократами.

Эта партия уже давно была обезглавлена, так как все наиболее выдающиеся демократы погибли на эшафоте. В IV году ее вождями были хотя и известные, но уже второстепенные лица: Феликс Лепелетье (брат члена Конвента, убитого в январе 1793 г.) и Антонелль. Оба — бывшие дворяне, первый — очень богатый. В первые времена Директории в Законодательном корпусе не было совсем республиканцев-демократов. Они

¹ «Discours lu au Cercle constitutionnel le 9 messidor an V, par Honoré Riouffe. Типография Ганьяра, 23 стр., in-8. Нап. библ., Lb. 40/815.

² «Paris pendant la réaction», т. IV, стр. 224.

попытались почти немедленно же восстановить прежнее общество якобинцев, основали клуб Пантеона и еще другой клуб Союза¹. Наибольшее значение имели «пантеонисты». Уже в фримере IV года их насчитывалось 934 человека². Они пробовали оказывать влияние на департаменты. Так как конституция (ст. 362) запрещала переписку между клубами, то они обошли это затруднение, собираясь также и в «Христианской кофейне, откуда писали письма к «исключительным» в провинциях в качестве заведующих этой кофейни.

У пантеонистов не было определенной программы. Они побуждали Директорию действовать решительнее против роялистов. Больше же всего они настаивали на мерах к облегчению народных страданий; у них не сходили с языка слова: средства существования, голод.

В Христианской кофейне речи были пламеннее, но не было большой определенности во взглядах. Там произносились похвалы Робеспьеру и читался листок Бабёфа, который требовал от Директории государственного переворота против роялистов³.

Мы видели, что Директория, постановлением от 8 вантоза IV года, закрыла клуб Пантеона и несколько других клубов.

Принужденные скрываться, демократы стали составлять заговоры, а так как парижский народ волновался по вопросу о средствах продовольствия и так как жизнь в Париже была дорога, то часть из них вступила в союз с Бабёфом.

Возник «бабувистский» заговор, который был открыт полицией неким Гризелем, агентом-провокатором. 21 флореала IV года Директория велела арестовать главнейших заговорщиков: Бабёфа, Буонаротти, Дартэ, Жермена, Друэ⁴. Затем к заговору припутали нескольких бывших членов Конвента: Друэ, Ленъело, Амара, Вадье, Робера Лендэ, Рикора; к нему приме-

¹ «Paris pendant la réaction», т. II, стр. 452, 459, 528, 529, 550.

² Ibid., т. II, стр. 450.

³ Ibid., т. II, стр. 459.

⁴ В тот же день, 21 флореала IV года, с целью отнять у демократов их вождей, был издан закон, запрещавший пребывание в Сенском департаменте бывшим членам Конвента, если они не занимали общественных должностей в этом департаменте, а также всем бывшим чиновникам, всем военным, уволенным или находившимся в отпуску, всем лицам, обвиняемым в эмигрировании, всем иностранцам и лицам, получившим амнистию по закону 4 брюмера IV года, — если только эти бывшие члены Конвента, бывшие должностные лица и т. д. не имели от Директории особого разрешения на жительство в Сенском департаменте. Все не получившие такого разрешения должны были покинуть департамент в течение трех дней и жить не ближе десяти лье от Парижа под угрозой ссылки. 5 прерияля того же года этот закон был распространен на бывших вандейцев и всех амнистированных. Закон 21 флореала IV года был отменен законами 9 прерияля и 11 мессидора V года.

шали также главнейших демократов: Феликса Лепелетье, Антонелля, бывшего генерала Россиньоля и других.

Начало этому заговору положило «общество равных», образовавшееся в тюрьмах, в период термидоровской реакции, под влиянием Бабёфа, с целью осуществить союз между демократами и социалистами; это были первые признаки зарождения радикально-социалистической партии, как сказали бы мы теперь.

Из бумаг, захваченных у заговорщиков, видно, что ими была образована «тайная директория общественного спасения», состоявшая из Бабёфа, Антонелля, Сильвена Марешаля и Буонаротти, а также своего рода «военный комитет», состоявший из Фиона, Жермена, Массара, Россиньоля и Гризеля. Завязались переговоры между бывшими членами Конвента и демократами. 19 флореала IV года происходило собрание у Друэ. Бывшие члены Конвента колебались и не давали никаких обязательств. Однако из самого состава «тайной дирекции» видно, что действительно был заключен союз между бабувистами и некоторыми из демократов. Лозунгом и связующим элементом этого союза была конституция 1793 г.

Три документа лучше всего знакомят нас с доктринами Бабёфа и с целями заговора.

Во-первых, сочинение, озаглавленное: «Изложение доктрины Бабёфа»; оно было напечатано¹ и расклеено. Бабувизм очень отчетливо резюмирован в нем в следующих 15 статьях:

«1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами. — 2. Цель каждого общества — защищать это равенство, на которое часто посягают сильные и злые при жизни людей в естественном состоянии, и увеличивать, путем содействия всех, сумму общих радостей. — 3. Природа наложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не мог бы, не совершая преступления, избавить себя от труда. — 4. Труд и наслаждение должны быть общими. — 5. Существует угнетение там, где один надрывается в работе и терпит во всем недостаток, а другой утопает в изобилии, ничего не делая. — 6. Никто не мог бы, не совершая преступления, присвоить себе в исключительное пользование блага земли и промышленности. — 7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных. — 8. Богатые, не желающие отказаться от излишка в пользу неимущих, — враги народа. — 9. Никто не имеет права сосредоточением в своих руках всех материальных средств лишать других просвещения, необходимого для их счастья: просвещение должно быть общим. — 10. Цель ре-

¹ Париж, 4 стр., in-8. Нац. библ., Lb. 42/182.

волюции — уничтожить неравенство и восстановить общее счастье. — 11. Революция еще не кончена, потому что богатые захватывают все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедные работают, как настоящие невольники, изнывают в нищете и ничего не значат в государстве. — 12. Конституция 1793 г. является истинным законом для французов, потому что народ торжественно утвердил ее; потому что Конвент не имел права изменять ее; потому что, чтобы совершить это, он расстреливал народ, требовавший ее применения; потому что он подверг изгнанию и умертвил депутатов, которые исполняли свой долг, защищая ее; потому что утешение народа и влияние эмигрантов сопровождали составление и мнимое признание народом конституции 1795 г., за которую не высказалось даже четвертой части голосов, поданных за конституцию 1793 г.; потому что конституция 1793 г. санкционировала неотчуждаемое право каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, собираться, требовать того, что он считает полезным, просвещаться и не умирать с голода, — словом, те права, которые антиреволюционный акт 1795 г. открыто и всецело нарушил. — 13. Всякий гражданин обязан, защищая конституцию 1793 г., восстанавливать и защищать волю и счастье народа. — 14. Все власти, установленные мнимой конституцией 1795 г., незаконны и противны революции. — 15. Люди, поднявшие руку на конституцию 1793 г., виновны в посягательстве на верховную власть народа».

В другом документе, «Манифесте равных», отвергалось желание нарушить закон 27 жерминаля IV года, запрещавший предлагать аграрный закон. «Аграрный закон, говорилось там, или раздел земель были минутным желанием нескольких беспринципных солдат и нескольких мелких народцев, движимых скорее инстинктом, нежели разумом. Мы имеем в виду нечто высшее и более справедливое: «общее имущество» или «общность имуществ». Не должно быть личной собственности на землю: «земля не принадлежит никому». Мы требуем, мы хотим общего пользования плодами земли: «ее плоды принадлежат всем»¹.

Наконец, третий документ, исходивший от «Инсурреционного комитета общественного спасения» и озаглавленный «Акт восстания», говорил о том, что предполагалось совершить. Вот некоторые извлечения из него: Ст. 10. «Оба Совета и Директория, эти узурпаторы народной власти, будут распущены. Все члены, составляющие их, будут немедленно же преданы народному суду». — Ст. 18. «Общественное и частное имущество

¹ Buonarotti, Conspiration de Babeuf, т. II, стр. 132.

будет отдано под охрану народа». — Ст. 19. «Забота о завершении революции и о даровании республике свободы, равенства и конституции 1793 г. будет поручена национальному собранию, состоящему из демократов, по одному от каждого департамента, назначенных восставшим народом по представлению Инсurreкционного комитета». — Ст. 20. «Инсurreкционный комитет общественного спасения будет непрерывно заседать до полного окончания восстания»¹.

Этих документов достаточно, чтобы познакомиться не только с организацией и целью заговора, но также и с основными идеями той системы, которую Бабёф развивал в своем периодическом листке «Le Tribun du peuple ou le Défenseur des droits de l'homme» (Народный трибун или Защитник прав человека). Этот листок начал выходить в термидорианский период, затем был прерван и снова появился в брюмере IV года. Бабёф любил высказывать в нем следующие положения: «Все то, чем обладают люди, имеющие излишек против приходившейся на их долю части общественного достояния, составляет хищение и узурпацию; справедливо, следовательно, отобрать это у них». «Даже тот, кто доказал бы, что благодаря своим собственным силам он способен сделать вчетверо больше других, тем не менее был бы в заговоре против общества, потому что он одним этим уже нарушал бы равновесие и разрушал бы драгоценное равенство». «Надо, чтобы общественные учреждения приводили к тому, чтобы отнять у каждого индивида надежду сделаться когда-либо более богатым, могущественным или выдающимся по своим знаниям, чем кто-либо из его равных». «Раздор лучше того ужасного согласия, в котором заглушается голод». «Пускай все снова придет в хаос, а из хаоса выйдет новый и возрожденный мир»². Бабёф все время ссылался на эгалитарные принципы Декларации прав 1789 г.³ и называл свою систему доктрину «равных».

В какой степени эта доктрина пользовалась популярностью в Париже? Мы можем сказать только, что народ знал о ней и обращал на нее внимание. В докладе центрального бюро от 23 жерминаля IV года читаем: «В Сент-Антуанском предместье значительная группа собралась вокруг афиши, озаглавленной «Изложение доктрины Бабёфа». Немного дальше какая-то женщина читала тот же листок в небольшом формате; агент бюро

¹ Этот инсurreкционный акт воспроизведен целиком у Бюше, т. XXXVII, стр. 158.

² Номера от 33 по 35. — Относительно библиографии газеты Бабёфа см. *Tourneux, Bibliographie de l'histoire de Paris*, т. II, № 10940 и 10951. Относительно Бабёфа вообще см. *V. Advielle, Histoire de Babeuf et du babouvisme*, Paris 1883, 2 vol., in-8, а также статью Babeuf в «*La Grande Encyclopédie*».

³ См. выше, стр. 66—67.

вырвал его у нее; группа разошлась; некоторые из нее спрашивали: «разве не существует свободы печати?» «Сегодня, 28 жерминаля, — читаем в другом докладе, — снова нашли на рынке афиши, озаглавленные «Доктрина Бабёфа». Инспектор сообщил об этом полицейскому комиссару, который уничтожил их»¹. По словам газеты «Le Courier républicain» от 24 жерминаля IV года, какие-то женщины раздавали в Тюильери в толпе «Изложение доктрины»: «Одна из них стала на стул в Тюильерийском саду и громко читала это возмутительное сочинение. Когда приблизился сторож, чтобы прекратить подобный скандал, услужливые пантеоновцы² дали возможность скрыться женщине-оратору». Подобным же образом читался вслух, среди толпы, «Народный Трибун»³. В флореале и жерминале IV года выходила другая социалистическая газета «L'Éclaircisseur», в которой была напечатана песня, «предназначавшаяся для предместий» и начинавшаяся таким куплетом:

Mourant de faim, ruiné, tout nu,
Avili, vexé, que fais-tu?
Peuple! tu te désoles.
Cependant le riche effronté,
Qu'épargna jadis ta bonté,
T'insulte et se console⁴.

Анонимный автор (Сильвен Марешаль) воспевал в этих стихах «святое равенство». Тому, что мы называем теперь «парламентаризмом», он противопоставлял бабувизм:

O vous, machines à décrets,
Jetez dans le feu sans regrets
Tous vos plans de finance.
Pauvres esprits! Ah! laissez nous.
«L'Égalité» saura sans vous
Ramener l'abondance⁵.

Затем автор уговаривал солдат присоединиться к народу, чтобы совершить революцию и достигнуть «общего счастья»⁶.

¹ «Paris», etc., т. III, стр. 110. 124.

² См. выше, стр. 758—759.

³ «Paris», etc., т. III, стр. 211.

⁴ Умиравший с голода, разоренный, униженный, преследуемый народ! Что делаешь ты теперь? Ты находишься в унынии. Между тем бесстыдный богач, которого ты когда-то пощадил по своей доброте, оскорбляет тебя и утешается.

⁵ О, вы, машины для издания декретов! Бросьте без сожаления в огонь все ваши финансовые проекты. Жалкие умы! Оставьте нас в покое. «Равенство» сумеет без вас вернуть изобилие.

⁶ Я напечатал всю эту песню в «Paris pendant la réaction», т. III, стр. 72.

Эта песня распевалась при одобрениях слушателей если не на улицах, то по крайней мере в кофейнях¹.

Когда заговор был открыт, то известие об этом было встречено сначала с недоверием², а потом с довольно заметным неодобрением³. Всякого злоумышленника стали называть Бабёфом, особенно если его постигла неудача⁴. В прериае IV года была сделана тщетная попытка распространить памфлет с целью возбудить жалость народа к Бабёфу⁵. Более интереса возбуждал к себе Друэ, об участии которого распевали sentimentalный романс на улицах Периге⁶. К личности Бабёфа публика оставалась равнодушной⁷. В термидоре IV года тайное демократическое общество, общество «Французского Деция», приглашало народ восстать, чтобы предупредить подготавливающиеся убийства, но не называло Бабёфа и говорило об уважении к собственности⁸. Во время процесса раздавался ропот на медленность суда, но приговор был встречен равнодушно, и полиция при всей ее внимательности к проявлениям парижского общественного мнения не сообщает по этому поводу ничего или почти ничего. Только две газеты осмелились высказаться свободно: правая оппозиционная газета «La Véridique» оплакивала эту смертную казнь, постигшую людей за сочинения, которые не имели никакого влияния, а демократическая «Газета свободных людей» называла Бабёфа и Дартэ «мучениками свободы»⁹. Парижские рабочие не волновались; Бабёф никогда не пользовался такого рода популярностью, какую пользовался, например, Марат, а быть может, даже и вовсе не пользовался популярностью. Его слушали до известной степени, когда он говорил языком II года, когда он хотел вернуть изобилие террористическими мерами, когда он поносил Директорию. Как политический писатель он нравился; как социалист он, повидимому, вызывал только удивление.

Бабёф и его товарищи были преданы национальному верховному суду, заседавшему в Вандоме. Прения тянулись долго: с 2 вантоза по 7 прерияля V года. Подсудимых было числом 64, из которых 13 отсутствовали и были судимы заочно; в числе них — Друэ (убежавший из тюрьмы при помощи, как гово-

¹ «Paris pendant la réaction», т. III, стр. 119.

² Ibid., стр. 178.

³ *Buchez et Roux*, т. XXXVII, стр. 158, говорят даже, на основании устных преданий (они писали в 1838 г.), что неодобрение было всеобщим.

⁴ «Paris», т. III, стр. 245.

⁵ Ibid., стр. 209.

⁶ Ibid., стр. 269.

⁷ Ibid., стр. 266.

⁸ Ibid., стр. 340.

⁹ Ibid., стр. 869; т. IV, стр. 141, 143, 151.

рили, члена Директории Барраса), Робер Лендэ, Фелике Лепелетье и Россиньоль.

Ни в обвинительных актах, ни в вопросах, предложенных присяжным, не было речи о «социалистических» мнениях подсудимых. Вопросы, поставленные присяжным, были подразделены на пять серий, соответственно пяти категориям подсудимых. В них говорилось о заговоре с целью распустить Законодательный корпус и восстановить граждан «против законного осуществления верховной власти». Все эти вопросы резюмировались в одном, а именно: было ли со стороны подсудимых возбуждение к восстановлению конституции 1793 г. Ответ оказался утвердительным по отношению к Бабёфу и Дартэ, которые и были вследствие этого приговорены к смертной казни (и казнены на следующий же день, 8 прериаля V года); утвердительным, но с смягчающими обстоятельствами по отношению к Буонаротти, Жержену, Моруа, Казену, Блондо, Буену и Менессье; отрицательным по отношению ко всем остальным 55 подсудимым, которые и были оправданы, в числе них: Фийон, Леньело, Рикор, Амар, Вадье, оба Дюпле, Антонелль, Друэ, Робер, Лендэ, Фелике-Лепелетье, Россиньоль, Кретьен, Паррен, Жорри.

Заключительное слово президента верховного суда дает очень ясное понятие о несостоятельности обвинения, воздвигнутого против бывших членов Конвента. Прения показали, что Рикор и Леньело, совершенно чуждые заговору, только присутствовали при некоторых переговорах между бабувистами и демократами. Ни одного документа не было представлено также против Амара и Вадье, которые даже не принимали участия ни в каких переговорах. Что касается Друэ, то хотя не подлежало сомнению, что в глубине сердца он был сторонником конституции 1793 г. и что у него в доме происходило совещание 19 флореаля, но тем не менее вовсе не было доказано, чтобы он принимал хоть какое-нибудь участие в заговоре. Гризель донес на Робера Лендэ как на присутствовавшего на совещании 19 флореаля; но когда у Гризеля потребовали описания личности Лендэ, он сказал, что у него были седые волосы, между тем как волосы были у него совсем черные.

Однако если бывшие демократические члены Конвента и не участвовали в заговоре (за исключением, быть может, Друэ), то было все-таки очевидно, что значительное число демократов, не бывших ни тогда, ни прежде депутатами, вступило в союз с бабувистами с целью низвергнуть конституцию III года или, по крайней мере, добиться того, чтобы она проводилась в жизнь людьми левого лагеря вместе с их общей политикой. Впрочем, еще ранее созыва верховного суда уже обнаружился один из признаков и результатов этого союза.

В самом деле, вслед за неудачей бабувистского заговора, но еще до начала процесса, демократы попытались насильственно овладеть властью. Они знали, что их меньшинство; но разве восставшее меньшинство не бывает иногда способно увлечь за собою народную массу? Эти предшественники Бланки (если их можно так назвать) сначала только попробовали почву: в ночь с 10 на 11 фруктидора IV года, в тот момент когда заключенных должны были отправлять в Вандом, по Парижу разбрасывались белые кокарды и роялистские сочинения, с целью вызвать движение среди республиканцев. Эта попытка не удалась. 23 числа того же месяца, около шестисот или семисот демократов попытались произвести восстание среди солдат Гренельского лагеря криками: «Да здравствует республика! Да здравствует конституция 1793 г.! Долой Советы! Долой новых тиранов!» Солдаты стали стрелять по кричавшим, причем многие из них были арестованы. Директория добилась закона, в силу которого арестованных предали военному суду, произнесшему 27 фруктидора IV года и 6 брюмера V года несколько смертных приговоров, в том числе против трех бывших членов Конвента: Гюгэ, Кюссе и Жавога.

IV

Дело Бабёфа и дело Гренельского лагеря повлекли за собою реакцию, которой воспользовался роялизм; или, по крайней мере, эта реакция привела к тому положению вещей, которое получило название роялистской опасности.

Мы видели, что в момент роспуска Конвента роялистская партия находилась в упадке как в тех местах, где она должна была носить маску, так и там, где она боролась открыто¹. В Париже победа, одержанная Конвентом в день 13 вандемьера IV года, заставила ее, так сказать, снова скрыться под землю. В Вандее Шаретт еще раз взялся за оружие, но граф д'Артуа после короткого пребывания на острове Иё сел обратно на свои суда². Гош очень искусно и успешно умиротворял страну, вследствие чего положение вождей инсurreкции стало отчаянным. Стоффлэ и Шаретт были взяты и расстреляны, первый — 6 вантоза, второй — 9 жерминаля IV года. Остальные вожди вступили в переговоры. Королевской армии не существовало более. Бретань также была умиротворена: Кадудаль сложил оружие 3 мессидора IV года. В то же самое время Фротте, поднявший восстание в Нормандии, увидел, что сто-

¹ См. выше, стр. 639—640.

² Граф д'Артуа отправился тогда в Эдинбург, где жил в течение всей эпохи Директории. Оттуда именно при большом или меньшем участии Людовика XVIII он организовал различные нападения на Францию.

ронники покидают его, и уехал в Лондон. После этого Нормандия оставалась спокойной в течение более года.

Повеление Людовика XVIII взяться за оружие в тот момент, когда он провозгласил себя королем, относилось, без сомнения, по мысли претендента, не только к Пуату и Вандес. Восстания произошли тогда также и в других местах, но слишком поздно, чтобы произвести диверсию, которой могли бы воспользоваться вандейские инсургенты. В жерминале IV года вспыхнуло роялистское восстание в департаменте Эндры, в местечке Паллюо. Генерал Дезанфан очень скоро подавил его; но в это же время вспыхнуло другое, более серьезное восстание в нескольких коммунах бывшего Сансерского округа, которые не признавали конституции и не хотели выбирать своих муниципальных советов. Эта маленькая область, жившая тогда как бы без законов, сделалась притоном дезертиров и непокорных священников. Мятеж начался в Жарсе. Шайка крестьян надела белую кокарду, ударила в набат, срубил деревья Свободы, сожгла административные бумаги и при криках: «Да здравствует король!» «Да здравствует религия!» увлекла за собой всех местных жителей в поход против Сансера. 13 жерминаля IV года они овладели этим городом. Директория выслала войска с генералом Шерером во главе. Мятежники потерпели поражение, и Сансер был освобожден (19 и 20 жерминаля). Порядок почти немедленно же был восстановлен повсюду.

Тем временем произошло еще одно роялистское восстание у самых ворот Парижа, в Пьеррефите. В «Gazette française» от 25 жерминаля IV года читаем следующее: «16 жерминаля отряд числом около ста человек, вооруженных пиками, вилами и косами, двинулся в коммуну Пьеррефит, где он принудил муниципалитет собраться на заседание и выдать ему свои журналы и бумаги, а равно декреты, списки принудительного займа и земельного налога; все это было сожжено. Затем инсургенты призвали школьного учителя, гражданина Дуэ, которому, так же как и всему муниципалитету, прочли от имени короля постановление об отмене всех республиканских актов. Секретарь муниципалитета принужден был громко прочесть это постановление и закончить его криками: «Да здравствует король!» «Да здравствует религия!» Затем инсургенты повлекли муниципалитет и школьного учителя к дереву Свободы. Учитель, несмотря на свой отказ, должен был, чтобы избежать грозившей ему смерти, нанести дереву первые удары; затем он передал топор членам муниципалитета, которые также должны были рубить дерево; разбойники dokonчили; после этого дерево было протаскано по грязи и сожжено. В заключение они привязали к вершущке колокольни белое знамя, на котором

заставили секретаря муниципалитета написать: «Да здравствует король!» «Да здравствует религия!» Я не нашел никакого документа, относящегося к последствиям этого восстания; но уже одно то, что газеты не упоминали более об инсургентах Пьеррефита, показывает, что порядок в этом кантоне был восстановлен скоро и без труда.

Таким образом вооруженные королевские восстания были в этот момент подавлены. Если еще и происходили кое-где беспорядки, то очень незначительные.

Военные и дипломатические победы республики в первые годы правления Директории заставили французских роялистов притаиться. С жерминаля по мессидор IV года велась война в Германии, сопровождавшаяся успехами рейнской армии, во главе которой стоял Моро, и успехами маасской армии, которой командовали Журдан и Клебер. С жерминаля по термидор того же года велась итальянская кампания, сопровождавшаяся победами Бонапарта: Монтенотте, Миллезимо, Мондови, Лоди, вступление в Милан, осада Мантуи, Кастильоне. 29 термидора и 8 фруктидора IV года французская республика заключила мир с герцогом Вюртембергским и маркграфом Баденским, которые уступили ей свои владения по левому берегу Рейна. В вандемьере V года король обеих Сицилий объявил себя нейтральным.

Но вот с начала V года положение меняется. Если в Италии Бонапарт еще продолжает одерживать победы (учреждение Циспаданской республики, победы при Риволи и Фаворите), то в Германии французы терпят серьезные неудачи (отступление Журдана, смерть Марсо, отступление Моро, потеря Келя и Гюнингена). Всего более волнует общественное мнение неудача переговоров с Англией (вандемьер — фример V года). Итак, этой войне не будет, значит, конца!

С другой стороны, союз демократов с бабувистами снова разжег ненависть к якобинцам, анархистам и террористам. Папистское духовенство (о котором мы будем говорить ниже) вело интриги в деревнях. Поднималось недовольство против Директории, которая не сумела ни добиться внешнего мира, ни поддержать внутренний мир.

Это недовольство не было достаточно сильно и всеобщее, чтобы побудить роялистов немедленно же взяться за оружие; но им казалось все-таки, что положение было благоприятно для заговора.

Тайная организация роялистской партии состояла из двух отдельных организаций: военной и политической¹. Военная

¹ О происхождении этой тайной организации, предшествовавшей 13 вандемьере, см. *Ch. L.-Chassin, Les Pacifications de l'Ouest*. т. I, стр. 115—118. Эти подробности стали известны благодаря показаниям Дюверн де Прелл. См. эти показания у Буше и Ру, т. XXXVII, стр. 437—445.

организация, которою руководил Преси, обнимала Франш-Конте, Лионскую провинцию, Форез, Овернь и весь юг. Политическая организация распространялась на всю Францию, имея своею главной резиденцией Париж; во главе ее стояли: аббат Бротье, Денонель, Лавилернуа, Дюверн де Прель. Она состояла из двух тайных обществ с лозунгами и паролями: 1) «общества друзей порядка», имевшего в качестве исполнительного комитета «товарищество легитимных сыновей», которые давали клятву быть верными своему законному королю; 2) «филантропического института», членами которого были более робкие роялисты, эгоистические и равнодушные, а также наиболее горячие из консерваторов, противников якобинцев и анархистов. Им даны были следующие инструкции: 1) сближать и связывать между собой честных людей; 2) противиться влиянию анархистов в первичных собраниях; 3) доставлять Законодательному корпусу честных и непорочных членов; помогать правительству, быть всегда его бдительным оком по отношению к анархистам и быть его резервным корпусом во всех критических обстоятельствах»¹. Каждый член этого общества в каждом кантоне должен был вотировать за кандидата, указанного «институтом».

Королевские агенты не должны были принимать на себя «никаких обязательств, которые позволили бы думать, что король намеревался восстановить монархию на новых основах». Король будет устранять злоупотребления, но «ничто не могло бы заставить его изменить государственный строй» старого порядка. Однако с королем велись тогда переговоры. Эти факты обнаружались из тех признаний, которые сделал Дюверн де Прель, когда был арестован. Он прибавил, что в июне 1796 г. (прерналь или мессидор IV года) одна из партий «предлагала служить королю на том условии, чтобы не было никаких перемен в действовавшей тогда конституции, кроме сосредоточения исполнительной власти в его особе... Король принял предложенные услуги, но хотел оспаривать поставленное условие. Он потребовал вследствие этого, чтобы ему прислали уполномоченного»². На это партия не решилась. Дюверн де Прель думал однако, что она насчитывала до 184 членов в обоих Советах. Но он прибавляет, что роялисты создавали себе иллюзии относительно числа своих сторонников; когда же им приходилось действовать, они замечали, что их очень мало.

¹ Chassin, Les Pacifications, т. II; стр. 25.

² Находились роялисты, которым не нравились даже эти слабые полномочия на переговоры. Так, Пюизэ выразил свой протест 1 января 1797 г. (12 нивоза V года) и заявил, что желал восстановления «монархии во всем ее блеске» (Chassin, *ibid.*, т. III, стр. 23).

В конце концов королевские агенты попытались завербовать двух офицеров: Малё, командира 21-го драгунского полка в Париже, и Рамеля, командира гренадеров Законодательного корпуса; те сделали вид, что приняли предложение, а потом выдали их. Тогда главные вожди, Лавилернуа, аббат Бротье, Проли и Дюверн де Прель, были арестованы и бумаги их захвачены. Они были преданы военному суду, но приговорены только к тюремному заключению. Лавилернуа был отправлен в ссылку 18 фруктидора.

После неудачи этого заговора¹ Людовик XVIII, повидимому, отказался от дальнейших комплотов и примирился с «оппортунистической» политикой. В своей прокламации к французам от 10 марта 1797 г. (20 вантоза V года) он, казалось, отказывался от желания вернуть себе трон силой и, не отрекаясь от абсолютистской программы, приглашал своих сторонников участвовать в приближавшихся выборах с целью способствовать избранию умеренных людей, противников террористов. «Направляйте готовящиеся выборы, — говорил он, — в пользу благонамеренных людей, друзей порядка и мира, неспособных изменить достоинству французского имени, людей, добродетели, просвещенность и мужество которых могут помочь нам вернуть нашему народу его счастье. Обещайте верную награду, пропорциональную оказанным услугам, военным всех чинов и членам всех административных учреждений, если они будут содействовать восстановлению религии, законов и легитимной власти, но избегайте прибегать для восстановления их к тем зверским средствам, которые были употреблены для их низвержения. Ждите успеха от общественного мнения, которое одно может сделать его прочным и продолжительным; если же необходимо будет прибегнуть к силе оружия, то по крайней мере прибегайте к этому жестокому средству лишь в крайнем случае, чтоб доставить законной власти справедливую и необходимую поддержку».

Таким образом претендент поощрял политику замаскированных роялистов, не абсолютистов, в обоих Советах, роялистов, которые, примирившись временно с республикой, сблизились с Директорией, когда обнаруженный заговор Бабёфа объединил всех «консерваторов» против «социалистической опасности»; в числе этих «присоединившихся» были: Матьё Дюма, Пасторэ, Мюрэр. Неудача заговора Бротье показала всем роялистам, как абсолютистам, так и «конституционали-

¹ Заведывание королевскими делами в Париже было возложено тогда на привда Тремойль; но он ничего не сделал и после 18 фруктидора уехал в Лондон. Затем пытались восстановить тайное агентство короля аббат д'Эсгриньи и де Рошко, но без всяких полномочий (*La Sicotière, Louis de Frotté et les insurrections normandes*, т. II, стр. 95, 97, 114).

стам», что для приготовления почвы к восстановлению королевской власти необходимо было поддерживать в течение некоторого времени конституцию III года, устранить, опираясь на эту конституцию, социальную опасность, обусловленную союзом демократов с бабувистами, доставить торжество идеям порядка и в конце концов прийти к восстановлению королевской власти мирными и законными путями. Даже бывшие вожди восстаний признавали, что положение дел отняло у роялистов возможность насильственных попыток. Так, Фротте, вернувшись во Францию в жерминале V года (но без денег и инструкций), говорил, что в Нормандии не хотели больше гражданской войны, а желали «добиться королевской власти путем небольших волнений и декретами обоих Советов¹».

Выборы V года дали результаты, соответствовавшие желаниям и советам претендента. Они носили самый «антитеррористический» характер. Из 216 вышедших членов Конвента вновь было выбрано не более двенадцати. Попали в депутаты преимущественно недовольные, люди, критиковавшие средства и результаты как внутренней, так и внешней политики Директории, а особенно критиковавшие ее религиозную политику, суровые меры против папистских священников, запрещение звонить в колокола. Нельзя сказать, чтобы на этих выборах был поставлен вопрос о «монархии или республике». Вражда к Директории и к бывшим членам Конвента обнаружилась не только в западных и в северных департаментах, модерантизм которых был хорошо известен; она обнаружилась также и в доброй половине тех юго-восточных департаментов, которые отличались своим республиканским духом². Если департаменты Од, Гар и Восточных Пиренеев высказались в благоприятном для Директории смысле, то департаменты Устьева Роны, Эро и Вар дали большинство оппозиции правой стороны. Те 49 департаментов, выборы которых были уничтожены государственным переворотом 18 фруктидора, оказались разбросанными по всей Франции, а так как роялизм был действительно силен только в Бретани, Нормандии, Пуату, Лозёре и среди некоторых жителей больших городов, то эта разбросанность показывает, что люди, попавшие в число депутатов, были выбраны не в качестве роялистов, а в качестве просто недовольных.

Тем не менее, хотя ни один из избранных депутатов не называл себя роялистом, не подлежит сомнению, что среди них находились и роялисты. Таковыми были: в департаменте Сены—Флёрё, бывший морской министр Людовика XVI; в де-

¹ La Sicotière, т. II, стр. 94.

² См. выше, стр. 696—697.

партаменте Устьев Роны — генерал Вилло, а в департаменте Юры — генерал Пишегрю, оба состоявшие в сношениях с президентом; в департаменте Роны — Эмбер-Коломес, эмигрант и агент Бурбонов.

В обоих Советах большинство немедленно же изменилось. Совет пятисот большинством 387 голосов из 404 избрал своим президентом генерала Пишегрю, роялизм которого еще не был обнаружен тогда, но который был явным противником Директории. Совет старейших (в протоколе не сказано, каким числом голосов) избрал своим президентом Барбе-Марбуа, бывшего дипломата старого порядка. 5 прериаля Совет пятисот должен был составить список десяти кандидатов Летуриёра. Мы уже видели, что во главе этого списка оказался умеренный, бывший маркиз Бартелеми, посланник в Швейцарии (за него было подано 309 голосов). Все остальные кандидаты принадлежали к оппозиции правой стороны (в числе их Тарбе, бывший министром при монархии), за исключением Шарля Кошона, единственного, которого удалось провести правительственным республиканцам (он получил 240 голосов). Избрав Бартелеми 138 голосами против 75, поданных за Кошона¹, Совет старейших показал, какова была в его среде приблизительная численность нового большинства.

Упомянем теперь о главнейших законах, которыми это новое большинство подтвердило свою реакционную политику.

1 прериаля V года бывшие депутаты Эйме, Мерсан, Ферран-Вальян, Го и Полиссар, исключенные незадолго перед тем как не имевшие права быть выбранными, были снова призваны в Законодательный корпус.

9 мессидора был отменен закон 3 брюмера IV года.

22 и 30 прериаля депутаты Рюмар и Эмбер-Коломес были вычеркнуты из списка эмигрантов.

7 термидора были запрещены клубы.

25 термидора и 13 фруктидора была реорганизована национальная гвардия с целью устранить из нее те демократические элементы, которые еще могли проникнуть в нее.

7 фруктидора были отменены законы относительно ссылки или заключения в тюрьму неприсягнувших священников.

В общем, возобновленный Законодательный корпус стремился изгладить все, что только еще оставалось революционного в способе применения конституции III года, и отменил значительную часть исключительных законов, незадолго до того изданных против врагов революции. Во время прений по поводу этих мер не произошло ничего такого, что позволило бы сказать, что новое большинство было роялистским, но оно

¹ См. выше, стр. 727.

насчитывало роялистов в своей среде, и эти роялисты оказали свое влияние.

Оставаясь верными инструкциям претендента, они поддерживали умеренных буржуазных республиканцев против республиканцев демократов и антиклерикалов. Всего более озабочивали их и объединяли интересы религии. Даже вне Законодательного корпуса самые горячие роялисты примыкали к новой тактике. В одном проекте прокламации от 1 августа 1797 г. (14 термидора V года) Фротте говорил: «Наше место во всех тех рядах, где будут бороться, чтобы спасти Францию от анархии и наказать преступление»¹.

Читая газеты и протоколы заседаний Советов, легко видеть что между политическими деятелями происходили тогда страшные раздоры, что одних из них называли роялистами и шуаннами, а других — якобинцами, анархистами и террористами. Но при попытке разобраться в лицах или программах и установить хоть какую-нибудь классификацию, всякая почва ускользает из-под ног. В своих письмах от фруктидора V года, адресованных из Берна венскому двору и основанных на сведениях, приславшихся роялистами из Парижа, Маллэ-дю-Панан говорит следующее: «Чтобы понять поведение, изменчивость и колебания Законодательного корпуса, необходимо помнить, что, со времени вступления в него новой трети, большинство в обоих Советах раскололось на три части. Первая из них, во главе которой стоят Пишегрю, Вилло, Буасси, Дюмоляр, Катремер, Эмбер-Коломес, Ларивьер, Буаро, Мерсан, Пасторэ и т. д., хочет подорвать сильными ударами революционное здание, ослабить власть Директории, добиться во что бы то ни стало внешнего мира и открыть доступ монархии. Вторая, значительную часть которой составляет большинство Совета старейших, также хочет добра, но хочет действовать медленно; она боится короля, эмигрантов, всякой быстрой и полной контрреволюции. Третья, с Тибодо, Эммери, Вобланом и Бурдоном во главе, хочет конституции в ее чистом виде, хочет ослабить Директорию и сохранить республиканский строй; она ненавидит короля и всех выдающихся эмигрантов за их репутацию, за их просвещение и за то влияние, которое снова могло бы вернуться к ним»².

Достаточно одного следующего факта, чтобы показать, до какой степени эта классификация была ненадежна. Тот самый Дюмоляр, которого Маллэ Дюпан характеризует как непримиримого роялиста (и который стал потом жертвою 18 фруктидора), был тогда президентом Совета пятисот, и вот что он

¹ *La Sicotière*, т. II, стр. 103.

² *Mallet du Pan*, *Correspondance avec la cour de Vienne*, т. II, стр. 331.

говорил 23 термидора V года на празднестве в честь годовщины событий 10 августа: «Горе тому, кто сохранил бы мысль о восстановлении трона. Какая ошибка думать, что люди, которые истерли его в порошок, будут трудиться над тем, чтобы снова воздвигнуть его; что основатели республики захотят, забывая о своей славе и пресмыкаясь в грязи, служить презренными орудиями свободоубийственной мятежной фракции, которая предала бы их сосредоточенной ярости людей, желающих разорвать их на куски. Найдется ли, граждане, среди вас хоть один такой, который если бы не содействовал активно низвержению монархии, то по крайней мере не провозглашал бы открыто, в своей сфере, неотчуждаемых прав народа? Кто из вас захотел бы вступить в сделку с королями? Кто захотел бы, победив их, когда они были могущественными, унижаться перед ними, когда они побеждены?» Теперь я спрашиваю: возможно ли причислить к роялистам человека, который по своей собственной инициативе произнес такую страстную республиканскую речь?

Люди того времени много говорили об орлеанской партии, но она, повидимому, существовала только в их воображении. Герцог Шартрский (ставший герцогом Орлеанским после смерти своего отца Филиппа Эгалитэ) эмигрировал вместе с Дюмуре в апреле 1793 г. и жил в Швейцарии, не вызывая никаких разговоров о себе. 3 плювиоза IV года в «Moniteur» появилось известие, что он только что сел на корабль в Стокгольме, чтобы ехать в Северную Америку; его два брата, герцоги Монпансье и Божолэ, задержанные в Марсели, были освобождены 3 брюмера V года и сели на корабль, отправлявшийся в Филадельфию. Все трое оставались в Америке до времен Консулата. Живя так далеко от Франции, какое могли они иметь влияние? Однако монархисты, не желавшие восстановления старого порядка, должны были логически признавать своим кандидатом герцога Орлеанского, так как Людовик XVIII уже заявил о своем желании восстановить старый порядок, тогда как герцог примкнул к основным принципам революции и, сделавшись эмигрантом, не поднимал оружия против Франции. Сторонники Людовика XVIII очень боялись его. В прокламации от 1 января 1797 г. граф Пюизэ говорит: «Бесчестный герцог Орлеанский, незаслуженно удостоившийся смерти мученика, ожил в своем сыне: мятежники удалили его теперь, чтобы снова вызвать на сцену, когда настанет время»¹.

После отъезда герцога в Америку стало циркулировать письмо госпожи Жанлис к своему бывшему ученику, где, указав на то, что существовала партия, желавшая возвести его

¹ Chassin, Pacifications, т. III, стр. 23.

на трон, она убеждала его не внимать голосу этой партии: «Вам ли претендовать на королевскую власть! Вам ли сделаться узурпатором, чтобы уничтожить республику, которую вы признали, которую вы полюбили и за которую храбро сражались!» Газеты много говорили об этом письме¹, снова обратившем общественное внимание на герцога Орлеанского. В вандемьере V года прошел слух, что он был во Франции, в Ренне, и что агент его, бывший член Учредительного собрания Вуадель, скоро будет назначен министром полиции². Реакционный «Республиканский вестник» стал заявлять (13 вандемьера V года), что орлеанская партия делалась слишком сильной, что она имела на своей стороне Брюхо, часть Горы. Он говорил также³, что для отвода глаз эта партия распространила слух о существовании партии герцога Йоркского и партии эрцгерцога Карла. В фримере V года в кофейне Фуа говорилось о том, что члены Законодательного корпуса часто обедали у герцогини Орлеанской. В конце жерминаля прошел слух, что выборы были благоприятны герцогу Орлеанскому⁴. Арестованный роялист Дюверн де Прель серьезно утверждал, что герцог Орлеанский был в Париже и что существовала орлеанская партия. Эта партия была изобличена с трибуны Совета пятисот Жаном де Бри 10 вантоза V года и Дюмоларом 13 и 15 фруктидора того же года. Наконец, среди тех, которым Директория, в своей прокламации от 17 фруктидора, угрожала смертью, находились также и лица, которые «захотели бы призвать Орлеанского».

Но существовала ли тогда действительно такая партия или хотя бы такая отдельная влиятельная личность, которая действовала бы в пользу герцога Орлеанского? Нет ни одного документа и ни одного факта, которые позволили бы сказать это.

Мы видим, следовательно, как трудно разобраться в мнениях и группировке нового большинства, явившегося результатом выборов V года, как трудно утверждать или безусловно отрицать, что это большинство желало восстановления какой бы то ни было монархии, абсолютной или ограниченной. Мы можем только сказать с достоверностью, что тогда существовал союз всех реакционеров⁵. Если бы эта коалиция одер-

¹ См. напр. «L'Éclair» от 19 термидора IV года.

² «Paris pendant la réaction», etc., т. III, стр. 489.

³ Ibid., стр. 546.

⁴ Ibid., стр. 591; т. IV, стр. 43, 60.

⁵ Употребление этого слова по отношению к той эпохе является, быть может, анахронизмом. Я встречаю его в первый раз только в полицейском докладе от 11 флореала VII года, где идет речь о «неисправимых реакционерах» («Paris pendant la réaction», etc., т. V, стр. 490). Но слово «реакция» уже употреблялось для характеристики белого террора III года (см. «Le Moniteur», переизд., т. XXVI, стр. 253). Обращаясь к

жала победу в своей борьбе с Директорией, то весьма вероятно, что, из боязни оказаться немедленно же распавшейся, она должна была бы удержать республиканский государственный строй и образовать смешанное правительство с участием роялистов и умеренных¹.

V.

Если обратить внимание на сущность дела, то легко заметить, что яблоком раздора между двумя враждебными лагерями, сторонников которых называли «роялистами» и «республиканцами», служил религиозный вопрос.

Статья 354 конституции III года так определяла религиозный порядок, установленный во Франции: «Никто не может быть тревожим в отправлении избранного им культа, если оно сообразуется с законами. Никого не следует принуждать участвовать в расходах на культ. Республика не будет оплачивать ни одного из них». Это был режим светского государства, то отделение церкви от государства, о происхождении и установлении которого мы уже говорили².

Господство этого режима повело к возникновению многих и разнообразных форм религиозной, моральной и интеллектуальной жизни. Возникали новые религиозные группы, появлялись новые церкви и новые культы, прежние религиозные группы начинали эволюционировать.

Можно сказать, что в религиозных делах общая политика правительства, за все время существования буржуазной республики, сводилась приблизительно к следующему: наблюдать за тем, чтобы религиозные группы уравнивали и нейтрализовали друг друга в пользу независимости светского государства; мешать какой бы то ни было религии сделаться господствующей; руководить конкуренцией между различными церквями; отстранять смертельные удары, которые одна из них могла бы нанести другой. Это была как бы роль посредника, но не беспристрастного. Директория относилась с предубеждением к римско-католической церкви. Эта церковь была самой могущественной; она была очень сильна и угрожала подчинить себе другие церкви и само государство. Правительственная политика стремилась ослабить ее и даже уничтожить совсем, так как ее догматы казались несовместимыми с принципами республики.

жителям юга в прокламации от 14 жерминаля IV года, Директория говорит им о «шести годах бури и реакции», которые они только что пережили (*ibid.*, т. XXVIII, стр. 163).

¹ См. *La Sicotière, Louis de Frotté*, т. II, стр. 100.

² См. выше, стр. 640—650.

Что Директория действительно желала уничтожить католическую церковь, что она желала этого по крайней мере в известный момент, это вытекает не только из общего характера ее политики: она формально заявила о таком своем намерении в одном письме, подписанном тремя из ее членов (Ларевельером-Лепо, Баррасом и Ребеллем) и адресованном к генералу Бонапарту 15 плювиоза V года. В нем говорилось следующее: «Следя со вниманием за всеми препятствиями, которые мешают упрочению французской конституции, Директория заметила, что католический культ представляет собою то именно препятствие, которым враги свободы уже могли в течение долгого времени пользоваться самым опасным образом. Вы слишком привыкли размышлять, гражданин генерал, чтобы не понимать так же хорошо, как и мы, что католическая религия всегда будет непримиримым врагом республики: во-первых — по самой своей сущности, а во-вторых — потому, что ее служители и адепты никогда не простят республике тех ударов, которые она нанесла богатству и престижу первых, предрассудкам и привычкам вторых. Следует, без сомнения, принять меры внутри государства, с целью подорвать нечувствительно ее влияние как законодательными путями, так и такими учреждениями, которые изгладили бы прежние впечатления и заменили бы их новыми, более соответствующими современному порядку вещей. Но существует еще один пункт, быть может, не менее существенный для достижения желательной цели: надо уничтожить, если это возможно, объединяющий центр римско-католической церкви, и вам именно, умевшему совместить в себе самые выдающиеся способности полководца со способностями просвещенного политика, предстоит осуществить эту задачу, если вы найдете ее осуществимой. Ввиду этого Исполнительная директория приглашает вас сделать все, что вы сочтете возможным (не нарушая при этом безопасности вашей армии, не лишая себя ни одного из ресурсов, какие могли бы вам представиться для удовлетворения потребностей вашей армии и для пользы республики, и не разжигая вновь фанатизма в Италии, вместо того чтобы ослабить его), чтобы уничтожить папское правительство, передав Рим во власть другой державы, или же (что было бы еще лучше) установив там такую форму внутреннего правительства, которая заставила бы население презирать и ненавидеть правление священников, — так чтобы у папы и священной коллегии не осталось ни малейшей надежды на то, что они будут когда-нибудь снова заседать в Риме, и чтобы они были принуждены искать для себя убежища где-либо в другом месте, где у них не было бы по крайней мере светской власти». Это было не приказание, данное Директорией Бонапарту, а простое пожелание, высказанное ею. Генералу предоставлялось

собразоваться с ним, если он нашел бы это возможным и полезным¹.

В этом письме как нельзя лучше выясняются затаенные намерения большинства Директории в пловиозе V года, когда победы итальянской армии ставили, повидимому, папу в полную зависимость от французского правительства.

С другой стороны, почти вся религиозная политика Директории, не только в период, следовавший за 18 фруктидора, когда ей была предоставлена диктаторская власть по отношению к папистскому духовенству, но также и в период, изучаемый нами теперь, характеризовалась следующими стремлениями: оказывать покровительство бывшей конституционной церкви как элементу противовеса, но вместе с тем бороться с ней, поскольку ее учение противоречило республиканским законам (женитьба священников, развод, празднование десятого дня декад); не обращать внимания на протестантские и израильтские группы, которые вели себя благоразумно; покровительствовать развитию новых культов на рационалистической подкладке, так чтобы они вытесняли постепенно древние культы с мистической основой; изгнать мало-помалу из национального сознания религию, основанную на Откровении, воспитывая это сознание при помощи светской системы народного просвещения и гражданских празднеств.

Будем говорить сначала о рационалистических группах.

Избранная часть свободных мыслителей принадлежала тогда к официальному составу Французской академии. Эти оставшиеся в живых сотрудники Энциклопедии или их ученики находили для себя мораль и религию в организованной науке; они считали свою группу представительницей этой организованной науки, «живой энциклопедией». За исключением очень немногих из их среды, формой их свободной мысли был деизм.

Это избранное меньшинство поддерживало вкус к свободной мысли в высших сферах буржуазного общества, хотя католицизм снова начинал входить там в моду; кроме того, оно стояло, так сказать, во главе той более обширной рационалистической группы, которая приняла национальную, народную форму и которую называли как тогда, так и позднее церковью декад, а ее культ — культом декад. Это была попытка собирать периодически весь французский народ вокруг алтаря отечества для обоготворения самого отечества; это отечество, хотя и представляло собою нечто познаваемое и мыслимое, но оно было так горячо любимо, во имя его было пролито так много крови и принесено так много жертв, что предполагалось, что оно могло приобрести в глазах всех французов престиж мисти-

¹ Arch. nat., AF. III 20, № 288.

ческой сущности и послужить для них объединяющей, всеми признанной связью. Происхождение этого культа не было искусственным: алтари отечества воздвигались самопроизвольно в 1789 и 1790 годах, когда, благодаря восстанию коммун и их группировке, благодаря областным федерациям и общей национальной федерации, было основано новое отечество. Из всех новых алтарей ни у одного не было сначала такого огромного числа искренних приверженцев, как у этого алтаря отечества; мы уже видели, что с этой именно религией патриотизма постепенно слились, поглощаясь ею и исчезая в ней, все другие искусственные культы, изобретавшиеся сначала гебертистами, а потом робеспьеристами. Пока все физические и умственные силы французов были заняты национальным объединением и борьбой с врагами этого объединения, пока этот культ был боевым культом, он оставался народным, он одушевлял людей и поглощал собою всего человека; но когда отечество уже было создано, а республика одержала победу, культ отечества занял свое место в глубине человеческой совести. Конвент захотел снова вызвать его на площади и в храмы, организовать его путем законов. По докладу Мари-Жозефа Шенье, он учредил в принципе (1 нивоза III года) праздники декад в каждом кантоне. Он вписал в конституцию III года такую статью (ст. 301): «Должны быть учреждены национальные празднества, чтоб поддержать братство между гражданами и привязать их к конституции, отечеству и законам».

Тогда уже существовали ежегодные национальные празднества. Так, ежегодно праздновалось взятие Бастилии. 2 плювиоза II года (21 января 1794 г.), по требованию парижской коммуны, Конвент издал декрет, с целью учредить празднование годовщины казни Людовика XVI; 27 июля 1793 г. он повелел праздновать годовщину событий 10 августа 1792 г. Декретом от 18 флореаля II года, кроме праздника в честь Верховного существа (который справлялся только один раз) и многих других празднеств в честь разных отвлеченных понятий (эти празднества вовсе не имели места), были санкционированы законом три национальные праздника — в дни 14 июля, 21 января и 10 августа, с прибавлением четвертого праздника — в честь годовщины событий 31 мая 1793 г. (отмененного 19 вантоза III года). 2 плювиоза III года было предписано законом праздновать также и годовщину 9 термидора. Ко всем этим политическим праздникам Конвент прибавил, накануне своего роспуска (закон 3 брюмера IV года, титул 6), праздники другого характера, о которых возвещалось в следующих выражениях:

«1. В каждом кантоне республики ежегодно будут отправляться семь следующих национальных празднеств: праздник

учреждения республики — 1 вандемьера; праздник юношей — 10 жерминаля; праздник супругов — 10 флореаля; праздник признательности — 10 прериала; праздник земледелия — 10 мессидора; праздник свободы — 9 и 10 термидора; праздник старцев — 10 фруктидора. — 2. Эти кантональные национальные празднества будут состоять в патриотических песнях, в речах о гражданской морали, в братских банкетах, в различных местных общественных играх и в раздаче наград. — 3. Программа национальных празднеств устанавливается и объявляется заранее в каждом кантоне муниципальными властями. — 4. Законодательный корпус будет сам издавать ежегодно, за два месяца вперед, декрет о том способе, которым должно будет праздноваться 1 вандемьера в коммуне, где происходят его заседания».

Хотя мы говорим теперь лишь о времени, предшествовавшем 18 фруктидору, но все-таки упомянем еще для полноты картины о законе 13 плювиоза VI года, учредившем праздник верховной власти народа, назначенный на 30 вантоза, и о законе 2 фруктидора VI года, повелевшем праздновать годовщину 18 фруктидора V года.

Эти празднества действительно справлялись во всей республике.

Политические празднества 14 июля, 10 августа, 21 января, 1 вандемьера и 14 фруктидора понимались народом, который участвовал в них с большим или меньшим энтузиазмом, смотря по месту и обстоятельствам, т. е. смотря по тому, в какой степени он ощущал потребность манифестировать против роялистов. С наибольшей торжественностью, по крайней мере в Париже, праздновалась годовщина учреждения республики (1 вандемьера).

Философские праздники, учрежденные под влиянием Жан-Жака Руссо и произведений Грёза, менее понимались народом, за исключением трех из них, имевших в практике политический характер, а именно: праздника признательности, из которого сделали праздник побед; праздника свободы, справлявшегося в дни годовщины государственного переворота 9 и 10 термидора и дававшего случай для предания официальному проклятию террора и террористов; и, наконец, праздника верховной власти народа, которым, так сказать, открывался, избирательный период в VI и VII годах. Праздники в честь юношей, супругов, земледелия и старцев, очень умело организованные постановлениями Директории, были, повидимому, оценены лишь несколькими любопытными. Католики смеялись над этими церемониями, о которых аббат де Булонь отзывался в «Католических анналах», в жерминале V года, как о «придуман-

ных» праздниках, как о «Дивическом таерстве», и старались выставить в смешном виде весь этот культ отечества¹.

Директория, впрочем, не скрывала, что эти праздники, входившие существенным элементом в план национального воспитания, набросанный Конвентом, имели целью, как она и писала об этом Бонапарту, «подорвать незаметно влияние римско-католической религии» и вытеснить «прежние впечатления новыми впечатлениями, более соответствующими новому порядку вещей, разуму и здравой морали».

Что касалось обязательной замены воскресений десятиными днями декад и празднования этих десятых дней, то такое усовершенствование нового культа произошло лишь после 18 фруктидора.

Пока же правительство покровительствовало еще одной неофициальной попытке, возникшей по частной инициативе и имевшей целью учредить, под именем «теофилантропии», своего рода рационалистическую церковь.

Теофилантропия представляла собою так называемую естественную религию, прославлявшуюся философами и поэтами XVIII века.

Естественная религия, это не религия Руссо, представлявшая собою очищенное, истолкованное савойским священником, но все еще мистическое христианство, а естественная религия Вольтера, предшествовавшая, по его мнению, христианству и стоявшая выше его; она заключалась в том, что из религий, основанных на Откровении, извлекалось небольшое число догматов, признаваемых всеми, проверенных разумом и превращенных в рациональные принципы; эти догматы и послужили основой для нового немистического культа, в связи с тою моралью, которая одинаково признавалась всеми честными людьми всех времен.

Первоначальную идею такой религии Вольтер вывез из Англии. Он очистил эту идею, придал ей более ясную формулировку и популяризировал во Франции; тогда англичане снова перенесли ее в свою страну, чтобы применить на практике.

¹ Постановления Директории, организовавшие одно за другим эти национальные празднества, очень интересны. См., особенно в «Бюллетене законов», постановления от 19 вантоза IV года (праздник юношей), от 27 жерминаля IV года (праздник супругов), от 20 флореала IV года (праздник признательности и побед), от 20 прернала IV года (праздник земледелия), от 1 мессидора IV года (праздник свободы), от 27 термидора IV года (праздник старцев), от 13 фруктидора IV года и 13 фруктидора V года (праздник учреждения республики), от 28 плювиоза VI года (праздник верховной власти народа), от 3 фруктидора VI года (празднование 18 фруктидора), от 13 мессидора V года (празднование 14 июля), от 13 термидора IV года (празднование 10 августа). Об этих празднествах в Париже см. мой сборник «Paris pendant la réaction», etc., в соответствующих местах.

В 1776 г. Давид Вильямс, автор «Литургии, основанной на всеобщих принципах религии и морали», призывал английских «свободных мыслителей» в особый храм в Лондоне, чтобы поклоняться там богу и поощрять друг в друге любовь к людям. Эта попытка, встретившая одобрение со стороны Вольтера и Фридриха Великого, имела лишь мимолетный успех, обусловленный любопытством, но во Франции она оставила более прочные следы. Ею, без сомнения, вдохновлялись ближайшие предшественники теофилантропов: Томас Пэн, Добермений¹ и Собри².

Истинным основателем теофилантропии был, повидимому, Шемен, профессор, литератор и книгопродавец. Он издал «Краткое руководство», главные идеи которого были развиты в «*Année religieuse*», и присоединил к себе четырех отцов семейств: Маро, Жанна, Валентина Гаюи и Мандара, после чего произошло первое заседание новой секты в бывшей часовой Института слепых, на улице Сен-Дени 23 нивоза V года (15 января 1797 г.).

Вот как теофилантропы определяли свою религию:

«Их собрание, говорили они, было и не было культом. Оно было культом для людей, у которых не было никакого другого культа; для людей же, признававших какой-нибудь культ, оно было только «нравственным общением».

Они обращались ко всякому, кто верил в божество, в бессмертие души, в братство, в человечество. Божеством, в которое они верили, был «бог разума», а для некоторых из них даже «расширенное представление» о божестве Дидро; они были так либеральны, что приняли в свою среду атеиста Сильвана Марешаля; а их аденты в департаменте Ду называли себя просто «филантропами». Тем не менее эта группа в ее целом была деистической, так как деизм был тогда наиболее распространенной формой свободного мышления; она была чисто рационалистической группой, так как не допускала ни Откровения, ни мистического догмата.

Но — и в этом отличительная черта рассматриваемой религии — теофилантропы никого не осуждали и не нападали ни

¹ См. мои «*Etudes et Leçons*», т. II, стр. 148.

² Извещая о появлении сочинения этого последнего, озаглавленного «*Rappel du peuple français à la sagesse et aux principes de la morale*», газета «*L'Ami des Lois*» заранее характеризовала новую рационалистическую религию. «Вот уже восемь месяцев, говорила она, как мы требуем с мольбою, чтобы нам дали мораль, при помощи которой мы снова могли бы заслужить уважение и удивление Европы и освободиться от католицизма, магометанства, протестантства и всяких других культов, сфабрикованных человеческой рукой, но предлагаемых людям под видом религий небесного происхождения. Мы просили всех добрых граждан заняться этим важным делом; пусть каждый принесет свой камень для постройки здания деизма и философии».

на какую другую религию: по их словам, они уважали и чтити все религии и избегали споров даже в целях пропаганды. «Далекие от того, чтобы стремиться свергнуть алтари какого бы то ни было другого культа, — говорит Шенен, — вы должны даже умерять рвение, которое могло бы побуждать вас приобретать новых прозелитов для нашего культа. Проповедуйте его скромно и ждите спокойно, чтобы те, которым понравится его простота, присоединились к вам. . . Будьте осторожны. . . Не старайтесь приобретать прозелитов. . . Так как вы заняты во время ваших празднеств только религией и нравственностью, то на них никогда не должно быть провозглашено ничего такого, что не соответствовало бы всем временам, всем странам, всем культам и всем правительствам».

Он беспрестанно повторяет, что надо любить отечество и республику.

Существует мораль и религия. Мораль учит нас нашему долгу, а религия побуждает нас к выполнению его. Мораль представляет собою очень прочный и широкий фундамент: «Добро — все то, что стремится к сохранению человека или его усовершенствованию. Зло — все то, что стремится к разрушению человека или порче его». Под словом «человек» «надо понимать не одного человека, а весь человеческий род».

Религия заключается преимущественно в том, чтобы собираться вместе, в семье, или в храме, с целью поощрять друг друга к выполнению требований морали.

В храмах теофилантропов не должно было быть роскоши: «Несколько нравственных изречений, простой алтарь, на который они кладут в знак признательности за благодеяния творца немного цветов или плодов, смотря по времени года; трибуна для чтения или речей — вот все украшение их храмов». Ораторы и чтецы могли надевать особую одежду (синего цвета с розовым поясом), но это не было обязательно.

Церемонии начинались призывом к отцу природы; затем наступало минутное молчание, когда каждый внутренне обозревал свою совесть. «Отец семейства мог помогать этой внутренней исповеди различными вопросами, на которые каждый отвечал самому себе». Затем верующие слушали речи, пели гимны, ставили себя лицом к лицу с природой, восхваляли весну, совершали крестины, браки, похороны, воздавали почести людям, прославившим человечество: Сократу, Венсен-де-Поллю, Жан-Жаку Руссо, Вашингтону.

Этот культ отличался чрезвычайным изяществом и тактом. В этом отношении он был аристократическим. Он обращался не к невежественной массе, а к просвещенной буржуазии. Теофилантропы надеялись через посредство избранного меньшин-

ства и без шумной пропаганды привлечь к себе современем народную массу.

Им удалось сгруппировать вокруг своих алтарей значительную часть этого избранного меньшинства. Относительный успех этой попытки организовать естественную религию, представлявшую собой до тех пор лишь форму индивидуальной мысли, придает теофилантропическому движению значение исторического факта.

Это избранное меньшинство было многочисленно и разнообразно. Мы находим среди него бывших членов Учредительного собрания, бывших членов Конвента, бывших министров, членов Академии, генералов. Вот некоторые из этих лиц: Крезе-Латуш, Гупиль де Префельн, Дюпон (Немурский), Бернарден де Сен-Пьер, Мари-Жозеф Шенье, Андриё, живописец Давид, Серван, Россиньоль, Сантерр, Жульен (из Тулузы), Гюффруа, Ламберти, Коршан, Комбаз, Юльрих, бывшие аббаты Паран и Данжу, гражданка Ожеро, мать генерала, и т. д.)¹.

Правительство покровительствовало теофилантропам иногда тайно, иногда явно. Член Директории Ларевельер-Лепо, отрицая свою принадлежность к теофилантропам, признает тем не менее в своих «Мемуарах», что он взялся лично защищать дело новой церкви перед своими сотоварищами и указать им на «счастливые политические результаты», которых можно было ждать от теофилантропии. «Директория, — говорит он, — согласилась с этим и дала приказание министру полиции Сотену покровительствовать основателям этого нового учреждения и выдавать им из полицейских сумм очень небольшие вспомоществования, в которых они могли нуждаться для отправления своего до такой степени простого и не требующего больших издержек культа. И нет сомнения, что редко секретные правительственные суммы получали такое честное и полезное употребление». Грегуар сообщает, что Директория уплатила теофилантропам их издержки по устройству своих собраний в Соборе парижской богородицы. В мессидоре V года директор департамента народного просвещения в министерстве внутренних дел Генгенэ писал своему сослуживцу Шампанье, директору первого департамента того же министерства, имея в виду обеспечить теофилантропам пользование церковью лицея Четырех наций, следующее: «Я думаю, что министр вряд ли может оказать большую услугу нравственному прогрессу, и я убедительно прошу вас, дорогой коллега, добиться от него этого решения»². Теофилантропы получили в свое распоря-

¹ См. «Catalogue d'une importante collection»... (Paris, Charavay, 1862, in-8, № 192-196) и «Inventaire des autographes de M. Benjamin Fillon» (Paris, Charavay, 1878, in-4, № 647).

² Arch. nat., F¹⁹, 470.

жение в Париже восемнадцать церквей и часовен. Министр внутренних дел рассылал бесплатно за свою подписью «Краткое руководство» Шемена по департаментам. Вскоре комиссия народного просвещения одобрила официально катехизис теофилантропов, и он сделался таким образом учебной книгой¹.

Была сделана даже попытка добиться провозглашения теофилантропии государственной религией. Таков был предмет «речи о существовании и пользе гражданской религии во Франции»², произнесенной Леклерком (из департамента Мэн-и-Луары) с трибуны Совета пятисот 9 фруктидора V года. Эта попытка не имела успеха.

VI

Переходя теперь от «рационалистических» групп к «мистическим», члены которых принадлежали к религиям, основанным на Откровении, мы видим, что две из них, израелитская и протестантская (аугсбургского вероисповедания), не возбуждали, так сказать, никаких разговоров о себе во весь период отделения церкви от государства. Строго исполняя законы, протестанты и евреи ограничились тем, что пользовались молчаливо свободой, полученной ими после многих веков преследования. Правительству не приходилось заниматься ни теми, ни другими³.

Что касается католиков, как папистов, так и непапистов, то мы уже видели, что они воспользовались новой религиозной политикой, которой держался Конвент в термидорианский период, чтобы снова организовать свой культ. Они закончили эту реорганизацию при Директории. В «Анналах религии» от 6 мессидора VI года читаем: «В начале вандемьера этого года (т. е. в конце сентября), в канцелярии министра финансов был сделан подсчет всем коммунам, в которых возобновилось публичное отправление культа. Девять месяцев назад таковых уже насчитывалось 31 214. Кроме того, 4 511 коммун добивались тогда восстановления у себя публичного богослужения;

¹ О покровительстве, которым пользовались теофилантропы, см. *Grégoire, Histoire des Sectes, t. I, passim.*

² Нац. библ., Le. 43/1322, in-8. См. также доклады Леклера от 16 и 17 брюмера и 25 фримера VI года. Нац. библ., Le. 23/1629, in-8.

³ 21 мессидора V года Буаэ (из департамента Мёрты) сказал с трибуны Совета пятисот: «...Бесполезно говорить здесь об еврейской секте, слишком малочисленной и миролюбивой, чтобы она могла причинить беспокойство. Протестанты еще менее могут внушать опасения: их принципы благоприятствуют духу политической и религиозной свободы; им принадлежит главнейшая роль в деле восстановления и установления моральной, политической и гражданской свободы во всех государствах, где она более или менее реализована; у французской свободы нет более надежных и усердных сторонников».

наконец, в этот список не был включен Париж; каждая из больших коммун считалась только за одну церковь. Вот уже почти все наши 40 000 бывших приходов».

Как же велико было в этом огромном количестве вновь открытых «приходов» число папистов и непапистов, иначе говоря — число присягнувших когда-то конституции священников и неприсягнувших? Мы знаем только, что у папистов была более обширная паства, чем у непапистов.

Мы уже видели, как организовалось, вслед за отделением церкви от государства, бывшее конституционное духовенство¹. Эта «национальная» церковь, как она называла себя, не пользовалась большою популярностью и в период, предшествовавший 18 фруктидора, теряла под собою почву. Но ее священники и прихожане все-таки были еще достаточно многочисленны, чтобы созданный ею раскол мог представлять опасность для римской церкви. В V году из 83 епископов, выбранных вновь или удержанных на своих местах в 1790 г., оставалось 41 (из остальных сорока двух 9 женились, 6 вышли в отставку, 6 не вступили вновь в должность, 8 умерли на эшафоте и 13 умерли естественною смертью). Из 42 вакантных епископских кафедр были замещены всего три: в Кольмаре, Версале и Сент-Омере. Таким образом, в момент государственного переворота 18 фруктидора большинство епископских кафедр было все-таки занято².

Вначале «корабль республики» и корабль бывшей конституционной церкви «плыли вместе», как предсказывал Грегуар³; но вскоре взаимные отношения между этой церковью и правительством охладели. 2 вантоза IV года постановлением Директории были временно запрещены (разрешенные позднее) выборы версальского епископа, потому что синод, который был собран для этой цели кандидатом (аббатом Клеманом), высказался против женитьбы священников. Этот вопрос о женитьбе священников, по отношению к которому бывшее конституционное духовенство высказало себя непоколебимым, уже заставлял предвидеть ссору, окончательно разыгравшуюся после 18 фруктидора из-за вопроса о праздновании десятого дня декад.

Тем не менее Директория, понимавшая, как полезно для нее, в политическом отношении, поддерживать этих еретиков в их борьбе с папою, позволяла им созывать синодальные соборы и разрешила созвать «национальный собор». Синодальные соборы, созываемые в каждой епархии и состоявшие из

¹ См. выше, стр. 646—649.

² См. выше, стр. 646—648.

³ *Grégoire, Compte-rendu au Concile national...* Нац. библ., Ld. 4/4060, in-8.

всего духовенства этой епархии, избирали своего делегата и его помощников, которые, вместе с самим епископом (членом по праву), должны были представлять данную епархию на национальном соборе. Этот собор, созванный сначала на 1 мая 1796 г., происходил в Париже, в церкви богородицы, с 15 августа 1797 г. (28 термидора V года) по 12 ноября того же года (22 брюмера VI года)¹.

Как на своих синодальных собраниях, так и на этом национальном соборе бывшее конституционное духовенство отрицало, чтобы оно когда-либо хотело вызвать раскол в католической церкви, и старалось примириться с папой. 24 сентября 1797 г. (4 вандемьера VI года) собор выработал и послал папе «проект примирения». В нем было сказано, что так как законы о гражданском устройстве духовенства уже потеряли свою силу, то галликанская церковь отказывалась от них и признавала в папе видимого главу католической церкви, признавала за ним права на высшие почести и верховную юрисдикцию, принимала все догматы и осуждала пресвитерианство; что она допускала в число своих пастырей только граждан, верных республике, принесших гражданскую присягу и обязавшихся поддерживать принципы и вольности галликанской церкви, но что она не исключала из своей среды никого за его прежние мнения. Папе было предложено, чтобы епископы на вакантные кафедры избирались духовенством и народом, а утверждались и посвящались архиепископом. В епархии, имеющей только одного епископа (бывшего при старом порядке или вновь избранного), этот епископ должен был одинаково признаваться всеми католиками, так же как и священник в тех приходах, где был только один священник. Если же в данной епархии или в данном приходе оказалось бы два епископа или два священника, то отправлять обязанности должен был тот, который раньше занял свою должность, другой же считался бы его преемником.

Так как папа во время переговоров, происходивших в промежутке между Болонским перемирием и Толентинским миром, заискивал, повидимому, перед бывшим конституционным духо-

¹ Протоколы этого первого национального собора не были напечатаны (как были напечатаны протоколы второго собора). О его прениях см. главным образом периодический орган бывшего конституционного духовенства «Annales de la Religion» (Нац. библ., Lc. 3/10, in-8). Но существуют еще два сборника: сборник документов, напечатанных по распоряжению собора, и сборник его декретов (Нац. библ., Ld. 4/4061, 4062, in-8), а также «Письма Франсуа Деторси, священника Реймской епархии, члена обоих соборов» (в «Мемуарах общества наук и искусств в Витри-ле-Франсуа», т. XVIII, 1893—1896). Относительно выборов на этот собор, см. «Procès-verbal de l'Assemblée synodale du diocèse de Saint-Dié» (Нац. библ., Ld. 4/4030, in-8).

венством, то последнее надеялось, что он отнесется с благосклонностью к его примирительному проекту; но папа не дал на него никакого ответа.

Папистская католическая церковь, так же как и бывшая конституционная, потеряла многих из своих епископов; 41 из них умерли. Надо заметить, что не все папистские епископы сделали эмигрантами, как это утверждается иногда; 11 из них никогда не покидали Франции, а именно епископы Труа, Шалонна-на-Саоне, Марсели, Анжера, Сезза, Санлиса, Алэ, Сен-Папуля, Лектура, Макона и Сарлата¹. Из числа эмигрировавших по крайней мере один, монсеньор д'Авио, вьенский епископ, вернулся во Францию в флореале V года. Некоторые из отсутствовавших епископов старались издали управлять своими епархиями. В нескольких епархиях, епископы которых умерли (причем Людовик XVIII не заместил ни одного вакантного места), находились апостолические викарии. Но у нас нет данных даже для приблизительных статистических цифр относительно епархий старого порядка, которые были тогда реорганизованы. Что же касается до священников и их помощников, то, несмотря на заключение их в тюрьму и на ссылки, их все-таки еще оставалось очень много.

Через год после отделения церкви от государства римско-католический культ находился в цветущем состоянии, особенно в Париже. В «Католических анналах» от 1 декабря 1797 г. (11 фримера V года) аббат де Булонь писал: «Положение католической церкви в Париже особенно утешительно для тех, которым дороги успехи религии. Каждый день открываются новые храмы, а приток верующих, вместо того чтобы уменьшаться, заметно увеличивается». Число церквей, занятых католиками, доходило в момент отделения церкви от государства до пятнадцати, а теперь, по словам того же аббата де Булонь, оно уже достигло сорока; на следующий год, ко времени пасхальных празднеств (27 жерминаля V года), оно равнялось пятидесяти. В дни больших католических праздников почти все магазины в Париже бывали заперты².

Папистское духовенство состояло из тех непокорных священников, которые отказались принести присягу, установленную в 1790 и 1792 гг.³ Затем закон 7 вандемьера IV года стал требовать от священнослужителей лишь обещания подчиниться республике⁴. Эмигрировавшие священники, подлежащие ссылке, возвращались толпами и давали это обещание. Эти

¹ См. *Grégoire, Compte-rendu au Concile national.*

² См. статью аббата де Булонь, перепечатанные аббатом Delarc, в его книге «L'Eglise de Paris pendant la Révolution», т. III, стр. 367—372.

³ См. выше, стр. 566.

⁴ См. выше, стр. 654.

враги революции и республики выступали теперь безнаказанно, причем многие из них становились агентами монархии и реакции. Раздраженный и обеспокоенный Конвент декретировал 3 брюмера IV года следующую меру: «Законы 1792 и 1793 г. относительно священников, подлежащих ссылке или тюремному заключению, должны быть приведены в исполнение в течение двадцати четырех часов после обнародования настоящего декрета; должностные лица, виновные в невыполнении его, будут осуждены на двухлетнее тюремное заключение. — Все постановления комитетов и эмиссаров Конвента, противоречащие этим законам, отменяются».

Эти законы были чрезвычайно суровы; они были слишком суровы. Суды не применяли их, хотя Директория в циркуляре от 23 нивоза IV года настойчиво требовала этого. Брио мог заявить 21 брюмера VII года с трибуны Совета пятисот, не встретив возражения, что до 18 фруктидора ни одного приговора не было произнесено против священников, подпавших под эти законы¹. Священники продолжали поэтому возвращаться во Францию и вести пропаганду против основных принципов революции, причем почти во всех смутах, которые приходилось подавлять Директории, обнаруживалось влияние какого-нибудь неприсягнувшего священника. Закон 3 вантоза III года запретил звонить в колокола; но в деревнях продолжали все-таки звонить, несмотря на закон 22 жерминаля IV года, установивший наказание за это. В глазах тогдашних республиканцев этот звон был как бы набатом, призывавшим к восстанию против республики. Но для крестьян того времени без колокольного звона не существовало религии. Этот спор о колоколах был одною из причин успеха умеренных на выборах V года.

Директория с самого же начала проявила гораздо более враждебности по отношению к священникам-папистам, чем Комитет общественного спасения во II году. В инструкциях своим комиссарам (фример V года) она указывала им на этих священников как на роялистских агентов и приглашала их в резких выражениях бороться с ними. «Расстраивайте их вероломные планы, — говорила она, — деятельным, неусыпным наблюдением; разрушайте их мероприятия, препятствуйте их движениям, доводите их до отчаяния». . . Во многих своих посланиях она указывала Законодательному корпусу на то, что мы называли бы теперь клерикальную опасность.

Если все папистские священники были единодушны в стремлении дискредитировать в глазах верующих некоторые из законов республики, как, например, закон о разводе, или тре-

¹ «Moniteur», от 23 брюмера VII года, стр. 224.

вожить совесть лиц, приобретших церковные земли¹, то не все они были согласны между собою в желании бороться с республикой в пользу монархии. Среди них была группа оппортунистов или «galliés», как сказали бы мы теперь; душою их был один выдающийся священник, аббат Эмери. Он советовал не связывать дела церкви с делом Людовика XVIII, признать республику и не отказываться от дачи обещаний, требуемых законом 7 вандемьера IV года. Победы Бонапарта в Италии усилили это течение, так как уменьшили надежды на восстановление королевской власти. У этих примкнувших к республике папистов был свой орган, «Annales religieuses», где писал аббат Сикар, типичный оппортунист. Они шли как бы навстречу бывшему конституционному духовенству и говорили ему в туманных выражениях о примирении, но в то же время искусно привлекали на свою сторону часть его прихожан. Многие епископы старого порядка, как, например, парижский архиепископ монсиеньор де Жюнье, разрешали своим священникам и даже обязывали их подчиниться республике².

После вторжения Бонапарта в папские владения и заключения Болонского перемирия (5 мессидора IV года) папа прислал в Париж для официозных переговоров графа Пьераки с примирительными инструкциями и проектом папского послания (помеченным 5 июля 1796 г.), где католикам советовалось признать республику и подчиниться установленным властям. В это время уже существовали неопределенные проекты относительно конкордата. Возможно, что Бонапарт, в принципе сторонник конкордата, замышлял установить его лишь в тот день, когда он сделается повелителем Франции (если только в его тогдашних мечтах была какая-либо определенность). Директория, как мы видели, предпочла бы, чтобы Бонапарт воспользовался представившимся случаем для полного упразднения светской власти папы, что могло бы повести за собою падение римской церкви. Как бы то ни было, но переговоры о французских религиозных делах не привели тогда ни к чему, и в Толентинском мирном трактате (1 вантоза V года) шла речь лишь о светских делах.

Все эти примирительные проекты встречали, впрочем, противодействие со стороны большинства духовенства старого порядка, большинства непримиримого и роялистского, следовавшего инструкциям Людовика XVIII, в которых говорилось, что «подчиниться законам республики значило восстать против за-

¹ См. по поводу этого «Manuel du missionnaire» аббата Кост (Нац. библ. Id. 4/1091, in-8) и то, что я говорю об этой брошюре в моих «Etudes et Leçons», 2-я серия, стр. 174—178.

² См. в журнале «La Révolution française», t. XXXIX, стр. 44—72 и 97—123, статью Mathiez, Les divisions du clergé réfractaire.

конной власти, примкнуть к святотатству и разбою, сделаться соучастниками всех революционных преступлений и внести гнусный соблазн в самое святилище»¹. У этих непримиримых был также свой периодический орган, «*Annales catholiques*», где аббат де Булонь вел суровую кампанию против оппортунистов.

Встречая противодействие со стороны непримиримых, политика католиков, примкнувших к республике, не оставалась все-таки без влияния. Так, Совет старейших отверг (9 фруктидора IV года) резолюцию Совета пятисот от 17 флореаля того же года, предписывавшую новые суровые меры против священников². Вскоре после того сам Совет пятисот стал, повидимому, мягче относиться к папистскому духовенству. Закон 14 фримера V года (резолюция была вотирована 16 брюмера) отме-

¹ *Sauzay, Histoire de la persécution révolutionnaire dans le Doubs*, т. VIII, стр. 162.

² Точнее говоря, эта резолюция предписывала меры, имевшие в виду более целесообразное применение законов 1792 и 1793 годов. Докладчик Дрюль (*Druhle*) так формулировал 4 флореаля IV года «клерикальный вопрос»: «Вы хотели и всегда будете желать, чтобы каждый гражданин мог мирно и свободно исповедывать те религиозные верования, какие ему заблагорассудится, ибо вы знаете, что свобода состоит в праве делать то, что не вредит другим. Но вы не желали и никогда не пожелаете, чтобы религиозными мнениями пользовались для возбуждения граждан к неповиновению законной власти и для поддержания внутренних разногласий. Законодателю чужды дела другого мира, но он призван поддерживать спокойствие в этом мире. Вы будете, следовательно, бороться с людьми, проповедующими гражданскую войну во имя религии мира и попирающими верховные права народа во имя королевской власти, не как со священниками; вы будете карать их, как противящихся законам отечества. Вы не гонители, но, как всякое правительство в мире, вы имеете право не терпеть тех, которые воздвигают гонение на вас». Аргументы оппозиции были хорошо резюмированы в следующем отрывке из речи Даррака, произнесенной 12 флореаля IV года: «Согласно новому порядку вещей во Франции, где государство не признает теперь никакого культа, мы также не можем заниматься «священниками», как священниками, как и «равнинами», «талапуанами» или какими-либо другими служителями культа. Но я спрашиваю Комиссию, что она понимает под «священниками, не подчиняющимися закону»? Она понимает, без сомнения, под этим тех служителей католического культа, которые, пренебрегая законом о гражданском устройстве духовенства, отказались принести требуемую им присягу; но с той поры, как доказано, что этот закон, что весь тогдашний строй представляли собой нечто чудовищное, нечто позорное для разума, с той поры, как революция, которая породила республику, обратила в ничто все эти странности, как может допустить Комиссия, что для вас еще существуют «священники»?.. «Руйе ответил на это, что сами священники составили из себя касту и что поэтому для них необходим особый закон. Дворянин также принадлежит к особой касте, но его можно уличить в преступлении и наказывать»... «А можно ли также легко уличить священника? Он распространяет свой яд заблуждений и суеверия внутри фанатизированной семьи; он в тайном трибунале налагает эпитимию, устрашает слабого, вводит в заблуждение легковверного и возмущает совесть робкого против правительства, которое он изображает, как предающееся святотатству и находящееся в руках атеистов».

нил в числе других статей закона 3 брюмера IV года и статью 10, предписывавшую неукоснительное выполнение законов 1792 и 1793 годов, направленных против священников.

Но, как указал на это Шоллэ с трибуны Совета пятисот 14 фримера VI года, «отменять постановления закона, которыми лишь предписывалось выполнение других законов, еще оставшихся в силе, и в то же время не отменять этих самых законов, значило совершать нечто чудовищное в области законодательства; поэтому власти перестали понимать, чего от них хотели».

Большим успехом для примкнувших католиков были результаты жерминальских выборов V года, приведших к возникновению в общих советах большинства, которое называли роялистским, но которое точнее было бы назвать католическим.

Возобновленный таким путем Совет пятисот назначил комиссию для пересмотра религиозно-политических законов. От имени этой комиссии Камилл Жордан, самый красноречивый из ораторов примкнувших католиков, представил (29 прериаля V года) свой знаменитый доклад¹. Он говорил в нем о католической религии с трогательным чувством, но требовал для нее только того, что ему казалось возможным при данном положении. Это была как бы минимальная программа католических требований, заключавшаяся в следующих четырех статьях: 1) чтобы верующие могли избирать священнослужителей по своему желанию, т. е. чтобы они могли принимать к себе неприсягнувших священников²; 2) чтобы от священников не требовалось больше ни присяги, ни обещаний, ни каких бы то ни было заявлений³; 3) чтобы было разрешено звонить в колокола⁴; 4) чтобы у каждого культа было свое особое кладбище.

¹ Нац. библ., Le. 43/1609, in-8.

² «Что вы слышали в первичных и избирательных собраниях?» говорил Камилл Жордан. «Какие советы применялись к трогательным протестам, которые раздавались вокруг вас? Повсюду наши сограждане требовали свободного отправления всех культов; повсюду эти простые и добрые люди, наполняющие наши деревни и оплодотворяющие их своими полезными работами, простирают с мольбою свои руки к отцам народа, требуя, чтоб им было дозволено, наконец, следовать мирно их избранной религии, выбирать по своему желанию священников и отдохнуть на лоне всего, к чему они привыкли, от перенесенных ими бедствий».

³ Он говорил, что, «когда революция уж совершена, католики переносят на новое правительство все то религиозное повиновение, которое они воздавали прежнему правительству».

⁴ «Колокольный звон запрещен, но колокола все еще звонят. Закон исполняется только в городах; в деревнях же он, вообще говоря, нарушается, а между тем никакая другая религия не подавляется колокольным звоном, и никакое восстание не вспыхивает благодаря ему. Единственное злоупотребление, происходящее от него теперь, это — невыполнение существующего закона. Необходимо прекратить этот соблазн, уни-

Впрочем проект, представленный Камиллом Жорданом, санкционировал отделение церкви от государства и светский режим. В нем были запрещены «вклады в пользу коллективного лица, которые напоминали бы об уничтоженных корпорациях, а также вечные вклады, которые, накапливаясь, повели бы к возрождению такого рода собственности, — говорил оратор, — который вы хотели искоренить». Камилл Жордан соглашался, что все культы должны были оставаться замкнутыми в свои храмы и что вне их священнослужители не должны были носить священнических одежд. За нарушение всех этих правил он предлагал установить наказания, доходившие в наиболее важных случаях до шестимесячного тюремного заключения.

8 мессидора V года Дюрюель представил доклад, имевший целью отмену законов, направленных против неprisягнувших священников.

Совет обсуждал оба эти вопроса с 20 по 27 мессидора V года. Генерал Журдан горячо нападал при этом на папистских священников как инициаторов вандейского восстания. «Как жаль, — говорил он, — что я не могу призвать сюда тени храбрых защитников отечества, принесенных в жертву королевской власти, благодаря фанатизму! Они сказали бы вам, что теми, которые поражали их железом и свинцом, руководили священники, желавшие восстановления королевской власти в своих собственных интересах; они сказали бы вам, что добрые и доверчивые жители деревень бросались с криками «Да здравствует король!» на пушки и штыки с такою яростью и с таким хладнокровием, какие могут быть вызваны только фанатизмом. Но вы, храбрые воины, не убитые, но только искалеченные на полях битв, придите сюда рассказать вашим законодателям, как тех из вас, которые попадались в руки мятежников, привязывали к пушкам и затем выставляли в таком положении под выстрелы ваших же товарищей, причем эти жестокости совершались при тысячекратно повторяемых восклицаниях: «Да здравствует король!» «Да здравствует католическая религия!» Скажите им, на что бывают способны люди, ослепленные фанатизмом, и обяжите их принять необходимые меры, чтобы избежать повторения подобных ужасных сцен».

Католики нашли для себя блестящего защитника в лице Лемрера, который произнес 21 мессидора восторженную похвалу «древнему культу наших отцов» и «религии наших

чтожив его причину. Отмены этого закона добиваются повсюду. Эти колокола не только полезны народу: они дороги его сердцу; они доставляют ему одну из наиболее сильных радостей, какие он получает от своего культа. Неужели вы откажете ему в этом невинном удовольствии? Как приятно должно быть для гуманных законодателей иметь возможность так легко удовлетворить желание масс».

отцов» (эти выражения часто повторялись потом)¹. Было видно, что он хотел противопоставить Декларации прав катехизис, революции — церковь. Прения приняли страстный характер. Булэ (из департамента Мёрты) утверждал на том же заседании, что католики-паписты, имевшие своим главою «чужеземного государя», были опаснее всех других сект. Эшассерио-старший воскликнул на заседании 23 мессидора: «... Нет, вы, беспрестанно говорящие о «религии наших отцов», не вернете нас к нелепым верованиям, к пустым предрассудкам, к «безумному суеверию...» «Сильный ропот, — говорит «Moniteur», — прервал оратора. Секретари Жордан и Делаэ потребовали слова. «Я заявляю, — сказал Эшассерио, — что я не хотел сказать ничего оскорбительного для католического культа; я говорил только о тех суевериях, которые исказили его». Ламарк также оспаривал Лемрера. «Бог их отцов, — сказал он, — это — бог Филиппа II, Карла IX и Катерины Медичи». «Нет! Мы не хотим этого «бога их отцов», потому что их отцы были варварами, не знавшими и оскорблявшими истинного бога, создавшими себе бога по своему подобию. Истинный бог — бог терпимости, мудрости и человечности, не той человечности, которая проповедует месть, убийства и гражданскую войну, а той, которая внушает согласие, забвение ненависти и обид, уважение к установленному правительству». Ройе-Коллар защищал католиков (26 мессидора) и требовал для них правосудия. «На свирепые крики демагогии, — говорил он, — зывающей к «смелости, смелости и еще раз смелости», представители народа должны наконец ответить примирительным и торжествующим кличем, который раздастся по всей Франции: «справедливости, справедливости и еще раз справедливости».

На следующий день, 27 мессидора, Совет пятисот вотировал резолюцию, отменявшую законы, изданные против непослушных священников. Совет старейших одобрил эту резолюцию почти единогласно 7 фруктидора V года².

¹ По характеру своего краспоречия и способу защиты Лемрер представляет собою как бы предтечу Шатобриана. См. особенно в его речи («Moniteur», стр. 1188) длинный период, начинающийся словами: «Разум, уже низверг алтари, воздвигнутые безумием Разуму...»

² Следовало ли требовать какой-нибудь декларации от служителей культа? Совет пятисот ответил на этот вопрос отрицательно при вотировании сидением и вставанием 27 мессидора. Тогда раздались шумные протесты, требовавшие поименной подачи голосов. Эта подача голосов сос оядась 28 числа, причем большинством 210 голосов против 204 было решено требовать декларации. Но какой? Дюбриоль от имени особой комиссии предложил 10 фруктидора V года следующую: «Я обещаю повиноваться правительству французской республики». Государственный переворот 18 фруктидора произошел раньше, чем что-либо было решено по этому поводу.

Отменой этих законов Законодательный корпус сильно досадил Директории, которая в своем послании от 23 термидора снова говорила о «наглости эмигрантов и бунтующих священников, которые, пользуясь открытым покровительством, вторгаются со всех сторон, раздувают пламя раздоров и побуждают презирать законы».

Закон 7 фруктидора V года и та «клерикальная опасность», которая, казалось, должна была явиться его результатом, были одними из причин, заставивших Директорию решиться на государственный переворот.

VII

Оппозиция Директории со стороны нового большинства Законодательного корпуса проявлялась не только на религиозной почве: это была непрерывная борьба путем всякого рода придинок, как, например, по поводу расходов, особенно военных, где на самом деле происходили растраты и злоупотребления. Правительству стало казаться, что организуется роялистский заговор. Несомненно, что генералы-депутаты Пишегрю и Вилло состояли тогда в сношениях с претендентом. Если бы возник заговор с целью призвать Людовика XVIII, то они были бы его руководителями; но они еще колебались, удерживаемые, с одной стороны, конституционными препятствиями, а с другой — общественным настроением, столь же враждебным королевской власти, как и террору.

Директория была, повидимому, доведена до полной невозможности выполнять правительственные функции не только вследствие оппозиции Законодательного корпуса, но еще и потому, что она сама распалась тогда на две враждебные группы. Это распадение засвидетельствовано официальным протоколом заседания Директории 28 мессидора V года¹, на котором Карно предложил от имени большинства Законодательного корпуса отставку четырех министров: Мерлена (из Дуэ), Рамеля-Ногарэ, Шарля Делакруа и Трюгэ. Бартедеми один поддержал Карно в том мнении, что Законодательный корпус имел право вмешиваться в назначение министров. За исключением отставки Шарля Делакруа и Трюгэ, которая была вотирована единогласно при всех остальных вотумах, имевших место в тот же день по вопросу об удержании, отрешении или назначении министров, решения принимались неизменно большинством тех же трех голосов против тех же двух. Вмешательство Карно повело лишь к тому, что должности министров иностранных дел, внутренних дел, военного и морского были поручены

¹ См. выше, стр. 730—731.

людям, на которых большинство Директории могло рассчитывать безусловно.

С этой минуты раскол был неустрашим. С одной стороны Карно и Бартеlemi, с другой — Баррас, Ларевельер-Лепо и Ребелль. Первые двое не верили ни в роялистскую, ни в клерикальную опасность, причем Карно хотел бороться с мятежниками только путем законов. Последние трое верили в эту опасность и не видели другого средства устранить ее, кроме государственного переворота.

Таково было прежде всего мнение Барраса, энергичного, проникательного и беззастенчивого человека. Он обратился сначала к генералу Гошу. В термидоре V года часть армии Самбры-и-Мааса, под предлогом подкрепления приморской армии, подошла очень близко к той конституционной грани, очерченной вокруг Парижа, которую армии не должны были переступать. Директория должна была, однако, отказаться от этого плана, разоблаченного в Совете пятисот; но большинство ее не отказалось все-таки от мысли о военном государственном перевороте, тем более что от разных армий получались адреса с угрозами роялистам, особенно же от итальянской армии, состоявшей под командой Бонапарта, который, вполне присоединяясь к проекту Директории, прислал в Париж для содействия его выполнению своего офицера Ожеро, получившего командование 17-й дивизией. С другой стороны, республиканцы-демократы (бывшие якобинцы, террористы и т. д.) примирились тогда с Директорией, чтобы действовать против Советов; идея государственного переворота одобрялась не только горячими республиканцами, но и такими умеренными, как Байёль, и даже либералами вроде Бенжамен Констана, друга госпожи Сталь. Почти все патриоты были того мнения, что без нового 31 мая республика погибнет, а монархия будет восстановлена. Роялисты и умеренные в обоих Советах готовили с своей стороны новое 9 термидора против тех, которых они называли триумвирами и которых упрекали также и в их внешней политике, в их стремлении к грандиозным территориальным приобретениям, задерживавшим, как они говорили, заключение окончательного мира с Австрией. У этих недовольных были свои генералы, Пишегрю и Вилло, но не было солдат, кроме немногочисленной гвардии Законодательного корпуса. С целью именно добыть себе солдат они и добились вотирования закона, который путем реорганизации национальной гвардии в антиреспубликанском духе дал бы им в руки оборонительные и наступательные средства (13 фруктидора).

Тогда Директория решилась действовать. Заговорщики узнали об этом; они осаждали Карно своими просьбами, общая

ему от имени короля самые высшие награды. Карно отказался¹; он остался нейтральным. 17 фруктидора вожди большинства в Совете пятисот решили добиться на следующий день вотума о предании суду Барраса, Ребелля и Ларевельера. В случае сопротивления со стороны этих трех членов Директории, Пишегрю и Вилло должны были двинуться на Люксембургский дворец с гвардией Законодательного корпуса и бывшими инсургентами 13 вандемьера. В восемь часов вечера три члена Директории, которым грозила опасность, собрались на «непрерывное заседание», не пригласив Карно и Бартелеми. Они уже произвели чистку среди членов 12 парижских муниципалитетов, а также среди многих департаментских администраций, присоединили к полномочиям Бонапарта командование альпийской армией и вытребовали в Париж генерала Моро, в сочувствии которого они сомневались. Парижские ворота были заперты; раздался, как сигнал тревоги, пушечный выстрел, и генерал Ожеро двинулся занять здания, где заседали оба Совета. Часть депутатов большинства попыталась все-таки собраться. Ожеро одних из них разогнал, а других арестовал. Член Директории Бартелеми был арестован; Карно, которого предупредили, скрылся. В афишах, расклеенных по Парижу, возвещалось, что «всякий, кто позволил бы себе призвать королевскую власть, попытаться восстановить конституцию 1793 г. или призвать Орлеанов», был бы немедленно же расстрелян. В прокламации от Директории возвещалось об открытии заговора в пользу Людовика XVIII, причем были напечатаны документы, относившиеся к тайным сношениям Пишегрю с претендентом и не позволявшие сомневаться в измене этого генерала.

18 фруктидора, в девять часов утра, в силу постановления Директории, те из членов обоих Советов, которые остались на свободе, собрались на заседание: члены Совета пятисот в Одеоне, а члены Совета старейших в медицинской школе (называвшейся тогда «Ecole de Santé»). Совет пятисот избрал комиссию из пяти членов для обеспечения общественного спасения и сохранения конституции III года; он выслушал сообщение Директории о роялистском заговоре, а затем занялся обсуждением и вотированием в непрерывном заседании, длившемся с 18 по 21 фруктидора, различных экстренных мер, которые Совет старейших после некоторых колебаний решился утвердить. Это был революционный закон 19 фруктидора V года. Мы уже знаем, что этим законом были кассированы выборы в 49 департаментах. Кроме того 65 граждан были присуждены к ссылке, а именно следующие члены Совета пятисот: Обри, Ж.-Ж. Эйме, Байяр, Блэн (из департамента Устьев Роны),

¹ См. «Mémoires du chevalier de la Rue», изд. 1895 г., стр. 34—37.

Буасси д'Англа, Борн, Бурдон (из департамента Уазы), Кадруа, Кушери, Делаэ (из департамента Нижней Сены), Деларю, Думэр, Дюмолар, Дюплантье, Дюпра, Жибер-Демольер, Анри-Ларивьер, Эмбер-Коломес, Камилл Жордан, Журдан (из департамента Устьев Роны), Го, Лакарьер, Лемаршан-Гомикур, Лемрер, Мерсан, Мадье, Майльяр, Ноайль, Андре (из департамента Лозеры), Мак-Кюртэн, Пави, Пасторэ, Пишегрю, Поллссар, Прэр-Монто, Катремер-Кенси, Саладен, Симеон, Вовилье, Вьено-Воблан, Вилларэ-Жуайез, Вилло; затем следующие члены Совета старейших: Барбе-Марбуа, Дюма, Ферран-Вайльян, Лафон-Ладеба, Ломон, Мюрер, Мюринэ, Паради, Порталис, Ровэр, Тронсон-Дюкудрэ; затем члены Директории: Карно и Бартелеми, роялистские заговорщики Бротье, Лавилернуа и Дюверн де Прель, бывший министр полиции Шарль Кошон, полицейский чиновник Доссонвиль, генералы Миранда и Морган, журналист Сюар, бывший член Конвента Майль и, наконец, командир гренадеров Законодательного корпуса Рамель. Из этих осужденных 48 не могли быть арестованы, а 17 были сосланы в Гвиану¹.

Нам уже приходилось говорить почти о всех остальных постановлениях этого закона. Все лица, внесенные в список эмигрантов и не вычеркнутые из него окончательно, обязаны были выехать из Франции под угрозой смертной казни. Закон 7 фруктидора, возвращавший сосланных священников, был отменен, и Директория получила право отправлять в ссылку священников, которые стали бы вызывать смуты. Все служители культа должны были присягать в ненависти к королевской власти и т. д. Полиция могла запрещать газеты. Закон 7 термидора IV года, запрещавший клубы, был отменен, так же как и законы 15 термидора и 13 фруктидора, касавшиеся национальной гвардии. Директории было возвращено право, оспаривавшееся у нее Законодательным корпусом, провозглашать в той или другой коммуне осадное положение.

Вскоре полилась кровь: военные суды, учрежденные в 32 городах, произнесли около 160 смертных приговоров².

Наконец, как мы уже знаем, Мерлен (из Дуэ) и Франсуа (из Нешато), заместили в Директории Карно и Бартелеми.

¹ А именно: Эйме, возвращенный 5 нивоза VIII года, Пишегрю, Рамель, Вильо, Лафон-Ладеба, Бартелеми, Деларю, Доссонвиль, Барбе-Марбуа (все они убежали), Мюринэ, Тронсон-Дюкудре, Жибер-Демольер, Бурдон (из департамента Уазы), Лавилернуа, Ровэр, аббат Бротье — умершие в Гвиане; Обри, умерший во время своего бегства (ср. *Victor Pierre, Le dix-huit fructidor*, стр. XVIII и XXII).

² См. *Victor, Pierre, Le dix-huit fructidor*, стр. 24.

ГЛАВА IV

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА, МНЕНИЯ И ПАРТИИ ПОСЛЕ 18 ФРУКТИДОРА

I. Религиозная политика: католицизм. — II. Религиозная политика: празднование декад; теофилянтропия. — III. Роялизм. — IV. Правительственные республиканцы и республиканцы-демократы. Закон 22 флореала VI года (11 мая 1798 г.). — V. Оппозиция Директории. День 30 прериала VII года (18 июля 1799 г.). — VI. Появление вновь террора. — VII. Появление вновь якобинцев.

I

 ак как государственный переворот 18 фруктидора V года был вызван главным образом сознанием той «клерикальной опасности», которой подвергало республику новое большинство Законодательного корпуса, то будет вполне естественно, если мы рассмотрим сначала период, последовавший за этим государственным переворотом с религиозно-политической точки зрения.

Клерикальная опасность заключалась главным образом в интригах священников-папистов.

Закон 19 фруктидора обязал всех служителей культа «давать присягу в ненависти к королевской власти и к анархии и в преданности республике и конституции III года». На эту присягу согласилась меньшая часть папистского духовенства, чем та, которая дала обещание, требуемое законом 7 вандемьера IV года; но все-таки на нее согласилась довольно значительная часть его. Эмери советовал присягать. Епископы Марсели и Люсона, Беллуа и Мерси дали тот же совет священникам своих епархий. В Париже большинство папистских священников приняли эту присягу с согласия — по крайней мере молчаливого — архиепископского совета. Даже в департаменте Ван-

ден около пятой части папистских священников дали требуемую присягу. Папа отказался осудить ее¹.

Присягнувших оказалось достаточно для того, чтобы папистский католический культ мог отправляться и после 18 фруктидора. Директория учредила строгий надзор за этим культом и даже стесняла его в его развитии. Так, в Париже центральная администрация Сенского департамента закрыла часовни постановлением от 14 флореаля VI года под тем предлогом, что в коммуне, где законом 14 прериаля III года было уступлено верующим различных исповеданий известное число зданий, нельзя было занимать других помещений для отправлення культа². Но отправление культа могло происходить также и в частных домах, потому что закон 7 вандемьера IV года разрешал это под условием, «чтобы в случае таких церемоний, кроме лиц, живущих в одном и том же помещении, на них не присутствовало более десяти посторонних лиц». Центральная администрация Сенского департамента, узнав, что в частных домах, вмещавших в себе много отдельных семейств, происходили собрания более чем в двести человек, постановила, что «в частную молельню могли допускаться лишь лица, занимающие одно и то же жилище и составляющие одну и ту же семью, вместе с лицами из другого дома, включая сюда и священников, но что в нее не должны были допускаться все лица, живущие в одном и том же доме, но не принадлежащие к одной и той же семье³.

Посетители всех закрытых этими постановлениями молелен стали стекаться тогда в те восемь церквей, в которых папистское духовенство не переставало совершать богослужение в Париже и в период, последовавший за 18 фруктидора⁴. В полицейском рапорте от 8 мессидора VI года говорится, что молящиеся стремились в эти церкви «с своего рода яростью», особенно в церкви св. Жерве и св. Жака (Saint-Jacques-du-Haut-Pas). «В первой из них в последний католический праздник было около 3000 человек».

Как общее правило, решено было присягнувшим священникам позволять отправлять богослужение; тех же, которые захо-

¹ См. по поводу этих присяг статью A. Mathiez, *Les Divisions du Clergé réfractaire*, в журнале «La Révolution française» (т. XXXIX) и цитируемые им источники.

² Было сделано исключение для «синагог» и «храма на улице Тома» («Paris pendant la réaction», t. IV, стр. 675).

³ Мы не знаем точной даты этого постановления; мы знаем только, что оно состоялось между 27 флореалем VI года и 1 вандемьером VII года. См. «Paris pendant la réaction», т. V, стр. 108.

⁴ Вот перечень этих церквей: Saint-Gervais, Saint-Thomas d'Aquin, Saint-Philippe du Roule, Saint-Laurent, Saint-Eustache, Saint-Jacques-du-Haut-Pas, Saint-Roche, Saint-Nicolas-des Champs.

тели бы совершать его, не приняв присяги, арестовывать. Так, в мессидоре VI года церкви св. Жерве и св. Евстахия оставались запертыми по утрам, в часы, назначенные для католиков¹, потому что служба совершалась там неприсягнувшими священниками. Это продолжалось неделю, до тех пор пока не явились священники, принявшие присягу². Другие папистские священники были захвачены в то время, когда они совершали публичные моления за короля и королеву; их арестовали³. Один из бывших конституционных священников, аббат Одрен, предложил Директории (в мессидоре VI года) воспользоваться этими отдельными нарушениями закона, чтобы изгнать католиков-папистов из всех церквей, в пользу остальных католиков. Таково было также мнение Дюпена, состоявшего комиссаром Директории при центральной администрации Сенского департамента. В своем докладе от прериала VI года он предлагал послать переодетых полицейских агентов на исповедь к папистским священникам⁴. Если бы таким путем было указано, что во всех исповедальнях происходили попытки внушать верующим отвращение к республике и ее законам, то можно было бы запретить отправление папистского культа.

Директория не последовала этим советам, и присягнувшее папистское духовенство продолжало совершать свои богослужения как в Париже, так и в департаментах.

Но возникал такой вопрос: следовало ли допускать к присяге тех священников, которые отказались от присяг, требовавшихся раньше, или взяли их назад. В циркуляре комиссарам Директории, состоявшим при департаментских властях (от 20 вандемьера VI года), министр полиции Сотен объявлял, что не следовало допускать к присяге тех священнослужителей, которые отказались присягнуть в преданности свободе и равенству. Но надо ли было исключить только таких? Следовало ли допускать тех, которые не приняли присяги, установленной по случаю гражданского устройства духовенства, или тех, которые отказались дать обещание, требуемое законом 7 вандемьера IV года? На этот счет не было ни установленных взглядов, ни определенных правил. 23 нивоза VI года, после речи Гэ-Вернона, Совет пятисот отверг предложение, имевшее целью не ставить препятствием для священнослужителей, желавших при-

¹ В одной и той же церкви в разные часы совершались службы нескольких вероисповеданий. В Париже это совместное пользование церквями было регламентировано особыми постановлениями центральной администрации. См. мой сборник «Paris pendant la réaction», т. IV, стр. 667, 668; т. V, стр. 137.

² Ibid., т. IV, стр. 771, 774.

³ Ibid., т. IV, стр. 730.

⁴ Ibid., т. IV, стр. 730.

нять присягу 19 фруктидора, их прежнего сопротивления гражданскому устройству духовенства.

Эта не вполне связанная и последовательная политика стремилась оставить в покое священников, державших себя мирно, подвергая преследованию и ссылке всех остальных.

Статья 24-я закона 19 фруктидора V года уполномочивала Директорию «отправлять в ссылку путем отдельных мотивированных постановлений тех священников, которые нарушали бы общественное спокойствие». Это была своего рода антиклерикальная диктатура, которой не пользовались ни Комитет общественного спасения, ни Комитет общественной безопасности. «Гонение» против религии, на которое так часто указывают католические историки периода Директории, состояло главным образом в применении этой 24-й статьи.

Единственным пределом для произвола Директории было обязательство издавать особые постановления для каждого отдельного случая, а не ссылать массами всех священников той или другой области. Директория прибегла к массовой ссылке лишь по отношению к бельгийскому духовенству, из состава которого она подвергла одновременно ссылке 8 000 священников (как руководителей антифранцузской пропаганды). По отношению же к старым французским департаментам она не нарушала закона, но иногда обходила его, издавая тождественные постановления по поводу многих лиц. Так, например, 3 вандемьера VI года она издала следующее постановление: «Исполнительная директория, получив донесение, что бывший викарий в Сен-Дье, Филипп Бар, живущий в городе Шарме Шармского кантона, департамента Вогез, раздувает пламя фанатизма в месте, где он живет, а также в окружающей местности; что он употребляет все средства, чтобы извратить общественное настроение и роялизировать слабых жителей деревень; что невозможно, не подвергая опасности внутреннее спокойствие республики, терпеть, чтобы он продолжал оставаться в этой местности, — постановляет и т. д. В тот же самый день точно такие же постановления были изданы против 15 других священников того же самого департамента, за исключением впрочем одного из них, Шарля Барра, которому ставилось в вину еще и то, что он «мешает солдатам возвращаться в свои полки»¹.

Вот еще несколько примеров того, какими мотивами обуславливалась ссылка.

28 фримера VI года один из священников департамента Роны был сослан Директорией на основании следующего доклада министра полиции: «Бывший священник, по имени Ка-

¹ Arch. nat., AF III, стр. 467.

бюше, о котором говорят, что он уже был сослан раньше, вернувшись два года тому назад в коммуну Сен-Боннэ. Он произносит там проповеди и совершает ежедневно публичные богослужения с колокольным звоном; он привлекает своими проповедями жителей соседних коммун; он ходит даже сам к ним и обращается к ним с самыми мятежными, с самыми зажигательными речами. Ранее 18 фруктидора он открыто предупреждал жен лиц, приобретших национальные земли, что им необходимо спасти своих мужей, если они хотят, чтобы те избежали виселицы. Наконец, совместно с другим священником, имени которого мне еще не сообщили, он до такой степени фанатизировал несчастных земледельцев, что после издания закона 19 фруктидора один из них, давший задаток под хлеб гражданам, владеющим национальными землями, отказался от этих задатков, говоря, что его жена грозила покинуть дом, если бы он привез туда хлеб эмигрантов. Так как поведение этого священника стремится лишь к нарушению общественного порядка, то я предлагаю вам, граждане-директора, отправить его в ссылку».

В том же фримере VI года, на основании доклада местного комиссара и министра полиции, были изданы постановления о ссылке следующих лиц: священника в Сен-Клоде, Тома, который, отрекшись от священнического звания в 1793 г., снова вступил в отправление своих обязанностей, не выполнив требований законов 7 вандемьера IV года и 19 фруктидора V года, причем на него было еще донесено, что он развращает общественное мнение; бывшего принципала Сэнтского коллегиума, который заявляет, что он облечен полномочиями папы, и, «фанатизировав значительную часть жителей своей коммуны, заставляет присягнувших священников отречься от своей присяги, а неприсягнувшим мешает сделать заявления, требуемые законом 7 вандемьера»; бывшего ректора в Плуинеке, по имени Валле, как бывшего «палачом патриотов» во время гражданской войны; священника в Кюксак-Кабардесе (департамент Од), по имени Пелисье, за ношение священнической одежды и устройство церковной процессии вне храма (получив предостережение, он продолжал делать то же самое); священника в Варсе (департамент Изеры), по имени Легальер, за то, что он выполнял священнические обязанности, не приняв присяги¹.

Сколько же всех духовных лиц было присуждено тогда к ссылке правительственными постановлениями на основании этих обвинений, одни из которых были очень неопределенны, а другие более или менее точны? В VI году — 1448; в VII и VIII годах, до 18 брюмера, — 209; итого — 1657. Это в ста-

¹ Arch. nat., AF III, стр. 479.

рой Франции. Что же касается департаментов, на которые была разделена Бельгия, то, кроме 8 000 духовных лиц, указанных в постановлении от 14 брюмера VII года, было еще сослано 235 лиц в силу различных позднейших постановлений; всего, следовательно, 8 235 человек¹.

Не следует думать, чтобы все эти священники были действительно отправлены в ссылку; не все они были даже арестованы.

Те из них, которых арестовали (число их нам неизвестно), были отправлены сначала в Рошфор, затем (30 жерминаля VI года) на остров Рэ, а затем (28 нивоза VII года) на остров Олерон. В Кайенну были отправлены три партии:

1) первого жерминаля VI года фрегат «Шаранта» увез 193 ссыльных, в числе которых было 150 священников. После того как «Шаранта» подверглась нападению со стороны англичан и потеряла свои мачты, ссыльные были пересажены на «Декаду», которая привезла их в Кайенну 21 прериналя. Их поселили в Конанаме, очень нездоровой местности. Меньше чем через два года в живых оставалось только 39 ссыльных; 2) 18 термидора VI года фрегат «Храбрый» отплыл с 51 ссыльным, в числе которых было 25 священников. Этот корабль был взят англичанами; 3) 22 термидора VI года фрегат «Байонка» увез 119 ссыльных, в числе которых было 108 священников. Они были поселены сначала в Конанаме, а затем перевезены в Синнамари (29 брюмера VII года), где большинство из них погибло от болезней. Таким образом, если не считать 25 священников, освобожденных англичанами, то всех действительно сосланных священников было 258. Те из них, которые не были отправлены в ссылку, а оставались в Рошфоре или на островах Рэ и Олероне, терпели большие лишения и многие из них умерли. Кроме того, несколько священников было приговорено в разных местах к смерти военными судами. Эти отдельные гонения ни на одну минуту не останавливали отправления римско-католического культа не только по всей Франции, но даже и в каком-нибудь одном департаменте. Результатом их было то, что они довели почти до полного бессилия роялистских священников и помешали антиреволюционным восстаниям VII года принять слишком большие размеры. Но, с другой стороны, хотя Директории и удалось упразднить на некоторое время светскую власть папы, так как эта власть с 3 нивоза VI года по 8 вандемьера VIII года находилась в руках римской республики, и хотя папа Пий VI умер пленни-

¹ Я цитирую эти цифры по книге *Sciut* (Le Directoire, т. III, стр. 154), который сделал подсчет постановлений о ссылке по бумагам Директории. Я не мог сам проделать этой длинной работы. Хотя Сесю — страстный противник революции, но его исследования обыкновенно довольно точны.

ком французской республики (в Валансе, 12 фруктидора VII года), ей все-таки не удалось уничтожить римского культа, отправление которого она должна была попрежнему разрешать.

Что касалось бывшего конституционного духовенства, то мы уже знаем, что в момент государственного переворота 18 фруктидора оно съехалось на свой первый национальный собор. Несмотря на то, что этому собору не удалось достигнуть главной цели — примирения с папой, составлявшие его члены церкви, оказавшиеся еретиками помимо своей воли, все-таки разъехались лучше организованными. Некоторое время они, повидимому, даже усиливались, как бы пользуясь теми преследованиями, которым подвергались их соперники-паписты¹. Они упорно отказывались перенести на десятые дни декад воскресные религиозные церемонии и в конце VI года поссорились по этому поводу с Директорией, которая тем не менее все еще покровительствовала им иногда, но уже из чисто тактических соображений, чтобы успешнее бороться с папистской церковью. В действительности Директория стремилась разрушить мало-помалу обе католические церкви и заменить их «гражданской религией», как говорили тогда.

II

Гражданской религией назывался тот культ декад, который, как мы видели, стал намечаться еще до 18 фруктидора, проявляясь в различных национальных празднествах политического или философского характера. После 19 фруктидора Директория систематически стремилась к замене католицизма этим культом декад.

В эпоху террора во многих департаментах эмиссары Конвента издавали постановления об обязательном прекращении работ в десятые дни декад. Но по закону это прекращение работ было обязательно только для правительственных учреждений. В Париже часть населения не работала в десятые дни

¹ У нас не имеется статистических данных относительно конституционной церкви, хотя тот из ее членов, который всего лучше описал ее, Грегуар, был статистиком по склонности и темпераменту. Его сочинения, относящиеся к другим вероисповеданиям, изобилуют точными и разнообразными цифрами, но он не дает никаких, даже приблизительных цифровых данных о своей собственной церкви. Я думаю, что он не мог, а также и не хотел дать их. Ему не хотелось обнаруживать, до какой степени его церковь была малочисленна по сравнению с католиками-папистами. В 1834 г. Тибодо (в своем сочинении «Le Consulat et l'Empire», т. II, стр. 178) напечатал, что сторонников этой церкви насчитывалось до 7500 000, но без всяких доказательств. Он не говорил даже, к какому времени относится эта фантастическая цифра, а между тем необходимо было бы сказать, так как число приверженцев конституционной церкви менялось смотря по обстоятельствам.

декад по цивическим мотивам; но, вообще говоря, даже и парижане проводили по-праздничному гораздо охотнее воскресные дни.

Сначала правительство попыталось путем постановлений и циркуляров добиться всеобщей приостановки работ в десятые дни декад в ущерб воскресенью. 29 брюмера VI года министр внутренних дел (Летуриэ) обратился циркулярно к департаментским и муниципальным административным учреждениям с приглашением побуждать католических священников совершать богослужения в десятые дни декад вместо воскресенья. «...В одних местах, — говорил он, — окажется достаточным простого приглашения; в других понадобится нечто большее, и вы будете прибегать к авторитету закона; в некоторых местах религиозный фанатизм будет противодействовать вашим попыткам, и почти повсюду вам придется бороться с предрассудками и привычкой. Каждое из этих препятствий должно быть опрокидываемо различными способами, и я предоставляю выбор их вашей рассудительности и вашему патриотизму». Такая свобода в выборе средств, предоставленная администраторам, заставила некоторых из них, как, например, в Аллье, обращаться со священниками, поддерживавшими воскресенье, как с подозрительными лицами, подобно тому, как это было в полный разгар террора¹. (Грегуар указывал на эти факты с трибуны Совета пятисот 25 фримера VI года.)

14 жерминаля VI года Директория предписала меры для строгого выполнения республиканского календаря. Все административные учреждения и трибуналы должны были закрывать свои присутствия в десятые дни декад; муниципальные власти должны были устанавливать рыночные дни без всякого соображения с прежним календарем, имея в виду главный образ «порвать всякую связь между «рыбным рынком» и постными днями, установленными старым календарем». Время для ярмарок должно было устанавливаться в каждом округе его центральной администрацией в соответствии с республиканским календарем. «Для этого центральная администрация должна была по возможности приближаться к прежним срокам, но не придерживаться их безусловно, а главное — наблюдать, чтобы они не соответствовали праздничным дням старого календаря». Время отхода diligансов и открытия шлюзов, дни отдыха в мастерских, работавших для республики, сроки различных аренд и контрактов, дни спектаклей, даты газет — все это должно было соответствовать республиканскому календарю.

В применении этих правил одна, по крайней мере, из муниципальных администраций пошла еще дальше; я имею в виду

¹ В Париже постановлением кантонального центрального бюро (от 5 фримера VI года) было запрещено по воскресеньям выставлять товары.

муниципальную администрацию Бреста, которая по требованию комиссара Директории издала 2 флореаля VI года следующее постановление: «Принимая во внимание, что уже в течение долгого времени рекомендуется строгое соблюдение республиканского календаря, но что эти увещания остаются по большей части бесплодными, так как они встречают противодействие со стороны духовенства, которое продолжает соблюдать воскресные и праздничные дни старого календаря, ознаменовывая их особыми церемониями, что содействует увековечению старых предрассудков и, следовательно, отдаляет народ от республиканского режима, установленного законом 4 фримера II года, предписывается, чтобы во избежание этих неудобств храмы обоих концов этого города держались закрытыми в дни так называемых прежних воскресений и других праздников, когда сторонники католического культа прекращают свои работы¹.

Вопрос о праздновании десятого дня декад был поднят в Совете пятисот еще 3 фримера, когда депутат Северного департамента Дюо (Duhot) предложил сделать это празднование обязательным и формулировал свое предложение в выражениях, враждебных христианской религии. «... В то время, говорил он, когда философия громко требует, чтобы мы предали забвению суеверные учреждения священников, установив более разумные и более приличествующие республиканцам, прислушайтесь внимательнее к ее голосу, чтобы не отречься от того будущего, которое она подготавливает для французского народа, что может случиться, если он не освободится от всякого рода фанатизма и не будет руководиться отныне только разумом». 14 фримера, являясь докладчиком своего собственного предложения, он восставал против тех, которые вместе с Лемерером хотели поставить республику под защиту «религии наших отцов». Эта религия была в его глазах не более как «предрассудками наших отцов», «суевериями наших отцов». «Не станем, коллеги, сказал он, прежде чем действовать, справляться с тем, каковы были предрассудки наших отцов; будем действовать, соображаясь с нашим собственным разумом. Не станем справляться с тем, каковы были суеверия наших отцов, когда простой здравый смысл настоятельно требует, чтобы мы разрушали всякие суеверия. Осмелимся, опираясь на нашу собственную энергию, заявить громко, что эти суеверия оскорбляют человечество, и разобьем их вдребезги в руках тех, которые пользуются ими как смертоносным оружием, чтобы остановить движение людей к разуму и свободе».

¹ См. сборник, озаглавленный «Archives de la ville de Brest; délibérations du Conseil municipal», т. IV, стр. 423—424.

Прения об обязательном отдыхе в десятые дни декад начались 25 фримера VI года. Один Грегуар открыто восстал против такого обязательства. Феликс Фокоп был того мнения, что следовало установить это обязательство лишь для жителей главных городов кантонов; жителей же деревень только «приглашать» не работать в эти дни. Другой депутат, Шанлан (из Вандеи), заявил, что существуют лучшие способы чтить десятые дни декад, чем прекращение работ: «Не будем позорить десятые дни декад «праздностью», — сказал он (смех); — будем, напротив того, ознаменовывать их «общением» (снова смех)». Поддержанный Монмейю, он предложил установить праздники для каждого десятого дня декад. Это предложение, принятое в принципе, вызвало два доклада относительно «праздников декад»: доклад Дюо и доклад Боннэра (от 4 жерминаля и от 19 мессидора VI года), причем в обоих докладах господствовала мысль о противодействии путем этих праздников влиянию католической религии. «Горе французскому народу, говорил Дюо, если влияние священников возьмет верх над влиянием законов и если учреждения священников возьмут верх над вашими!»

Законодательные прения велись параллельно как относительно обязательного празднования десятого дня декад, так и относительно способа празднования этих дней, причем иногда эти прения смешивались между собой; закончились они тремя законами: первые — законами 17 термидора и 23 фруктидора VI года (резюлюции были вотированы 3 и 25 термидора); вторые — законом 13 фруктидора VI года (резюлюция от 6 термидора).

1) Обязательный отдых в десятые дни декад. Постановления Директории от 14 жерминаля VI года были санкционированы законом и распространены на другие области. Так, например, не только «общественные школы», но также и «частные школы и пансионы для обоих полов» обязаны были прекращать учебные занятия в десятые дни декад, не имея права прекращать их ни в какой другой день декады за исключением пятого дня (этот пятый день заменил собой четверг в новой системе). В десятые дни декад не могли происходить ни вызовы в суд, ни описи имущества, ни аресты за долги, ни продажи с аукциона, ни приведение в исполнение уголовных приговоров, ни работы в публичных местах или в местах, видимых из общественных зданий, с улиц и дорог, за исключением деревенских работ во время посева и жатвы, а также неотложных работ, производимых по особому распоряжению административных учреждений. Лавки, магазины и мастерские должны были держаться запертыми, «без какого-либо ущерба, однако, для обычной продажи съестных припа-

сов и аптечных товаров»; все это под угрозой наказаний, указанных в статье 605 уложения о наказаниях (простые полицейские взыскания). К этим постановлениям закона 17 термидора VI года закон 23 фруктидора того же года присоединил еще другие, имевшие целью, во-первых, санкционировать все остальные постановления Директории от 14 жерминаля, а вторых — окончательно упразднить воскресные дни. Было запрещено пользоваться старым календарем и даже напоминать о нем в актах и договорах как публичных, так и частных, а также в периодических изданиях, афишах и на вывесках. Во всех обстоятельствах следовало пользоваться исключительно новым календарем, получившим отныне название «Ежегодника Республики».

2) «Праздники декад». Согласно закону 13 фруктидора VI года, в десятый день каждой декады члены муниципальной администрации, комиссар Директории и секретарь должны были являться в парадных костюмах «в помещенне, назначенное для собрания граждан», и прочитывать там: 1) законы и распоряжения публичных властей, полученные администрацией в течение истекшей декады; 2) «десятидневный Бюллетень относительно общих дел республики», в котором сообщались также примеры гражданской доблести и добродетели; затем — «поучительную статью о земледелии и ремеслах¹». Браки могли совершаться только в десятые дни декад и в том же помещении. Учителя и учительницы «как общественных, так и частных школ» обязаны были регулярно приводить туда своих воспитанников и воспитанниц. Каждое такое праздничное собрание должно было, кроме того, сопровождаться играми и гимнастическими упражнениями.

После издания этих законов² Директория с неослабным рвением заботилась о применении их по всей Франции; это

¹ Этот «Bulletin décadaire» выходил с 1 вандемьера VII года по 20 брюмера VIII года. Над. библ., Лс. 2/1000, 2 тома, in-8.

² В прениях, имевших место по поводу этих законов в Совете старейших, антихристианские стремления обнаруживались менее, чем в Совете пятисот. Так, Бротье, депутат от острова Сен-Доминго в Совете старейших, излагая (17 термидора VII года) с точки зрения скорее либерала, чем врага христианства, те выгоды, которые он усматривал в том, что день отдыха всех граждан перестал бы быть праздничным днем известного культа. Если все граждане будут обязаны прекращать работы в десятый день декады, то тогда исчезнет «всякое предпочтение, как бы даваемое одной религии по отношению ко всем остальным». Тем не менее опасность, которою угрожал религиям, основанным на Откровении, проект упразднения десятых дней декад, хорошо сознавалась другим членом Совета старейших, протестантом Рабо-младшим. Он жалел о том, что религией не хотели пользоваться для внушения людям «любви ко всему доброму, справедливому и честному» («Opinion de Rabaut le jeune», Arch. nat., AD XVIII с, стр. 468).

составляло главнейший объект ее внутренней политики. Борьба между господином Воскресеньем и гражданином Декады, как выражались тогдашние памфлеты, была не чем иным, как борьбою между церковью и светским государством. Директория имела с тех пор против себя не только папистское, но и бывшее конституционное духовенство. Большая часть его отказалась перенести свои религиозные церемонии с воскресенья на десятый день декады. Однако мы видим, что в вандемьере VII года такое перенесение произошло почти повсюду в сельских кантонах департамента Сены¹. Но это продолжалось недолго. Крестьяне держались за воскресенье еще больше священников. Из нескольких имеющихся у нас монографий можно видеть, что, несмотря на все усилия комиссаров Директории, в сельской Франции жители продолжали праздновать воскресные дни. Правда, правительство добилось того, что крестьяне с большим или меньшим усердием стали праздновать также и десятые дни декад; но оно не добилось того, чего хотело, т. е. всеобщей (и добровольно признанной) замены воскресенья десятым днем декады.

Что касалось празднования десятых дней декад, то оно происходило обыкновенно в приходской церкви, служившей большей частью одновременно и для отправления других культов. Центральная администрация Сенского департамента постановила (во второй дополнительный день VI года), чтобы каждый из двенадцати парижских муниципалитетов праздновал десятый день декады в одной из пятнадцати церквей, предоставленных в распоряжение граждан. Отправления других культов должны были прекращаться в этих церквях в десятые дни декад с восьми с половиною часов утра и могли возобновляться лишь по окончании празднования декад, если впрочем тогда уже не было позднее шести часов вечера зимой и восьми часов вечера летом. Все внешние знаки других культов должны были выноситься из церквей или закрываться во время присутствия в них муниципальных властей; кроме того, никто не мог появляться в этих зданиях в одеждах, предназначенных для религиозных церемоний, во все продолжение празднования десятого дня декад².

Пятнадцать церквей, предоставленных в распоряжение верующих, потеряли тогда свои прежние названия и были переименованы постановлением центральной сенской администрации следующим образом:

церковь св. Филиппа Рульского была названа храмом Согласия; церковь св. Рока — храмом Гения; церковь св. Евста-

¹ «Paris pendant la reaction» и т. д., т. V, стр. 109.

² Ibid., стр. 137.

хия — храмом Земледелия; церковь св. Жермена-Оксерруа — храмом Признательности; церковь св. Лаврентия — храмом Старости; церковь св. Николая — храмом Гименя; церковь св. Мерри — храмом Торговли; церковь св. Маргариты — храмом Свободы и Равенства; церковь св. Жерве — храмом Юности; Собор богоматери — храмом Верховного существа; церковь св. Фомы Аквинского — храмом Мира; церковь св. Скульпция — храмом Победы; церковь св. Иакова — храмом Благотворительности; церковь св. Медара — храмом Труда; церковь св. Стефана — храмом Сыновней любви.

Вообще говоря, празднование десятых дней декад возбуждало скорее любопытство, нежели энтузиазм. Граждан стекалось на них не особенно много; всего более являлось публики ради совершения браков. В этом отношении одним из самых любопытных и авторитетных показаний служит свидетельство комиссара Директории при центральной сенской администрации Дюпена. Вот что он говорит в своем докладе от конца вандемьера VII года: «Празднества декад совершались если не с полным, то все-таки с весьма ободряющим успехом. Некоторые муниципальные чиновники не приходили на них под разными предлогами; центральная администрация вызвала их и сделала им отеческое внушение, которым они воспользовались при следующих празднествах. Опыт показывает, как правы были настаивавшие на том, чтобы браки совершались лишь на этих собраниях. В тот десятый день, когда нет свадеб, храм пустует. Надо признать, что до сих пор только это обстоятельство и привлекает публику на наши празднества. Для того чтобы она стекалась на них, необходимо, чтобы ее привлекало какое-нибудь развлечение; чтение же законов и даже «Бюллетеня», составленного очень сухо, не доставляет для этого достаточно материала. Статьи о земледелии интересуют сельских жителей, но мало интересуют горожан. Какие-нибудь физические опыты, как указывает на это министр в своем циркуляре центральным школам, произвели бы больше впечатления. А пока что празднества происходили без нарушения порядка, если не считать за таковое несколько иронических замечаний, вызванных бракосочетанием одной старой девицы в головном уборе молодой девушки с уродливым юношей. Я не упомянул бы об этом в своем отчете, если бы люди, жаждущие дурных известий, не разгласили, что в здании Рок, в последний десятый день декады, произошли беспорядки; но я должен сообщить о другом, гораздо более интересном факте, показывающем, как нетрудно открыть глаза народу. В одном сельском кантоне (Пьеррефитт) недавно совершалась свадьба в храме декад. Президент произнес прекрасную речь, после которой жениху и невесте были вручены кольца (деревенские

жители придают большое значение этому вручению колец). По окончании церемонии один из присутствующих спросил у комиссара, во сколько обходится бракосочетание при республике. Мой коллега ответил на это достаточно громко, чтобы его услышало все собрание, что республика, не требуя никаких денег у вступающих в брак, считает себя вполне вознагражденной той надеждой, что молодые супруги принесут ей детей, достойных ее; но что их священник потребовал бы с них денег, ничего не прибавив к торжеству свадебной церемонии. На это родители и новобрачные, переглянувшись, ответили, что священник, конечно, ничего не прибавил бы, и весело удалились, унося с собой свои деньги. В этом кантоне торжественное празднование декад произвело такое импонирующее впечатление на жителей, что браки, совершаемые по новому способу, уже не подвергаются более утверждению священника, как это всегда делалось прежде, когда браки совершались одним агентом коммуны. Это не малый успех, одержанный философией¹.

Далее Дюпен пишет: «Мне кажется, что гражданская религия скоро упразднила бы все остальные, если бы сумели сделать ее церемонии более привлекательными». Это была иллюзия: во фримере VII года полицейские рапорты констатировали «общее равнодушие». В этих церквях с разбитыми стеклами было холодно, плохо видно и плохо слышно². Чтобы устранить эти неудобства, центральная сенская администрация распорядилась о производстве починок в храмах. Постановлением от 18 нивоза VI года она велела устроить в каждом из храмов эстраду для муниципальных чиновников, поставила скамейки для публики, бюсты великих людей и треугольный алтарь отечества, причем на каждой стороне его были «обозначены аллегорическими фигурами главнейшие эпохи гражданской жизни, как они установлены законом». Президент муниципальной администрации должен был задавать ученикам школ вопросы относительно конституции; празднование должно было сопровождаться пением какого-нибудь гимна или исполнением симфонии. При случае раздавались бы гражданские венки лицам, проявившим мужество. При совершении браков президент должен был произносить речи.

Приведение в исполнение этого постановления улучшило празднование декад; стало приходить больше народа, и полицейские рапорты указывают на несомненный прогресс³.

В конце эпохи Директории культ декад вошел мало-помалу в нравы, по крайней мере в Париже. В некоторых городах, как, например, в Безансоне, десятые дни праздновались

¹ «Paris pendant la réaction», т. V, стр. 167.

² Ibid., т. V, стр. 172, 237, 238.

³ Ibid., стр. 388, 425.

с большим усердием и успехом¹. Но, вообще говоря, они не вызывали энтузиазма. В некоторых сельских кантонах муниципальные чиновники жаловались, что день отдыха для граждан обратился для них, чиновников, в день труда, и без всякого вознаграждения за это². С другой стороны, католики обоих толков старались представить эти празднества в смешном виде.

Тем не менее культ декад поддерживался и даже скорее развивался в момент падения буржуазной республики.

Что касается теофилантропии, то мы видели, что этот рационалистический культ достиг своего высшего развития в момент государственного переворота 18 фруктидора. Собрания теофилантропов продолжали пользоваться покровительством правительства, как «школа наиболее здравой морали»³. Они занимали сначала только три или четыре храма. В вандемьере VII года они уже основались во всех пятнадцати парижских храмах. Это было слишком много для них, и они могли собирать в каждом из храмов лишь небольшую группу верующих, тем более что их собрания, привлекавшие сначала много любопытных, давно уже посещались только настоящими адептами. В фримере VII года комиссар Дюпен доносит, что теофилантропы, «повидимому, исчезают», что «те, которые посещали их собрания по гражданскому долгу, предпочитают, повидимому, праздники декад», а «те, которые шли туда из любопытства, уже более не чувствуют влечения». В нивозе VII года тот же Дюпен пишет: «Теофилантропы еще существуют, но число их не возрастает, и их существование не блестяще»; а в жерминале VIII года: «Число их не возрастает и не уменьшается»⁴.

Мы можем сказать только, что в брюмере VIII года теофилантропическая церковь еще существовала и еще тревожила католиков. Совместное пользование храмами при этой системе отделения церкви от государства не обходилось без ссор. Католики обнаруживали иногда большую нетерпимость, как это видно из многочисленных административных рапортов. Так, 20 мессидора VII года католики Жюневилля (департамент Арденн) «оскорбляли брачные пары в храме декад». 25 термидора того же года католики Шарли (департамент Эн) сожгли алтарь теофилантропов⁵. В Париже они оскорбляли их самыми вызывающими насмешками⁶. Теофилантропы во всех таких случаях держали себя очень миролюбиво. Так, в VIII году

¹ *Sauzay*, т. X, стр. 305.

² «Paris pendant la réaction», т. V, стр. 96.

³ *Ibid.*, т. IV, стр. 573.

⁴ *Ibid.*, т. V, стр. 273, 327, 479.

⁵ *Arch. nat.*, F¹ ci, 12.

⁶ Особенно в первый год (см. «Париж в период реакции», т. IV, стр. 383, 387, 428, 437, 440, 448, 470, 475, 496). Эти насмешки ослабли, начиная

в Париже, когда муниципалитет IX округа удержал для празднования декад хоры и среднюю часть Собора богоматери, а католикам и филантропам предоставил лишь боковые части, первые стали ронять, между тем как последние подчинились, хотя при этом был разрушен гипсовый алтарь, сооруженный ими на хорах; они только просили, чтобы им была уплачена стоимость этого алтаря. В докладе (без даты), представленном по этому поводу министром внутренних дел Франсуа (из Нешато), проводится параллель в очень поучительных для нас выражениях между нетерпимостью католиков даже непапистов и миролюбивым настроением теофилантропов. «Эта нетерпимая секта, — говорит он о католиках, — не допускает в тех местах, где отправляется ее культ, никаких других атрибутов, кроме принадлежащих последнему. Там, где она ставит изображение Марии, необходимо закрывать статую Мудрости и заменять бюст Сократа или Платона бюстом св. Доминика. Подобная уступка была бы слабостью.

Слишком достаточно того, что этой исключительной и ненавистнической секте были предоставлены часовни и одна из боковых частей церкви. Культ теофилантропов, напротив того, прекрасно уживается с принадлежностями культа декад. Они даже служат для него самого вспомогательными украшениями, блеском которых он пользуется»¹.

Эти споры между различными культами не доходили до гражданской войны и даже не вызывали серьезных беспорядков. Хотя культы с трудом уживались друг с другом при системе отделения церкви от государства, но все-таки уживались. Суровые меры Директории, направленные против самой значительной из церквей, были ли они справедливы или несправедливы, законны или произвольны, мешали ее преобладанию, и таким образом религиозное равновесие было установлено. В начале VIII года религиозный мир существовал на значительной части территории и начинал обнаруживаться повсюду.

С другой стороны, если Директория и не осуществила своей задней мысли, своего то скрываемого, то высказываемого открыто намерения упразднить католическую религию, то тем не менее своей политикой она популяризовала идею светского государства, упрочила тот светский характер государства, которым уже облекла его конституция. Она наблюдала за тем, чтобы у народного просвещения не было другой основы, кроме рационалистической. Так, если ограничиться лишь одним примером, министр внутренних дел Франсуа (из Нешато) писал

с пивоза VI года, когда католики увидели, что теофилантропы не пользуются успехом (см. *ibid.*, стр. 507, 517, 543, 559).

¹ Arch. nat., F¹⁹, стр. 470.

17 вандемьера VII года в своем циркуляре преподавателям центральных школ¹: «Вы должны устранить из вашего преподавания все, что имеет отношение к догматам и обрядам каких бы то ни было культов или сект. Конституция терпит их, без сомнения; но их влияние не входит в состав народного просвещения и не может входить в него. Конституция построена на основах всеобщей морали; следовательно, эта именно мораль всех времен, всех стран и всех религий, этот закон, начертанный на скрижалях человеческого рода, и должен одушевлять ваше преподавание, служить объектом и объединяющей связью ваших уроков так же, как они служат объединяющей связью для общества»².

Вскоре после 18 фруктидора Директория обязала кандидатов на общественные должности представлять удостоверение в том, что они посещали общественные школы (постановление 27 фримера VI года). Затем она организовала строгий надзор за свободными школами с намерением закрыть все школы, преподавание в которых было бы основано не на рациональных принципах французской революции (постановление от 27 плювиоза VI года)³.

Такова была религиозная политика Директории и такова была эволюция религиозных партий в промежуток времени между 18 фруктидора V года и 18 брюмера VIII года.

III

Роялистская партия как бы сама задалась целью доказать существование обширного заговора, который был возведен Директорией, и таким образом оправдать государственный переворот 18 фруктидора. В департаменте Гар инсургенты, под предводительством роялиста Д. Алье, овладели городком Пон-Сент-Эспри, но не могли удержаться в нем. В Карпантресе, Тарасконе и в окрестностях Лиона с западной стороны появились вооруженные сборища. Директория легко справилась с ними. Она объявила осадное положение в городах Лионе, Монпелье, Периге, Лиможе и некоторых других, где происходили роялистские волнения. Видя, что Франция признала события 18 фруктидора, роялисты чувствовали себя побежденными.

Они надеялись, что если бы республика попала в руки

¹ Центральные школы с очень широкой программой были учреждены Конвентом по одной на каждые 300 000 жителей. Они прекратили свое довольно эфемерное существование в 1808 г. — *Прим. перев.*

² «Recueil des lettres circulaires du ministre de l'intérieur», т. I, стр. 224 (Над. библ., I. f. 132/6, in-4).

³ См. в «Revue bleue» от 12 мая 1900 г. мою статью о «Школьной политике Директории».

умеренных, то последние примкнули бы в конце концов к монархии. Но вот умеренные оказываются побежденными, раздавленными. Те из роялистов, которые вместе с графом Пюизе, вождем бретонского восстания, всегда предпочитали вооруженную борьбу с республикой мирным парламентским интригам и коалициям с республиканцами правой стороны, почувствовали, что события поощряют их продолжать их непримиримую политику. 5 декабря 1797 г. (15 фримера VI года) Пюизе, Фротте, Шатильон, Бурмон, Сюзаннэ и д'Алэгр, собравшись в Лондоне, отправили графу д'Артуа коллективное письмо, особенно интересное для нас в том отношении, что авторы признают в нем, что Франция не проникнута роялизмом, как в этом старались убедить короля живые придворные. Вот их собственные слова: «Франция, говорят эти придворные, приписывая своим воображаемым усилиям ту естественную перемену, которая должна была произойти в общественном мнении, — Франция вполне проникнута роялизмом. Вернее было бы сказать: «французы или почти все французы — недовольны». Тогда не пришли бы с таким легкомыслием к выводу, что во Франции существовало почти единодушное желание вернуть короля...». Без сомнения, во Франции были монархисты; но многие из них склонились призвать другого короля, а не Бурбона. Если бы, например, эрц-герцог Карл женился на дочери Людовика XVI, то у него было бы много шансов отеснить Людовика XVIII, а раз он был бы на троне, то наша обязанность сказать королю и вашему высочеству, что даже среди самих роялистов не возвысился бы тогда ни один голос и не поднялась бы ни одна рука, чтобы низложить его». Единственное средство избежать этой опасности они видели в том, чтобы граф д'Артуа сам прибыл наконец во Францию и стал бы во главе своих приверженцев. Граф д'Артуа сухо отказался, говоря, что тогда не время было начинать восстание. Впрочем, событие, которым ему угрожали, не имело места: 10 июня 1799 г. (22 прериаля VII года) дочь Людовика XVI вышла замуж за своего двоюродного брата, герцога Ангулемского¹.

В сентябре 1798 г. вожди роялистов послали в Митаву Латремойля добиться от самого Людовика XVIII определенного решения; но и эта попытка оказалась тщетной.

Причины, по которым с конца V и по начало VII года ни граф д'Артуа, ни Людовик XVIII не хотели предпринять ничего решительного, заключались в военных и дипломатических успехах республики, в том страхе, который был внушен роялистам, находившимся во Франции, диктаторскими законами и боевой политикой, последовавшей за 18 фруктидора, и нако-

¹ *L. de la Sicotière, Louis de Frotté, т. II, стр. 140, 142, 143, 148, 338.*

нец — в распространении республиканских идей даже среди сельских масс французского народа¹. В этот промежуток времени не было гражданской войны, но беспорядки еще продолжались. Шуанство временно прекратилось, как восстание вооруженных шаек, но оно продолжало существовать в форме разбоя. Роялистские вожди систематически рекомендовали нападать на дилижансы и грабить их², и это было одним из средств, которым пользовались шуаны, чтобы помешать полному восстановлению порядка и безопасности. Несмотря на летучие отряды, пересекавшие страну, и на охрану карет солдатами, грабежи и убийства происходили почти ежедневно. По всей Франции господствовал страх; всеми чувствовалось, что правительство, не умевшее обеспечить безопасность дорог, не было прочно. Это отсутствие доверия было одною из главных причин, почему во весь этот период так плохо уплачивались подати, и, к слову сказать, именно этим тревогам, возбуждаемым роялистами и непокорными священниками, следует приписать прежде всего те страшные финансовые затруднения, которые приходилось переживать Директории.

Порядок тем не менее был бы восстановлен, если бы военное положение не сделалось тогда снова критическим и если бы первые успехи второй европейской коалиции не поставили французскую республику в крайне опасное положение. Тогда, между прериалем и фруктидором VII года, Людовик XVIII решился наконец покинуть свою выжидательную политику, а граф д'Артуа организовал восстание в Лангедоке, Бретани, Анжу, Мэне, Перше и Нормандии при помощи Кадудая, Шатильона, Бурмона и Фроттэ. Дело шло о том, чтобы произвести внутри Франции диверсию, которая была бы полезна Суворову и австрийцам.

Первое и, быть может, наиболее серьезное из таких роялистских восстаний произошло в термидоре VII года в департаментах Верхней Гаронны, Арьежа, Жерса, Ода, Тарна, Ло и Ло-и-Гаронны. Подготовленное задолго до того эмигрантами и неприсягнувшими священниками, возвращавшимися со всех сторон, это восстание вспыхнуло при известии о военных неудачах республики, под влиянием недовольства, вызванного среди крестьян массовым набором. В тулузском районе в ночь с 18 на 19 термидора самопроизвольно сформировалась армия из пятнадцати или двадцати тысяч недовольных крестьян и

¹ Сильное и всеобщее волнение, вызванное смертью Гоша, последовавшей в 3-й дополнительный день V года (19 сентября 1797 г.), успех народных погребальных церемоний, устроенных в честь этого республиканского генерала, и общее национальное горе засвидетельствовали тогда, если можно так выразиться, жизнеспособность революционной Франции.

² См. *La Sicotière*, т. II, стр. 233; ср. *ibid.*, стр. 186, 189, 201, 289, 336.

уклонившихся от службы рекрутов, фанатизированных священниками; офицерами у них были дворяне под главным начальством бывшего республиканского генерала, по имени Руже. Целью этих инсургентов было завладеть Тулузой, гарнизон которой был отправлен на границу. Благодаря мужеству и присутствию духа департаментской администрации, особенно в Верхней Гаронне, а также благодаря патриотизму национальных гвардейцев, быстро явились элементы серьезного сопротивления. В Тулузе организовалась небольшая армия волонтеров. Королевская армия, уже овладевшая несколькими городками, между прочим Мюрэ, должна была отступить и была уничтожена при Монрежо (3 брюктидора VII года). Этой победой республика была обязана исключительно мужеству южных республиканцев. Когда войска, посланные военным министром под начальством генерала Фрежвилля, прибыли в Тулузу, восстание уже было подавлено, и Франция узнала почти одновременно о начале и о конце этого восстания¹.

В Нормандии Фроттэ, высадившийся на берег 1 вандемьера VIII года, немедленно же оказался во главе около десяти тысяч инсургентов. Он сформировал из них «католическую и королевскую армию», а в прокламации от 25 октября 1799 г. (3 брюмера VII года) приглашал «от имени бога наших отцов и нашего законного короля Людовика XVIII» «храбрых и верных нормандцев» братья за ружье, обещая им, что граф д'Артуа скоро высадится сам во Францию². Фроттэ не осмелился или не мог овладеть ни одним городом.

В других случаях вооруженного восстания роялисты оказались более смелыми и нападали на большие города. В ночь с 22 на 23 вандемьера VIII года армия графа Бурмона внезапно овладела городом Маном (Mans), ограбила его, держала в своих руках до 25 вандемьера и покинула, когда стали приближаться республиканские войска. Шатильон и д'Андилье попытались таким же путем захватить Нант: их армия проникла в город в ночь с 27 на 28 вандемьера; но ей удалось только освободить нескольких заключенных, после чего она была выгнана. 4 брюмера Шатильон напал на город Ванн, но безуспешно. В то же время, в ночь с 4 на 5 брюмера, тысяча шуанов овладела городом Сен-Брие, но могла удержаться в нем лишь несколько часов. В провинции Анжу д'Отишан попытался овладеть городом Шолэ, но роялисты были сами захва-

¹ См. *B. Lavigne, Histoire de l'insurrection royaliste de l'an VII, Париж 1887, in-18.*

² *La Sicotière, т. II, стр. 296, 303, 308, 328.*

чены врасплох вылазкой гарнизона этого города и рассеяны (7 брюмера VIII года)¹.

16 брюмера VIII года военный министр Дюбуа-Крансе так определял в своем докладе Директории силы роялистских инсургентов в западных провинциях: «У Шатильона в Анжу 3 000 человек, надеется собрать 12 000; у Бурмона, в провинции Мэн, 7 000 человек, надеется довести это число до 15 000; Фроттэ утверждает, что располагает 20 000 человек в Нормандии; столько же надо считать в Бретани у различных вождей... Шайки состоят главным образом из молодых людей, подлежащих рекрутскому набору и набранных добровольно или силою...»²

Эти вожди инсургентов надеялись скоро соединиться с англичанами, австрийцами и русскими; но их надежды не сбылись. Победы Брюна в Голландии (в 3-й дополнительный день VII года) и Массенà в Цюрихе (3—8 вандемьера VIII года) предохранили Францию от нашествия и спасли республику. С другой стороны, если роялисты имели вначале быстрые и неожиданные военные успехи, то они не могли все-таки удержаться в завоеванных городах. Их смелость нигде не была поддержана общим и восторженным одобрением населения. Им легко было овладеть крепостями, гарнизоны которых были отправлены на границу, но они нигде не могли создать чего-нибудь прочного. Роялистские вожди чувствовали себя побежденными не только вследствие побед, одержанных над союзниками Брюном и Массенà, но также и вследствие неудачи их плана поднять крестьян. В момент исчезновения Директории эти вожди уже подумывали о капитуляции. Генералу Эдувилю, бывшему начальником штаба при Гоше, а затем назначенному командиром «английской армии», т. е. свободных войск, посланных против шуанов, были знакомы эти «замирения». Он немедленно же вступил в переговоры с генералами Людовика XVIII. 18 брюмера VIII года он принял в своей главной квартире в Анжере госпожу Тюрпен-Криссе, которой было поручено Шатильоном и д'Отишаном вести переговоры о перемирии³.

Таким образом, в момент падения Директории роялистское восстание на западе было морально побеждено, и роялистская партия вообще находилась в полном разложении⁴. В Париже

¹ См. *Ch.-L. Chassin, Les Pacifications de l'Ouest*, т. III, стр. 383—387, 392, 393, 402, 404, 423, 425.

² *Ch.-L. Chassin, ibid.*, стр. 435.

³ *La Sicotière*, т. II, стр. 364.

⁴ Правда ли, что один из членов Директории, Баррас, сделался в VII году тайным агентом Людовика XVIII? Были опубликованы королевские грамоты, помеченные 8 мая 1799 г., в которых король гарантиро-

она давно уже была принуждена скрываться в салонах и масонских ложах¹.

IV

Государственный переворот 18 фруктидора произошел по соглашению между республиканцами-демократами (которых называли тогда якобинцами, анархистами, террористами, исключительными) и буржуазными республиканцами (или правительственными республиканцами, либералами-консерваторами). Это соглашение было непрочно. Не прошло нескольких месяцев, как республиканцы правой стороны возобновили свои нападки на республиканцев левой, упрекая их в их тесной связи с бабувистами и в их бабувистических стремлениях. 9 вантоза Бенжамен Констан обрушился в Конституционном клубе на «анархистов», которых он считал заслуживающими скорее презрения, чем опасными. «... Они хотят, — сказал он, — сравняться с Дантоном, проповедуя анархию; но у Дантона были смелые мысли и глубокие эмоции; Дантон потрясал своих слушателей, потому что у него у самого была душа; Дантон был способен к состраданию, этой добродетели великодушных сердец, без которой человек перестает быть человеком и не может произвести никакого впечатления на других; а его воображаемые преемники, эти неумелые крикуны и декламаторы, холодные в своем безумии и мелкие в своей развращенности, так же узки и ничтожны, как одушевляющие их интересы». Но не будем больше говорить об анархистах и террористах; теперь настает опасность другого рода: ей подвергается собственность. «Революция совершена во имя свободы и равенства всех, причем собственность каждого осталась неприкосновенной. Повсюду, где существует собственность, она должна быть

вал Баррасу безнаказанность за его участие в царевубийстве, в случае реставрации. Утверждают, что он получил деньги в награду за свою намену и получал их еще в эпоху Реставрации. В своих «Мемуарах», редактированных Руссеном де Сент-Альбен, Баррас утверждает (т. III, стр. 494 и след.), что, получив предложение от Людовика XVIII, он сообщил об этом своим сотоварищам по Директории, которые убедили его сделать вид, что он соглашается на подкуп, и продолжать интригу. Тот факт, что невозможно указать ни одной действительной услуги, которую роялисты получили бы от Барраса, повидимому, подтверждает посмертное самооправдание этого члена Директории. См. об этом: *Fauche Borel, Mémoires; Th. Muret, Histoire des guerres de l'Ouest; Gohier, Mémoires; Ernest Daudet, Les Emigrés et la seconde coalition; Ch. Nauroy, Le Curieux, т. II, стр. 347; Ch.-L. Chassin, Les Pacifications, т. III, стр. 360.*

¹ В своем докладе от брюмера VII года комиссар Директории Дюпен пишет о роялистах: «Замкнувшись в свои масонские ложи, они думают, что укрылись от глаз полиции, и надеются соблазнить на своих банкетах многих должностных лиц» («Paris pendant la réaction», и т. д., т. V, стр. 219).

неприкосновенной; коснуться ее значит вторгнуться в нее, поколебать ее, разрушить; она — чудо общественного порядка; она стала его основой; она может перестать быть ею, только перестав существовать. Но революция не хотела, чтобы она перестала существовать; следовательно, революция обязалась защищать ее. Из того, что революция не была направлена против собственности, вытекает, что она была совершена в пользу ее, и все правительственные средства, все меры законодателя должны стремиться к тому, чтобы поддержать ее, упрочить, окружить священной оградой... «Кто отнимает имущество у богатого, тот угрожает бедняку; кто осуждает роскошь, тот подкапывается под средний достаток».

Таким образом, правительственные республиканцы были решительными консерваторами. Но если бы собственники, которых они хотели защитить, не примкнули искренно к республике, то это было бы гибелью и для собственников, и для правительственных республиканцев. «События последних восьми лет, — говорил Бенжамен Констан, — показывают нам бесчисленные примеры людей, погибших из-за своих союзников. Более чем пора, следовательно, научиться избегать неосторожных союзов. Дворянство, на которое никто не нападал, бросилось на помощь феодализму, которому грозила опасность, — и дворянства нет более. Королевская власть, которая была пощажена, устремилась на помощь дворянству, находившемуся в опасности, — и королевская власть рухнула. Собственность, пользующаяся уважением, которое мы хотим сохранить за ней, посвятила, повидимому, много сожалений побежденной королевской власти и употребила некоторые усилия, чтобы восстановить ее. Пусть собственность будет осторожна! Закон непреложен: кто поддерживает то, что должно упасть, тот лишь обусловливает этим свое собственное падение; если собственность будет ослеплена, то мы легко можем погибнуть вместе с ней, но не будем в состоянии защитить ее».

На выборах VI года вопрос шел о том, чтобы воспротивиться одновременно «наследственности и произволу»; а чтобы достигнуть этого, необходимо было «доверять общественные должности в республике только республиканцам»¹.

Не эта несвязная программа могла бы объединить общественное мнение. Но это не значит, чтобы у демократов была более солидная и ясная программа, или даже вообще какая бы то ни было программа, кроме состоявшей, повидимому, в том, чтобы изменить личный состав правительства. Но Директория доставила им известного рода популярность, преследуя их,

¹ «Discours prononcé au Cercle constitutionnel le 9 ventose an VI», par Benjamin Constant. Брошюра в 23 стр., in-8, Нац. библ., Lb. 40/816.

устраняя их от должностей, запрещая их газеты, и в то же время она сама лишала себя популярности, окружая себя свитой продажных чиновников и биржевых игроков, во главе которых стоял, повидимому, Баррас. По сравнению с такой неурядицей (результатом финансовых мер, на которые вынудило правительство продолжение войны), республиканцы-демократы (или бывшие ими ранее) являлись представителями честности и добродетели.

Выборы жерминаля VI года оказались благоприятными для них: они получили на них большинство не столько в качестве демократов, сколько в качестве противников Директории.

Директория немедленно же завопила об общественной опасности. В послании от 13 флореала VI года она обличала своих противников левого лагеря, как социалистов и робеспьеристов: «Говоря об «анархистах», Директория отнюдь не хочет смешивать с ними энергичных республиканцев, этих скорее страстных любовников, чем просто друзей свободы и конституции III года, умеющих подчинять закону властное чувство свободы; под анархистами она понимает людей, запятнанных кровью и грабежом, проповедующих всеобщее счастье с целью обогатиться разорением всех, говорящих о равенстве лишь для того, чтобы сделаться деспотами, способных на всякие низости и преступления, вздыхающих по своей прежней власти; людей, наконец, которые 8 термидора были агентами Робеспьера и занимали должности во всей республике, а после 9 термидора играли роль во всех махинациях, были сторонниками Бабёфа и заговорщиками Гренельского лагеря»¹. В заключение Директория просила депутатов принять «столь же действительные меры», как и 18 фруктидора; и «в такой же мере не вступать в компромиссы с Бабёфом, как и с приверженцами призрака короля».

По докладу Байёля, Совет пятисот принял 19 флореала резолюцию, утвержденную Советом старейших 22 флореала. Мы уже рассматривали этот знаменитый закон 22 флореала VI года², имевший своим последствием изменение революционным путем результатов последних выборов и устранение значительной части оппозиции левой стороны.

Мотивировка этого закона представляет собой длинный обвинительный акт против депутатов, об исключении которых шло дело. В нем говорилось о существовании роялистского за-

¹ Если оставить в стороне ругательства, то мы имеем здесь довольно точное историческое определение демократической республиканской партии в эпоху буржуазной республики: противопоставление прежнего правительственного персонала (II года) новому и эгалитарной политике — либеральной.

² См. выше, стр. 713—714.

говора, «который разветвлялся на две части и пользовался двоякого рода агентами, следовавшими, повидимому, противоположным путем, но в действительности шедшими к одной и той же цели». С одной стороны, роялизм, развернувший свое собственное знамя, добился назначения нескольких депутатов. «С другой стороны, и в гораздо большем числе департаментов, роялизм, отчаявшись в своих собственных силах, заменил себя мятежной фракцией, подкупленными орудиями чужеземца, врагами всякого закона, разрушителями всякого общественного порядка...» С тех пор официальным лозунгом было выставить республиканцев-демократов союзниками роялистов, и в течение долгого времени роялизм изображался наряженным в красивую шапку.

Нет ни одного факта, который позволил бы сказать, что это утверждение не было клеветой. Правительственные республиканцы не привели ни одного примера этого воображаемого союза левых республиканцев с роялистами, и мы не встретили ровно ничего, что указывало бы хотя бы даже на минутное соглашение и хотя бы по одному какому-нибудь вопросу между сторонниками Людовика XVIII и «якобинцами».

Изготовленный с большой торопливостью и под влиянием раздражения, этот закон не только покрывал клеветой людей, против которых был направлен, но он, кроме того, поражал их, так сказать, наудачу. Если он исключал из числа депутатов Робера и Тома Ленде, Дюппе, Фиона, Лекинью, которых можно было действительно подозревать в «якобинизме» и в «анархии», то почему в таком случае тот же закон оставил в рядах депутатов столь же известных и признанных «якобинцев»: Почему он оставил, например, Монжэ, Кревелье и Гемберто, Флорана Гюо, Брио и Киро, Дестрем, Женисье и Тало, которые все были избраны или переизбраны в один из двух советов и все представляли собой республиканцев по типу II года. Дело в том, что в сущности никто тогда не отдавал себе ясного отчета в идейных и даже индивидуальных различиях между двумя республиканскими партиями. Все антиклерикалы, все республиканцы расходились между собой как до, так и после 18 фруктидора лишь по второстепенным вопросам, с тем единственным исключением, что республиканцы левой стороны вступили на один момент в союз с бабувистами.

Этот союз был, повидимому, снова заключен в Париже в момент выборов VI года. Известно по крайней мере, что на избирательном собрании, происходившем в Оратории (парижской протестантской церкви), находились также и бабувисты или лица, более или менее замешанные в деле Бабёфа. Но,

с другой стороны, не осталось никаких следов какой-нибудь «социалистической» манифестации во время этих выборов¹.

Является даже вопрос, все ли депутаты, исключенные как анархисты, действительно принадлежали к оппозиции. В департаменте Па-де-Калэ из 9 избранных депутатов исключены были четверо, а именно: Коффен, Тери, Кокюд и Краше. Между тем Коффен состоял комиссаром Директории при центральной департаментской администрации, Тери был комиссаром Директории при муниципальной администрации Бапома, Кокюд был назначен Директорией судьей уже после 18 фруктидора, а что касается Краше, бывшего членом окружной администрации Сент-Омера в 1793 г., то он был отрешен от должности после 31 мая как умеренный; Директория же назначила его в IV году комиссаром при исправительном трибунале Сент-Омера, а затем в VI году в виде повышения — прокурором при уголовном трибунале Па-де-Калэ. Таким образом Законодательный корпус исключил из своей среды как анархистов четырех чиновников, назначенных Директорией и пользовавшихся ее доверием. На этот факт было указано одним из четырех исключенных в брошюре, которая имела тогда большой успех².

Антонелль, один из вождей этих воображаемых «анархистов», также напечатал критику закона 22 флореаля VI года, в которой он стоял всецело на почве конституции III года³. Оба эти демократа, прославившие за самых буйных, отсоветовали всякое восстание и держались строго-конституционной политики⁴.

¹ Республиканцы-консерваторы очень старались уверить в противном. Они отпечатали афишу с таким заголовком: «Попытки осуществить посредством выборов систему Бабёфа, подтверждаемые небольшим алфавитным списком некоторых главнейших избирателей Парижского кантона, изблюбленных детей Бабёфа, руководивших всем в Оратории». Вот этот список (мы выпускаем ссылки на документы процесса Бабёфа, сопровождавшие в оригиналах каждое имя): Одуен, Антонелль, Алибер, Андре, Буден, Бриффо, Крепен, Кретон, Кассе, Клеманс, Камюс, Добиньи, Финон, Фикэ, Готье де Биоза, Грослер, Жорри, Жульен, Лавинь, Лебан, Моро, Нодон, Пьерон, Реаль, Тутен, Тиссо) (Arch. nat., AF III, стр. 100).

² «Appel aux principes ou première lettre de Robert Crachet», 15 термидора VI года. Второе письмо появилось 1 вандемьера VII года (Нац. библ., Lb. 42/1952, 42/1997, in-8).

³ «La constitution et les principes opposés aux floréalistes» (Нац. библ., Lb. 42/1953, in-8).

⁴ См., например, брошюру, наделавшую большого шума: «La grande conspiration anarchique de l'Oratoire renvoyée à ses auteurs», par le citoyen Bach (Нац. библ., Lb. 42/550, in-8).

Автор восстает против закона 22 флореаля и произносит похвалу избирателям Оратории, одним из которых он был сам. Анархический заговор! Так можно назвать разве тот заговор, который создают узурпаторы верховной власти народа, шпионы, биржевые игроки и т. д. — Но не надо никаких восстаний. Сомкнемся вокруг конституции III года. Такова сущность этого памфлета, на который указывалось как на смелый акт левой оппозиции.

Сам Законодательный корпус скоро стал, повидимому, стыдиться своего бестолкового государственного переворота. На обеде депутатов 28 прериала VI года, когда Байель предложил в честь закона 22 флореаля, поднялись сильные протесты, и тост не был поддержан¹.

Эта опасность со стороны левых республиканцев, провозглашенная с таким шумом, начала казаться химерической, особенно когда стало заметно, что парижские рабочие относились равнодушно к демократической пропаганде². Полиция смеялась над стараниями «полтораэта разбойников из главного штаба анархистов»³.

Почему же это? Потому что голод прекратился и жизнь стала тогда дешевой⁴. С начала фримера V года цена пшеницы понизилась до 24 ливров, а фунт говядины стоил 4 су при оптовой покупке и 8 су в розницу⁵. В полицейском докладе за вандемьер VII года говорилось, что народ был доволен тем, что имел наконец свои «три восьмерки», которых так добивался в 1789 и 1790 годах, т. е. имел хлеб по 8 су за 3 фунта, вино по 8 су за литр и говядину по 8 су за фунт⁶. Вот в каких выражениях газета «Le Rédacteur» от 24 мессидора VI года констатировала возросшее благосостояние рабочих: «... Другое очень замечательное улучшение, хотя на него мало обращается внимания, наблюдается в жизни рабочих и поденщиков: не только улучшилась их повседневная пища, так как они едят теперь сравнительно больше мяса и зелени, чем прежде, но эта пища распределяется более равномерно. Прежде все подмастерья портных, сапожников, седельщиков, каменщиков и т. д. в Париже довольствовались в течение всей недели двумя жалкими трапезами в день, в 5 и даже 4½ су каждая, с водою вместо питья, но зато все воскресенья и половины понедельников они проводили в пьянстве, и все улицы рабочих кварталов были покрыты тогда пьяными, для которых они не были достаточно широки и которые дрались между собою или со своими женами, желавшими отвести их домой. Теперь же эти самые рабочие меньше едят и пьют в десятые и первые дни декад по праздникам и понедельникам, но зато они лучше едят каждодневно и обыкновенно выпивают немного вина за завтраком и обедом. Их физическое и нравственное состояние может только выиграть от такой перемены». Ни пропаганда в пользу всеобщего избирательного права, ни пропаганда бабувизма не

¹ «Paris pendant la réaction», т. IV, стр. 721.

² Ibid., т. IV, стр. 282, 472; т. V, стр. 181.

³ Ibid., т. V, стр. 217.

⁴ Ibid., т. III, стр. 591, 592, 737; т. VI, стр. 292; т. V, стр. 222.

⁵ Ibid., т. III, стр. 591.

⁶ Ibid., т. V, стр. 173.

имели теперь шансов на успех в предместьях Сен-Марсо и Сент-Антуанском, где почти не осталось энергичной молодежи, выхваченной рекрутскими наборами, и где после стольких физических страданий материальная жизнь сделалась теперь лучше, чем когда бы то ни было прежде.

V

Вследствие этого влияние республиканцев-демократов проявлялось не на улицах, а в Законодательном корпусе. Государственный переворот 22 флореаля VI года не удалил всех новоизбранных депутатов; их осталось достаточно для того, чтобы настроение большинства в обоих советах заметно изменилось. Обнаружилась довольно сильная оппозиция Директории особенно в финансовых вопросах, оппозиция, цель которой заключалась в том, чтобы вывести Законодательный корпус из того подчиненного положения, в которое поставил его государственный переворот 18 фруктидора. Правительству ставились в вину те хищения в администрации, особенно военной, на которые не могли не указывать даже наиболее снисходительные люди. Теперь уже не роялисты, которых можно было бы подозревать в пристрастии, а горячие республиканцы, как например Женисьё, изобличали в Совете пятисот (19 термидора VI года) «клику, угрожавшую свободе путем разорения государства и деморализации общества». Докладчик комиссии Совета пятисот, которой было поручено произвести следствие по этому поводу, произнес следующие тревожные слова (2 фруктидора VI года): «Нет ни одного административного ведомства, куда не проникли бы безнравственность и продажность... Дальнейшая снисходительность сделала бы вас соучастниками тех людей, которых обвиняет общественный голос. Они будут сброшены с высоты пышных колесниц и низвергнуты в бездну общественного презрения; колоссальные богатства этих людей свидетельствуют о бесчестных и преступных средствах, которыми они были приобретены». Правда, докладчик делал вид, что приписывает эти беспорядки «бюрократии», а не самой Директории, но некоторая часть общественного мнения была менее снисходительна: она приписывала воровство поставщикам и скандалы биржевых спекуляций развратному и беспечному Баррасу; она приписывала их также честному Ребеллю, поплатившемуся за продажных чиновников, которыми он имел слабость окружить себя, за непопулярность своего проекта, военного министра Шерера, и за обвинения, сыпавшиеся со всех сторон на его родственника Рапина, бывшего комиссаром Директории в Швейцарии. Никто не стеснялся говорить, что именно из салонов Директории исходила вся эта развра-

ценность, выставлявшаяся напоказ с циническим бесстыдством недавно разбогатевшими людьми, спекулировавшими на ассигнации, на национальные имущества и военные поставки, причем многие историки открыли потом, задним числом, эту развращенность и в нравах всего тогдашнего общества.

Но возможно, что в действительности общественные нравы бывают всего хуже не в те эпохи, когда всего более жалуются на дурные нравы. Читая со вниманием подлинные свидетельства того времени, а именно газеты и полицейские рапорты, замечаешь, что скандальные обычаи были усвоены тогда лишь несколькими эксцентричными лицами, что в газетах, даже роялистских, язык был приличнее, чем во времена монархии, что редакторы этих газет выражали свое удивление при малейшем скандале и что если нравы отличались тогда легкостью в саду Идали, то зато проституция в Париже тогда уменьшилась. В прериае VI года комиссар Исполнительной дирекции Дюпен писал: «Нравы не особенно дурны; сохраняется еще общественный стыд, и, несмотря на суровость цензуров, можно сказать, сравнивая теперешние нравы с нравами старого порядка, что если теперь меньше церемонности, то по крайней мере столько же честности. С некоторых пор проституция стала менее скандальной. Полиция серьезно старается сдерживать ее»¹. Таким образом, когда говорят о «развращенности Директории», как я делал это и сам в то время, когда слишком доверял мемуарам, то слишком злоупотребляют обобщениями; ничто не позволяет приписывать всей Директории нравы Барраса или всей Франции нравы нескольких бесчестных поставщиков. Возможно даже, если бы в таком вопросе позволительно было категорическое утверждение, что в эпоху Директории общественная нравственность была на пути к улучшению.

Но не подлежит сомнению, что оппозиция убедила тогда страну, что Директория не управляла честно финансами нации. Когда собрались избиратели, с 20 по 29 жерминаля VII года, то они были убеждены, что все хищения были делом Директории и что необходимо было радикально изменить недобросовестную правительственную и административную систему. Они знали также, что итальянская армия была разбита и отступала и что русские выступили против нас, в то время как лучший генерал республики терял свои силы в осаде Сен-Жан-д'Акра. Выбранная новая треть депутатов состояла из левых республиканцев, почти сплошь враждебных Директории. К несчастью для последней, когда один из ее членов, Ребель, вышел

¹ «Paris pendant la réaction» и т. д., т. VI, стр. 735. По этому вопросу об общественной нравственности в эпоху Директории следует прочесть весь IV и весь V томы этого сборника.

по жребию, Законодательный корпус заместил его Сиейсом, относившимся явно враждебно к политике Директории и имевшим в голове свой собственный план конституционной реформы.

Когда вновь избранная треть депутатов начала принимать участие в заседаниях Законодательного корпуса, Директория уже потеряла весь престиж своих военных и дипломатических успехов. Разбитый Журдан перешел обратно Рейн, а в Раштадте только что были убиты французские уполномоченные. Недовольное и встревоженное большинство Законодательного корпуса, по согласию с Сиейсом и благодаря несомненно добросовестной нерешительности Барраса, успело подготовить своего рода удар, направленный на большинство Директории. 17 прерияля Совет пятисот пригласил Директорию уведомить его о причинах наших бедствий и о средствах, которые она предлагала для их устранения. Директория не ответила ничего. 28-го числа от нее был снова потребован ответ, в ожидании которого Совет пятисот объявил свои заседания непрерывными. Наконец Директория решилась составить послание, в котором говорила о «причинах» бедствий, оправдывая себя и обвиняя Законодательный корпус, но отложила изложение «средств» для их устранения.

Законодательный корпус открыл враждебные действия, касавшиеся под конституционными предложениями избрание члена Директории Трейлара, хотя оно произошло еще год тому назад, и заменив Трейлара честным и независимым республиканцем Гюйе.

30 апреля Булэ (из департамента Мерты) заявил в Совете пятисот о необходимости «нанести решительный удар», чтобы заставить Мерлена (из Дуэ) и Ларевельера-Лепо выйти в отставку. Он упрекал первого «в самом узком и отвратительном макиавеллизме», а последнего — «в нападениях на свободу совести» ради покровительства теофилантропам. Совет пятисот немедленно же назначил для рассмотрения этого предложения комиссию, докладчиком которой был тот же Булэ. В своем докладе, представленном на том же заседании, он указывал неопределенно на «произвольные акты и незаконные лишения свободы», а в заключении говорил о необходимости написать по этому поводу Директории послание. Когда это заключение было принято, Совет пятисот, по предложению Франсэ (из Нанта), «принимая во внимание возможность заговоров против безопасности национального представительства или кого-либо из его членов», вотировал следующую резолюцию, немедленно же обращенную Советом старейших в закон: «Всякая власть и всякий индивид, которые посягнули бы на безопасность или свободу Законодательного корпуса или кого-либо из его чле-

нов, путем отдачи приказа или приведения его в исполнение, объявляются вне закона».

Мерлен (из Дуэ) и Ларевельер-Лепо, не решившись противиться этому давлению, прислали свою отставку и были немедленно же замещены генералом Муленом и бывшим членом Конвента Роже Дюко.

Читатель заметит, что Баррас, обвиненный когда-то в составлении триумvirата с Мерленом и Ларевельером, сумел сохранить свое место. Правда ли, как это утверждают, что он изменнически примирился с большинством Законодательного корпуса, сообщив ему планы сопротивления, составленные членами Директории, которым грозила опасность, и разрушив таким образом эти планы? Из «Мемуаров», составленных Руссеном де Сент-Альбен по посмертным запискам Барраса, видно, что последний убедил своих двух сотоварищей подать в отставку, сказав им, что он немедленно же последует их примеру; видно также, что он вел переговоры с вожаками Законодательного корпуса. Он чувствовал, что военные и дипломатические неудачи Директории отняли у нее возможность попытаться на новое 18 фруктидора и в последнюю минуту покинул своих сотоварищей, сделав этим возможной победу Законодательного корпуса над Директорией.

Эту победу называют государственным переворотом 30 прериала VII года, хотя переворот состоял в данном случае лишь в чисто моральном и несомненно законном давлении. Но с той минуты конституция III года, непоправимо извращенная, уже была повидимому осуждена на быстрое исчезновение, и Сиейс при помощи слабого Роже Дюко начал готовить осуществление своих таинственных планов.

VI

Если Совет пятисот взял на себя роль Конвента на заседании 30 прериала, то это было вызвано внешнею опасностью, поражением французов в Германии и Италии. Непрерывавшаяся внешняя опасность, победоносное шествие Суворова, грозившее вторжение неприятеля во Францию, в то время как лучший французский генерал оставался с избранной частью армии на востоке, все это скоро стало вызывать внутри государства возврат к формам террора.

Так же, как в 1792 и 1793 гг., стала ощущаться потребность в сильной и почти диктаторской централизации правительства.

С целью восстановить единство в Директории и дать ей возможность спасти Францию, которой угрожал чужеземец, Совет пятисот заставил Ларевельера-Лепо и Мерлена (из

Дуэ) выйти в отставку. Правда, все это было лишь слабым поподзвонением, почти иллюзией. Если Баррас имел теперь вид главы правительства, то в действительности он не руководил почти ничем и начал терять всякое значение, становясь одновременно союзником всех партий; о Роже Дюко нечего было и говорить; Гойе казался посредственностью; Мулан был лишь честным человеком; Сиейс мечтал о другой республике, в которой он играл бы роль великого электора. Министерство, в промежуток времени с прериала VII года по брюмер VIII, представляло собою подобие Директории, т. е. было бессильно и раздроблено. Фуше, министр полиции, был готов на всякие измены; Рейнар, министр иностранных дел, был лишь агентом своего предшественника, Талейрана; Дюбуа-Крансе, который скоро заменил военного министра, и министр финансов Робер Лендэ не пользовались более при данных обстоятельствах тою властью, которая позволила бы им проявить всю их пронипательность и энергию. Но имена таких республиканцев, как Дюбуа-Крансе, Лендэ и Фуше, как бы напоминали собой революционные времена, причем ввиду приближения Суворова патриотическая экзальтация достигла тогда такой степени, что на мгновение все разногласия исчезли, чтоб дать место новому усилению, направленному на защиту отечества.

Снова появились язык и приемы 1793 г. Подобно тому как после достопамятных «народных дней» побежденные подвергались преследованию и осуждению, передовые республиканцы в Совете пятисот хотели (но безуспешно) подвести под смертный приговор трех бывших членов Директории — Мерлена, Ребелля и Ларевельера, этих «роялистских триумвиров», как их несправедливо называли. Совет пятисот стремился создать Комитет общественного спасения: сначала это была Комиссия одиннадцати, а потом Комиссия семи. Директории было предоставлено право производить домашние обыски. Как и в августе 1793 г., был объявлен массовый набор, а 10 мессидора VII года (28 июня 1799 г.) были призваны на службу рекруты всех разрядов без исключения. Как и в 1792 г., с трибуны раздались крики об отечестве в опасности, и Журдан предложил открыто провозгласить эту опасность (27 и 28 фруктидора VII года); Совет пятисот отверг это предложение, но аплодировал неистовым речам Журдана. Наконец, как мы сейчас увидим, были вотированы террористические законы, и снова появились на сцене якобинцы.

В 1793 г., ради потребностей национальной защиты. Конвент установил принудительный заем в один миллиард, наложенный на «богатых»; 19 фримера IV года советы во-

тировали принудительный заем в размере около 600 миллионов, который падал на пятую часть всех плательщиков налогов. Эти финансовые меры удались довольно плохо, но тем не менее в VII году, под давлением внешней опасности, к ним снова прибегли. 10 мессидора «разряд состоятельных граждан» был призван один покрыть заем в 100 миллионов, предназначенный на сформирование новых батальонов; 19 термидора эта мера приняла форму прогрессивного налога, пропорционального поземельной подати. Еще более революционным и террористическим был так называемый «закон о заложниках», вотированный 24 мессидора VII года. В тот момент, когда надо было вывести все войска изнутри страны для защиты границ, не знали, как прекратить разбой родлистов, отдельные убийства, захваты дилижансов и всякого рода грабежи, с негодованием перечислявшиеся «якобинскими» газетами. Согласно закону о заложниках, когда в каком-нибудь департаменте, кантоне или коммуне обнаружались бы явно такого рода беспорядки, Директория должна была предложить Законодательному корпусу объявить этот департамент, кантон или коммуну подлежащими следующим мерам: родственники эмигрантов, все бывшие дворяне, а также родственники самих разбойников, как мужчины, так и женщины, были бы сделаны ответственными за произведенные убийства и грабежи, и их всех подвергали бы аресту в качестве заложников. Вслед за каждым убийством патриота четверо из заложников были бы отправлены в ссылку, и кроме того все заложники вместе должны были бы платить тогда штраф в 5 000 ливров. После каждого грабежа заложники должны были бы уплатить потерпевшим понесенные ими убытки. Таков был этот закон, скорее только угрожавший и приводившийся в исполнение, повидимому, только в очень редких случаях, в самом начале, до того времени, когда улучшившееся снова положение дел на театре войны сделало его бесполезным и недействительным.

VII

Из всех последствий этой террористической реакции, вызванной тогда внешней опасностью, самой важной было возрождение якобинского клуба. Мы уже видели, что как в начале правления Директории, так и после 18 фруктидора парижский центр этого клуба пытался вновь открыть свои заседания вблизи Пантеона, на улице Дюбак или в Сент-Антуанском предместье. Но конституция III года разрешала лишь «частные общества, занимающиеся политикой»; эти общества не должны были называться народными, не могли иметь своих разветвлений, не могли переписываться между

собой, не могли иметь публичных заседаний, на которых члены общества отличались бы от простых посетителей, не могли, наконец, подавать какие бы то ни было коллективные петиции.

Таким образом, пока отечеству не угрожала опасность и пока общественное мнение относилось враждебно к якобинцам, Директория могла, по своему усмотрению, стеснять или даже вовсе запрещать народные клубы. Но в VII году, под угрозой чужеземного нашествия, общественное мнение допустило серьезную попытку новой якобинской организации, направленной против внутреннего врага, который так же, как в 1792 и 1793 гг., находился в союзе с внешним врагом. 18 мессидора (6 июля 1799 г.) в зале Манежа, с молчаливого разрешения Совета старейших, образовался Союз друзей свободы и равенства. Чтобы не нарушать открыто конституции явным возрождением прежнего центрального парижского клуба, якобинцы не избрали ни президента, ни секретарей, но у них были теперь распорядитель (*régulateur*), его помощник (*vice-régulateur*) и отметчики (*annotateurs*); так как закон запрещал петиции, то они стали теперь составлять и расклеивать в виде афиш адреса, так как закон запрещал филиальные общества, то во всех больших городах «самопроизвольно» возникли свои собственные клубы, организованные по образцу парижского.

У «Союза», заседавшего в Манеже, был свой периодический орган, «Газета Свободных Людей», достойный преемник «Газеты Горы». Общество насчитывало до 3 000 членов, из которых 250 были депутатами. Его распорядителями (или президентами) были: Дестрем, Моро (из департамента Ионны) и генерал Ожеро; из числа его вождей или ораторов можно указать на Друэ, Феликса Лепелетье, Бушотта, Приёра (из департамента Марны) и Ксавье Одуэна. Его комиссия народного просвещения пыталась распространить свои идеи по всей Франции, причем она делала это с большой осторожностью, стараясь держаться легальных, конституционных рамок. Но в самом клубе ораторы не ограничивались тем, что хвалили республиканцев II года, предавали проклятию день 9 термидора, возвеличивали память преринальских жертв и превозносили демократическую республику: наиболее горячие из них осмеливались хвалить Бабёфа и Дартэ и напечатали социалистическую программу; эти неоякобинцы были обвинены после в том, что они «проповедывали аграрный закон¹».

¹ Придерживаясь современной терминологии, этих неоякобинцев можно было бы назвать радикалами-социалистами. Они чтли память

Прежде всего на них обрушились всякого рода оскорбления со стороны роялистов, «невообразимых молодых людей в очках, с косичками и с черными или фиолетовыми воротниками»; затем на них вскоре был сделан донос в Совете старейших, как на анархистов и мятежников, после чего они должны были перебраться в монастырь прежних якобинцев на улицу Дюбак, где и заседали с 9 по 25 термидора. 26 термидора Директория велела запереть их зал, и клуб исчез после тридцативосьмидневного бурного существования, которое устрасило буржуазию и подготовило ее к принятию от «спасителя» тех гарантий, которые ограждали ее от вновь появившегося на мгновение «красного призрака», от аграрного закона, от нового раздела национальных имуществ, о котором якобинцы неосторожно позволили заговорить с своей трибуны.

С этой точки зрения кратковременное возрождение якобинского клуба имело важные исторические последствия.

демократов и бабувистов. Вот отрывок из речи Маршана, произнесенной 2 термидора VII года: «Гужон, Бурботт, Ромм, Субрани, Дюкенуа и вы, Бабёф и Дарте, добродетельные мученики за свободу, мы еще не воздвигли колонны в вашу память и т. д.». Бах, в своих речах от 30 мессидора и 7 термидора, предлагал — «установить немедленно же прогрессивный налог с тем, чтобы обращать остаток от того, что будет уплачиваться таким путем богатыми на понижение налогов, платимых промышленным и трудящимся классом». Его программа заключалась в том, чтобы уменьшить жалование чиновников, заставить врагов народа вернуть все отнятое ими, организовать благотворительные мастерские и требовать у всякого лица, доход которого превышает 1 200 ливров, отчета в пользовании своими деньгами. Наконец, не было бы справедливо в тот момент, когда неимущие граждане идут защищать территорию, объявить их совладельцами имущества наиболее богатых собственников. 18 термидора в программе, вотированной по предложению Феликса Лепелетье, клуб выражал следующие пожелания: «Восстановить в правительстве демократический дух. Восстановить равное и всеобщее образование. Наделить собственностью защитников отечества. — Открыть общественные мастерские с целью уничтожить нищенство». Об этих последних якобинцах см. мою статью в журнале «La Révolution française», т. XXVI, стр. 285.

ГЛАВА V

ПАДЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИИ

- I. Общие причины государственного переворота 18 брюмера. — II. Популярность Наполеона Бонапарта. Его возвращение из Египта. — III. Подготовка государственного переворота. — IV. День 18 брюмера. — V. День 19 брюмера. — VI. Управление и замена Директории.*

I

государственный переворот 18 брюмера, путем которого Бонапарт конфисковал в свою пользу республику и остановил революцию, был хотя косвенным и отдаленным, но несомненным последствием события 20 апреля 1792 г., когда Законодательное собрание объявило войну королю Богемии и Венгрии¹. С тех пор революционная Франция все время вела войну. Несмотря на все свои военные и дипломатические успехи, она не могла добиться общего замирения. Мы видели, что Франция не переставала представлять собой обширный военный лагерь, в котором режим, обусловленный военной дисциплиной, комбинировался с конституционным порядком в тех или других пропорциях, определявшихся большим или меньшим успехом национальной защиты. Основные революционные принципы одновременно провозглашались и нарушались. Чтобы добиться от Европы права установить свободу в будущем, приходилось приостанавливать ее для настоящего времени. Чтобы организовать правительство, которое было бы способно победить Европу и преодолеть сопротивления прошлого, пришлось сначала обратиться с призывом к верховной власти народа, а затем приостановить осуществление этой

¹ См. выше, стр. 223.

власти. Благодаря этому, под прикрытием патриотизма, сложились такие общественные нравы, которые дали возможность честолюбивому генералу сделаться диктатором.

Можно сказать, что патриотизм мало-помалу извращался. Французы начали восвать с целью сделать Францию независимой и свободной, а также и для того, чтобы побрататься с другими народами и извлечь их из рабства. Победы доставили Франции независимость; но они повели за собой также и завоевания. Тогда, позабыв свои обещания относительно полного бескорыстия, нация захотела удержать, с целью возвеличить себя, то, чем она завладела с целью самозащиты. Она стала называть себя устами Директории, в эпоху первых побед Бонапарта в Италии, «великою нациею», а это «величие» состояло в возврате к идеалу старого порядка, в замене политики принципов политикою выгоды и славы¹.

Патриотизм, вначале гуманитарный, сделался потом эгоистическим. Он сделался даже ненавистническим, особенно по отношению к англичанам, которыми французы когда-то так восхищались и которые долго вели беспощадную и нечестную войну с Францией, делая вид, что они хотят вступить в переговоры, а затем прерывая их, сплывая против Франции Европу, уничтожая последствия французских побед и упорно мешая всеобщему замирению. *Англофобия* еще при революционном правительстве извратила французский патриотизм до того, что он стал жестоким — а именно, когда Барер добился 7 прериаля II года декрета, в силу которого запрещалось впредь брать в плен англичан и ганноверцев. Эти враждебные чувства, так мало согласовавшиеся с французским характером и с принципами революции, еще более обострились в период времени с IV по VIII год, благодаря безнадежно затянувшейся войне с Англией. После того как Директория объявила в прокламации от I фримена VI года о своем намерении «продиктовать условия мира в Лондоне», или после того как она заявила, что «великая нация отомстит за вселенную» высадкой в Англии, уже поздно было говорить о том, что «великодушная по природе» Франция «не питала ненависти даже к английской нации» и что она отличала англичан от их правительства: по всей республике уже пронесся тогда вихрь англофобии². Не-

¹ По словам Рёдерера, («Oeuvres», т. III, стр. 236) и Жозефа Бонапарта («Mémoires», т. I, стр. 77), Наполеон Бонапарт сказал Снейсу по возвращении своем из Италии: «...я создал великую нацию». Снейс ответил: «Это потому, что мы ранее создали *просто нацию*».

² 14 нивоза VI года в прокламации центрального бюро Парижского кантона говорилось: «При слове «Англия» кровь кипит в жилах и сердце трепещет от негодования» («Paris pendant la réaction и т. д., т. IV, стр. 519). Из проявлений тогдашней англофобии укажем на успех, которым

удача с проектом высадки в Англии нанесла такое разочарование французскому патриотизму, что он явно готов был пожертвовать даже свободой и что в случае надобности нация отреклась бы от своих прав в пользу одного человека, если бы только она могла надеяться, что одолеет таким путем Англию.

Это вырождение патриотизма проявилось в том положении вещей и в том идейном настроении, которые мы называем в настоящее время милитаризмом.

Генералы, строго подчиненные гражданской власти, пока Франция сражалась ради самозащиты, ради охранения своего существования, стали господствовать с того момента, когда, сделавшись завоевательницей, она захотела удержать, организовать и расширить свои завоевания.

С тех пор как массовые рекрутские наборы перенесли в военный лагерь все молодые и живые силы нации, только одна армия и была, повидимому, действительно сильной и жизнеспособной. У нее именно правительство и искало поддержки для своей внутренней политики. 18 фруктидора произошло благодаря Бонапарту, при содействии Ожеро. Армия высказывалась тогда так же, как она высказывается в наше время в Испании; она составляла адреса, направленные против королевской власти, и брала под свою защиту гражданский порядок.

Она была горячо республиканской, но в то же время была привязана к своим вождям, которые вели ее к победам. Кроме того, при своих завоеваниях французская армия занималась политикой, организовала итальянские республики; почему же ей было не заняться устройством французской республики?¹

С тех пор как вместо самозащиты начались завоевания, армия (так же как и нация) полюбила последние ради них самих, сначала из тщеславия, а затем ради грабежа. Гош, Клебер и Марсо противодействовали, насколько могли, этим хищным инстинктам, но Бонапарт, напротив того, поощрял их и внушал итальянской армии самые грубые идеалы.

Таким образом, чистый республиканский идеал солдат II года изменился. Они приобрели вкус к завоеваниям, к добыче, к грабежу. Победы, которыми французская армия была обязана военным талантам своих вождей, вызвали в ней чув-

пользовались «Песня мести» Руже де Лиля и театральные пьесы на тему, о «высадке в Англию» («Paris pendant la réaction» и т. д., т. IV, стр. 505, 507, 509, 515, 532).

¹ Совет пятисот, повидимому, поощрял эти попятножения, уделяя значительное место военным в списке кандидатов на должности членов Директории. Так, он вносил несколько раз в эти списки имена следующих генералов: Берноувиля, Массена, Эрнуфа, Ожеро, Брюна, Мулена, Лефевра, Дюфура, Мареско, Пилля. См. выше, стр. 727—728.

ства, постепенно обратившие ее позднее в преторианскую армию.

Она ненавидела Бурбонов и королей; она кричала: «Да здравствует республика! Да здравствует свобода и равенство!», но в ее душе уже не было больше любви к гражданской свободе. После того как она произвела государственный переворот в пользу гражданской власти, представленной неизвестными личностями, почему ей было не произвести переворота в пользу своих знаменитых генералов? Гражданские власти плохо одевали ее и плохо кормили; ее военные вожди вели ее к славе и добыче, любили ее, понимали и доказали при организации завоеванных ими областей, что они так же сведущи в гражданских делах, как и в военных.

Случилось, кроме того, что самый знаменитый из этих вождей, Наполеон Бонапарт, был одновременно великим полководцем и великим военным оратором, олицетворяя собою, повидимому, старинный идеал французской расы.

II

После своих удивительных побед в Италии в IV и V годах, а особенно после смерти Гоша, генерал Бонапарт сделался героем Франции и уже давал много пищи народному воображению. Приехав в Париж после обмена в Раштаде ратификацией мирного договора, заключенного в Кампо-Формио, он был принят Директорией 20 фримера VI года в публичной аудиенции, до такой степени пышной и театральной, что она была как бы апофеозом генерала, в гражданских доблестях которого правительство имело, однако, не одну причину сомневаться. Бонапарт говорил при этом как солдат, но он говорил также и языком политического деятеля, причем, высказав похвалу революции и упомянув в восторженных выражениях о республиканских победах, позволил себе заявить следующее: «Когда счастье французского народа будет зиждиться на лучших органических законах, вся Европа делается свободной». Члены Директории не осмелились протестовать против такого, хотя и косвенного, но все же дерзкого порицания конституции III года. Они на глазах у всех прижимали к своему сердцу Бонапарта и тем санкционировали его популярность, которая уже тогда могла внушать опасения: все эти банкеты, медали в его честь, стихотворения, песни и льстивые статьи в газетах были результатом всеобщего обожания и преклонения, тем более опасных для свободы, что в большинстве случаев они были искренни. Назначенный главнокомандующим армией, которая должна была высадиться в Англии, Бонапарт остался в Париже, где в согласии с Сиейсом стал

собирать вокруг себя партию, достаточно смелую, в среде которой говорилось о том, чтобы вернуть Законодательному корпусу его прежнюю власть и организовать новое 9 термидора против правительства; утверждать, что Директория решилась на экспедицию в Египет отчасти с целью избавиться от соперника, который уже становился почти повелителем.

Эта экспедиция, хотя в конце концов злополучная, присоединила к славе Бонапарта своего рода восточный ореол. Несмотря на то, что он покинул свою армию, чтобы вернуться во Францию, на него смотрели не как на дезертира, а как на героя, спасшегося чудом. Когда 21 вандемьера VII года в Париже узнали, что 16-го числа он высадился на берег близ Фрежюса, во всех театрах, кофейнях и на улицах последовал взрыв веселья; о бывшем члене Конвента Бодене, скоропостижно умершем тогда, стали говорить, что он умер от радости; как республиканцы, так и роялисты с надеждой приветствовали возвращение Бонапарта в своих газетах. Горячий республиканец Брио (из департамента Ду) предсказывал в лирическом стиле в Совете пятисот (22 вандемьера) услуги, которые окажет республике шнага абукирского победителя¹.

Между тем, Бонапарт совершал в это время свое триумфальное путешествие. «Толпа была такова, — говорит «*Moniteur*», — даже на дорогах, что экипажи с трудом могли двигаться. Все города, через которые он проезжал от Фрежюса до Парижа, по вечерам были иллюминированы». В Лионе происходило нечто безумное: в честь его была сочинена и поставлена пьеса: «Возвращение героя, или Бонапарт в Лионе»².

Директория, по всей вероятности, предвидела, а быть может, даже и вызвала сама это возвращение, но она не ожидала такого опасного взрыва популярности. Она встретила Бонапарта довольно приветливо и без всяких упреков. Генерал обнаружил скромность. Он всем льстил и успел всех привлечь к себе, за исключением Журдана и Бернадотта; он подарил саблю Моро и убедил Академию, что египетская экспедиция была совершена в интересах одной науки. Самые выдающиеся умы того времени: Бертолле, Монж, Лаплас, Шанпаль, Кабанис, Мари-Жозеф Шенье, все ученые, поэты и мыслители были убеждены, что этот молодой генерал, математик и фило-

¹ 27 вандемьера VIII года муниципальная администрация Понтарлье писала центральной администрации департамента Ду: «Известие о прибытии Бонапарта во Францию так наэлектризовало республиканцев коммуны Понтарлье, что некоторые из них заболели от этого, другие проливали слезы от радости, и всем казалось, что это сон» (*Sauzay, Histoire de la persécution révolutionnaire dans le département du Doubs*, т. X, стр. 474).

² См. «*Moniteur*» от 25 вандемьера VIII года и «*Le Bien Informé*» от 29 вандемьера.

соф создаст республику, о которой они мечтали. Он старался казаться скорее гражданином, чем солдатом, и стал носить полувойенный костюм: сюртук с широкой турецкой саблей. Он стал носить короткие волосы, — говорит «*Moniteur*» от 26 вандемьера. — Климат, среди которого он прожил более года, придал более живую окраску его от природы бледному лицу». В первый раз с 1789 г. газеты стали наполняться хвалебными анекдотами об отдельном человеке, слова и поступки которого передавались и описывались, как не делалось это ни по отношению к Мирабо, ни по отношению к Робеспьеру. И это было не оплаченной или условленной «рекламой»¹, а проявлением сочувственного любопытства, всеобщей симпатии. Гошем только восхищались, Бонапартом восхищались и в то же время некоторых проникательных республиканцев, уже видевших в перспективе Кромвеля. С тех пор Франция стала отождествлять себя с этим героем, умевшим побеждать и говорить и превышавшим целою головою своих современников, тем более что гильотина давно погубила всех его возможных соперников, всю лучшую мыслящую и активную часть тогдашнего поколения. Коса смерти, прошедшая над нацией, сделала из Бонапарта, и без того уже очень возвышавшегося над окружающими, настоящего великана, за которым никого больше не было видно.

Не подлежит сомнению, что Бонапарт вернулся из Египта уже с честолюбивыми и преступными мечтами. Зная о внешних и внутренних опасностях, угрожавших Франции, он рассчитывал явиться в роли спасителя. Высадившись на берег, он узнал, что Франция уже была спасена победами Массена и Брюна. Тогда ему пришлось поневоле скромно наслаждаться своею популярностью, выжидать, лавировать и вести переговоры со Сиейсом.

Этот последний говорил, что ему необходима шпага для осуществления его таинственных и сложных конституционных проектов. Он хотел бы, чтобы эта шпага была «короче» бонапартовской; он предпочел бы шпагу Моро, но Моро уклонялся. Бонапарт после возвращения из Египта был единственным генералом, к которому мог обратиться Сиейс. «Старая лисица» надеялась провести «юного героя». Тем не менее Сиейс наполовину опасался того, что случилось. Разговаривая в то время с Жозефом Бонапартом и Кабанисом о своем проекте сделать Наполеона Бонапарта консулом вместе с самим собой

¹ По крайней мере вначале. Вскоре после того популярность Бонапарта была организована Талейраном на промышленных началах. См. *Rocher, Oeuvres*, т. III, стр. 296.

и еще третьим лицом, он сказал им: «Я хочу иметь дело с генералом Бонапартом потому, что из всех военных он еще наиболее штатский. Однако я знаю, что меня ожидает: после успеха генерал, оставив позади своих двух сотоварищей, делает такое же движение, какое делаю теперь я». Став при этом между своими собеседниками и оттолкнув их назад вытянутыми руками, он вдруг очутился посреди салона. Когда об этом анекдоте было сообщено генералу, тот улыбнулся и сказал: «Да здравствуют умные люди! Я вижу в этом хорошее предзнаменование»¹. Тщетно Сиейс добивался, чтобы его конституция была заранее признана Бонапартом; последний не хотел слушать его и условливался с ним только относительно средств выполнения задуманного переворота; что же касалось конституции, то он заявлял, что ее надо будет подвергнуть обсуждению законодательных комиссий, избранных из среды очищенного Законодательного корпуса. Если же Сиейс не согласен с этим, то пусть ищет другого генерала! Талейран и Рёдерер, игравшие деятельную роль за кулисами этого заговора, помешали разрыву. Сиейс уступил, а его конституция была таким образом «отодвинута на второй план и предоставлена на произвол будущего».

III

Итак, Бонапарт, Сиейс и их соумышленники решились произвести, по отношению к Законодательному корпусу, государственный переворот, аналогичный перевороту 18 фруктидора; но они не были уверены в успехе и видели, что общественное мнение не требовало тогда спасения. Без сомнения, французы после стольких переворотов, как правительственных, так и народных, дошли до политического скептицизма, до апатии, позволявших решаться на многое, но не дававших возможности рассчитывать на восторженную поддержку со стороны национального чувства; без сомнения, истинно республиканский дух, дух равенства, был извращен злоупотреблениями террора, злоупотреблениями военной славою, слабостью и насилиями Директории; без сомнения, буржуазия, эта новая социальная аристократия, обладательница национальных имуществ, боялась теперь как якобинцев, ставших наполовину бабувистами, так и роялистов, угрожавших общественному порядку, установленному с 1789 г. Всего этого было достаточно, чтобы сделать государственный переворот возможным, если бы он оказался направленным одновременно против якобинцев и против Людовика XVIII; но этого не было

¹ «Mémoires du roi Joseph», т. I, стр. 77 (Нац. библ., Lb. 44/273, in-8).

достаточно для того, чтобы переворот казался необходимым. Нация не требовала его.

Если бы Бонапарт вернулся из Египта несколькими неделями раньше, когда Суворов еще угрожал французским границам, тогда Франция, быть может, бросилась бы в его объятия; но в брюмере VIII года французские границы были спасены, а роялистское восстание на юге побеждено.

Однако новая опасность едва не помогла проектам заговорщиков. В конце вандемьера получились известия о новых восстаниях в Вандее и о возрождении шуанства. Но общественное мнение не было взволновано и скоро распознало фиктивный характер этого роялистского движения. Прусский посланник, находившийся тогда в Париже, писал своему правительству, что доверие восстанавливалось повсюду во Франции и что даже религиозные распри затихали.

Утверждают, что тогда Законодательный корпус ничтожеством и бессвязностью своих прений окончательно оттолкнул общественное мнение от парламентского режима; напротив того, он серьезно и спокойно занимался тогда отменой террористических законов о принудительном займе и о заложниках. 17 брюмера эти прения должны были закончиться; если бы Сиейс и Бонапарт стали ждать еще дольше, у них исчезла бы возможность грозить якобинцами и красным призраком. Настало время действовать; еще один день, и уже было бы поздно. Сиейс еще колебался, но Бонапарт решил ускорить дело.

Какую бы силу ни придавали заговорщикам слава Бонапарта и положение Сиейса в правительстве, государственный переворот, которого Франция не желала, был бы, без сомнения, неосуществим, если бы согласие на него большинства Совета старейших уже не было заранее обеспечено, благодаря не идее военной диктатуры (внушавшей ужас этому Совету), а конституционным проектам Сиейса, хотя никто не понимал тогда ясно этих проектов и хотя сам Сиейс еще не выработал тогда всех форм и средств выполнения своих планов. Совет пятисот вотировал резолюцию, грозившую смертной казнью всем посредникам, генералам, министрам, членам Директории и т. д., которые предложили бы или приняли бы условия мира, стремившиеся нарушить целостность территории республики или изменить конституции III года. Эта резолюция, очевидно направленная против Сиейса, была отвергнута старейшими 2 брюмера VIII года. Совет пятисот примирился с этим; конфликта не последовало, но между двумя палатами существовало глубокое разногласие. Совет старейших допускал, следовательно, что конституция могла быть изменена; Совет пятисот, чувствуя, что ей угрожает опасность, избегал всякой ссоры, держался примирительного тона, но обнаружи-

вал полное бессилие и непредусмотрительность. Он боялся Снейса и был прав; но он не страшился Бонапарта и дошел в своей доверчивости до того, что выбрал 1 брюмера своим президентом его брата Люсьена, поклявшегося пронзить кинжалом всякого диктатора. Когда старейшим надо было возобновить состав своих квесторов, они избрали на эту должность людей, ставших потом участниками государственного переворота: Корнэ, Куртуа, Бопре, Барэлоне и Фабра.

Бонапарт провел день 17 брюмера в заботах о том, чтобы обеспечить себе поддержку офицеров и войска. Он добился нейтралитета со стороны генерала Бернадотта, призывал к себе Макдональда, Бернонвиля и своего зятя Леклера; что касалось Моро, то, будучи недоволен Директорией, он согласился помогать. Один из современников, историк Тиссо, уверяет, что военный министр знал о заговоре и предлагал членам Директории арестовать Бонапарта; но они отказались, успокоенные полицейскими донесениями Фуше. Добрый Гойе был одним из наиболее горячо не веривших в заговор, потому что Бонапарт обещал обедать у него на другой день, т. е. 18 брюмера. Снейсу, не сомневавшемуся в соучастии Роже Дюко и в благоразумном нейтралитете Барраса, нетрудно было обмануть своего коллегу Мулена. Пользуясь содействием Фуше и тайными советами искусного Талейрана, уверенные, что на их стороне большинство Совета старейших, Бонапарт и Снейс могли спокойно заняться последними приготовлениями к перевороту, в то время как комиссия квесторов созывала старейших на экстренное заседание, назначенное на 18 брюмера в восемь часов утра.

IV

Когда это заседание было открыто, президент комиссии квесторов Корнэ в неопределенных выражениях донес о заговоре, причем говорил «о кинжалах» и о «коршунах». Тогда Ренье, не сообщая ничего более точного, предложил старейшим воспользоваться правом, предоставленным им конституцией, и перенести заседания Законодательного корпуса в другую коммуны. Он указал на Сен-Клу, и выбор пал на это незначительное местечко с целью показать, что дело не шло о лишении Парижа его положения столицы. Оба Совета должны были собраться в Сен-Клу на следующий день, 19 брюмера. «Генерал Бонапарт здесь, — прибавил Ренье, — он готов исполнить ваш декрет, как только вы возложите на него это поручение. Этот знаменитый человек, оказавший так много услуг отечеству, горит желанием увенчать свои благородные труды актом преданности по отношению к республике и на-

родному представительству». Он потребовал, чтобы Бонапарту было поручено командование 17-й военной дивизией, расположенной в Сенском департаменте.

Если старейшие имели право перенести в другое место заседания Законодательного кордуса, то у них не было никакого права поручать то или другое командование генералу. Тем не менее Совет старейших вотировал все предложения Ренье.

Совету пятисот, собравшемуся к одиннадцати часам, было сообщено о декрете старейших, а чтобы помешать всяким прениям, президент Люсьен немедленно же закрыл заседание.

Декрет был передан Бонапарту прежде даже чем собрался Совет пятисот. Он произнес с крыльца своего дома речь целому генеральному штабу, который запруживал улицу. На возражения своего предшественника по командованию 17-й дивизией, генерала Лефевра, он ответил, что дело шло о том, чтобы избавить республику от «адвокатов». Он уже велел занять войсками Елисейские поля и Тюильерийский сад. Получив декрет, он отправился к решетке Совета старейших, чтобы принести присягу. Но вместо того чтобы «поклониться в верности республике и конституции III года», а также в том, что он «будет противодействовать всеми своими силами восстановлению королевской власти во Франции и всякого рода тирании», согласно формуле, декретированной 12 термидора VII года, он сказал: «Мы желаем республики, основанной на истинной свободе, на гражданской свободе и на национальном представительстве; мы будем иметь ее, я клянусь в этом, я клянусь в этом от моего собственного имени и от имени моих товарищей по оружию!» Расположившись немедленно же после того в зале квесторов, он стал отдавать приказания, поручать командования и, хотя никакой декрет не уполномочивал его на это, назначил генерала Моро командиром стражи Люксембургского дворца, где жили члены Директории. Моро принял эту роль тюремщика. Парижские заставы были заперты; отправка почтовых курьеров приостановлена.

Парижане отнеслись ко всему этому равнодушно; в Париже не произошло никакого движения, ни сочувственного, ни враждебного, хотя улицы были полны любопытными, читавшими прокламации Бонапарта: «В каком положении находилась Франция, когда я покинул ее, и в каком положении я нашел ее!.. Этот порядок вещей не может продолжаться» и т. д. Министр полиции Фуше и центральная администрация Сенского департамента также высказались за государственный переворот. Были распространены брошюры, восхвалявшие Бонапарта и его либеральные намерения; в них говорилось, что генерал не будет ни Цезарем, ни Кромвелем и что дело идет

о законной революции. Так как для законного обнародования декрета старейших требовалась подпись большинства Директории, то все зависело от положения, какое займет Баррас: если бы он присоединился к Гойе и Мулену, то начавшийся государственный переворот мог бы не удался. Он решался не вмешиваться, быть отсутствующим, и это отсутствие оказало содействие заговорщикам.

Гойе, бывший в это время председателем, созвал Директорию. Мулен один явился на этот призыв. Баррас прислал Законодательному корпусу свою отставку от должности члена Директории. Тогда смущенные этим Гойе и Мулен отправились к Сиейсу и Роже Дюко в залу квесторов, откуда те отказались уйти; там они все четверо и подписали декрет. Отсюда видно, что Гойе и Мулен или потеряли голову, или все еще доверяли Бонапарту. По возвращении в Люксембургский дворец, они оказались пленниками, под стражей Моро. Они протестовали, обратившись с посланием, которое было перехвачено. Мулен убежал. Гойе оставался пленником до 20 брюмера. Правительства более не существовало.

V

Между тем государственный переворот едва не потерпел неудачи, благодаря тому, что республиканцы, принадлежавшие к сторонникам конституции III года, имели время сговориться в те двадцать четыре часа, которые протекли между изданием декрета о перенесении Законодательного корпуса в Сен-Клу и первым его заседанием в новом месте. Президент Люсьен слишком рассчитывал на свое влияние в Совете пятисот; скоро стало очевидным, что большинство последнего было против проектов Сиейса и Бонапарта. Даже в Совете старейших враждебное меньшинство не скрывало своего негодования по поводу насилия над Гойе и Муленом.

Совет пятисот открыл свое заседание в Оранжерее, а Совет старейших в Марсовой галлерее, среди военной обстановки. Но так как солдаты, охранявшие дворец, состояли в большинстве из grenadiers Законодательного корпуса, то депутаты не страшились.

В Совете старейших заседание началось в два часа. Меньшинство потребовало объяснений по поводу заговора, о котором было заявление накануне. Ему ответили ложным известием, что члены Директории Гойе, Мулен и Роже Дюко подали в отставку, подобно Баррасу, и что Сиейс находится под надзором. В четыре часа Бонапарт, введенный в залу вместе со своим генеральным штабом, произнес несвязную речь, в которой говорил, что ему «сопутствуют бог счастья и бог славы».

Он потребовал, чтобы старейшие «предупредили раздоры», спасли свободу и равенство. «А конституция?» — закричали ему. Он ответил на это, что конституция, нарушенная всеми партиями, не могла больше спасти Францию. От него потребовали, чтобы он назвал заговорщиков. Он сослался на неопределенные обвинения против Барраса и Мулена. Требования становились настойчивыми; тогда он начал путаться, терять голову, обвинять Совет пятисот и обращаться с призывом к своим солдатам; затем он удалился. Один из республиканцев, Дальфонс, предложил тогда принести присягу конституции III года. Большинство казалось смущенными. В эту минуту получается известие, что Бонапарт заколот кинжалом в зале Совета пятисот. Совет старейших объявляет свое заседание тайным.

Совет пятисот собрался одновременно с Советом старейших. Когда заседание было открыто, Дельбрель вскричал: «Мы хотим конституции или смерти! Штыки не пугают нас: мы здесь свободны. Я требую, чтобы все члены Совета, вызываемые поименно, возобновили немедленно же свою клятву поддерживать конституцию III года». Собрание с энтузиазмом поднимается на ноги, и каждый депутат, даже Люсьен, приносит предложенную присягу, за исключением одного бывшего члена Конвента, жирондиста Бергуена.

Затем, когда началось обсуждение отставки Барраса и его замещения, в залу вошел Бонапарт, с непокрытой головой, держа в одной руке шляпу, а в другой хлыст, в сопровождении четырех гренадеров Законодательного корпуса, вооруженных только саблями. Рядом с ними он казался еще более маленьким. Он был бледен, взволнован, казался колеблющимся. Возможно, что было бы благоразумнее выслушать и допросить его; но негодование взяло верх. Ему не дали говорить; раздались крики: «Долой диктатора! Объявить его вне закона!» Дестрем обратился к нему со словами: «Разве ты для этого одерживал победы?» Уверяют, что в эту минуту несколько депутатов, и в том числе Арена, угрожали ему своими кинжалами и что один из гренадеров, по имени Томе, получил направленный на него удар. Но наиболее серьезные свидетельства, исходящее даже из лагеря бонапартистов, показывают, напротив того, что в эту минуту произошла простая толкотня, во время которой у гренадера Томе, быть может, был разорван рукав, но что не было никаких кинжалов и никаких покушений на убийство¹. Толкаемый и осыпаемый оскорблениями, Бонапарт удаляется. Брат его Люсьен пытается оправдать его,

¹ См. в журнале «La Révolution française», т. XXVII, стр. 113 и след. мою статью: «Bonaparte et les poignards des Cinq-Cents».

но его встречают шиканьем, криками, и он уступает председательское кресло другому заговорщику, Шазалю. Тогда вносится предложение отменить назначение Бонапарта и провозгласить, что войска, собранные в Сен-Клу, входят в состав стражи Законодательного корпуса. Шазаль отказывается подтвердить это предложение голосованию. Тогда поднимается единодушный крик: «Объявить Бонапарта вне закона!» Люсьен заставляет снова занять президентское место, чтобы вотировать этот декрет. Люсьен плачет, с ним делается дурно, он слагает с себя знаки президентского достоинства. Его окружают, утешают и позволяют ему идти к своему брату, чтобы покончить все путем честного объяснения. Шазаль снова занимает президентское кресло. Тогда поднимается страшный шум. Ожеро, явившийся занять свое депутатское место, требует, чтобы президент подверг голосованию декрет об объявлении Бонапарта вне закона.

Когда собрание готовилось вотировать этот декрет, вошли солдаты.

При выходе из зала Совета пятисот, Бонапарт был очень бледен; он шел как лунатик, с опущенной головой, преследуемый криком: «вне закона!», когда-то приведшим Робеспьера на эшафот. Молчание солдат и толпы усилило его страх. Он сел на лошадь, чтобы обратиться с речью к войску, но сейчас же упал; его подняли и окружили; в эту минуту пришел Люсьен и увел его во дворец, а затем вернулся к солдатам сказать им, что мятежники хотели убить их генерала и что сам президент Совета пятисот приказывает им занять зал, в котором заседали убийцы, и разогнать депутатов. Тогда два взвода гренадер с барабанщиками впереди и с ружьями наперевес вошли в Оранжерсю. Тщетно Блен, Бигонна, Тало и генерал Журдан обращались к ним с увещаниями: они надвигались на депутатов и заставляли их выходить из зала, а тех, которые сопротивлялись, со смехом поднимали на руки. Зрители, находившиеся в трибунах, выскакивали из окон.

VI

Совет старейших немедленно же назначил комиссию и поручил ей представить ему доклад о мерах, которые надлежало принять. На основании этого доклада он вотировал упразднение Директории, учреждение Исполнительной комиссии из трех членов и отсрочку заседаний Законодательного корпуса.

Но Бонапарт и Сийес не думали, чтоб эти постановления Совета старейших могли быть признаны общественным мнением.

Тогда были созваны 25 или 30 членов Совета пятисот, которые открыли заседание в девять часов вечера под председательством Люсьена и, как если бы они составляли большинство, вотировали по докладу Булэ (из департамента Мерты) резолюцию, провозглашавшую, что Директории не существовало более, что из состава Законодательного корпуса исключались 61 член, в том числе Тало, Арена, Брио, Дестрем, Гупильо (из Монтэню) и генерал Журдан, что учреждалась консульская Исполнительная комиссия, состоящая из граждан Снейса, Роже Дюко и Бонапарта, которые получали наименование «консулов французской республики», что заседания Законодательного корпуса откладывались до 1 вантоза того же года и что в течение этого промежутка времени каждый из Советов будет заменен комиссией из 25 его членов; эти две комиссии должны были принимать решения «по поводу всех неотложных вопросов, касавшихся полиции и финансов, на основании формального и необходимого предложения консульского исполнительного совета», и подготовить «необходимые изменения в тех органических постановлениях конституции, недостатки или неудобства которых доказаны опытом».

Совет старейших немедленно же превратил эту резолюцию в закон, и три временных консула предстали перед решеткой, чтобы принести присягу «в верности единой и нераздельной республике, свободе, равенству и представительному образу правления». Эта формула была предложена Люсьеном; тот же Люсьен сравнивал, с трибуны Совета пятисот, день 18 брюмера с днем клятвы в Манеже для игры в мяч.

Что касается гренадеров, разогнавших Совет пятисот, то они думали, что спасли республику и, возвращаясь в Париж, пели «*Ça ira*»¹.

¹ См. газету «*Le Diplômate*» от 21 брюмера VIII года. Наг. библи., Лс. 2/881, in-4.